

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

2-07

**МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2007**

УДК (316.422: 330,34) (048)

ББК 65.9 (2 Рос) – 56

Э 40

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семеко – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – член-корр. РАН,
Н.И. Иванова – д-р экон. наук (ИМЭМО),
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук (ГУ-ВШЭ)

Редактор-составитель выпуска –
кандидат географических наук *В.Г. Былов*

Экономические и социальные проблемы России:
Э 40 Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М., 2007. – № 2: Миграционные процессы в России / Ред.-сост. вып. В.Г. Былов. – 192 с.

В сборнике, являющемся продолжением публикаций по проблемам миграции в России, между Россией и странами ближнего и дальнего зарубежья, рассматриваются развитие миграционных процессов между отдельными регионами России и их последствия для развития соответствующих регионов, влияние на региональные рынки труда, роль столичного региона в качестве полюса притяжения мигрантов, политика в области миграции на федеральном и региональном уровнях. Адресуется специалистам по экономике России, преподавателям экономических дисциплин в высших учебных заведениях, аспирантам, студентам.

ББК 65.9 (2 Рос) – 56

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

© ИНИОН РАН, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Вишневский А. Россия: Демографические альтернативы.....	9
Пальников М.С. Экономические и демографические последствия эмиграции из России – 90-е годы XX в. – начало XXI в. (Обзор)	15
Назуллаева Е.Ю. Миграция трудовых ресурсов между государственным и частным секторами экономики	77
Маркарян В.Р. Влияние миграционных потоков на развитие рынка труда Краснодарского края.....	88
Пряжников О.Н. Внутрিরоссийская миграция: Миграционная ситуация в регионах России. (Обзор)	106
Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. Трудовая миграция из России и российская диаспора	120
Перспективы трудовой миграции в России. (Сводный реферат).....	129
Трудовая миграция в СНГ: Социальные и экономические эффекты.....	162
Шабаева В.И. Миграция иностранной рабочей силы между регионами и внутри регионов. (Обзор).....	171
Феминизация международной миграции.....	186

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов продолжает серию научно-информационных изданий ИНИОН по проблемам внутренней и внешней миграции в России и странах Западной Европы. Россия в последние годы столкнулась с рядом проблем в демографическом развитии, включая массовые перемещения населения на пространствах бывшего СССР и в рамках СНГ.

Миграция в России стала заметным явлением, отражающим комплексное воздействие процесса глобализации на социально-экономическую жизнь, и одновременно как бы воспроизведением подобных процессов, оказавших сильное воздействие на страны Западной Европы после Второй мировой войны. По сути дела можно говорить, что Россия как бы с отсрочкой получила те же проблемы вторжения многочисленной когорты малообразованной и малоквалифицированной рабочей силы и родственников подобных мигрантов. В данном случае речь идет о наплыве из республик бывшего СССР (прежде всего из Украины, Молдовы, республик Закавказья и Средней Азии) и сопредельных государств – Афганистана, Китая, Турции, Вьетнама.

Как известно, после Второй мировой войны промышленно развитые страны Европы остро нуждались в дополнительной рабочей силе, и эта потребность реализовывалась путем ввоза рабочих из таких стран, как Югославия, Турция, Италия, Испания, Португалия, страны Магриба. Россия также спустя несколько десятилетий, после крушения социалистического лагеря, столкнулась с проблемой притока в страну мигрантов, малообразованных и не имеющих достаточной профессиональной подготовки рабочих с периферии стран СНГ, прежде всего из Закавказья и республик Средней Азии. Последствия этого наплыва в последние годы стали ощущаться наиболее остро и были осознаны властями России, как это было и в

прошлом, со значительным опозданием. В частности, в столичном регионе определенные меры были предложены и предприняты только в начале 2007 г., и действенность подобных мер еще предстоит оценить в будущем.

Миграционные процессы в России, как свидетельствуют материалы сборника, стали предметом многочисленных исследований, прежде всего отечественных ученых. Однако при всем обилии научных трудов по этой проблеме остаются определенные лакуны для дальнейших исследований. В частности, пока что остается открытым вопрос о численности и структуре мигрантов – как иммигрантов, так и эмигрантов. Отсюда в большинстве работ фигурируют в основном оценки и потому показатели различаются на порядок. Это состояние отражает прежде всего фактическую прозрачность, открытость границ России для мигрантов из стран СНГ, отсутствие надлежащего пограничного контроля и учета, прежде всего на границах РФ. Поэтому при отсутствии надлежащей статистической базы большинство ученых фигурируют этими, весьма неполными данными.

Еще сложнее оказалось определить реальные масштабы эмиграции из России. Если данные о пересечении государственных границ могут с известной долей достоверности говорить о направлении миграционных потоков из России, то пока что не получила достаточно определенного подтверждения ситуация с обустройством мигрантов на новом месте жительства за рубежом, достоверных свидетельств об их трудоустройстве, материальном положении в местах проживания, перспективах. Как известно, значительная часть потенциальных и, позднее, реальных эмигрантов имеет весьма смутное представление о реалиях своего проживания на новом месте и перспективах. В частности, значительная часть молодежи, собирающейся эмигрировать, не обладает знанием языка, реальных механизмов адаптации в новом месте жительства, необходимым финансовым обеспечением, реальными возможностями соответствовать требованиям нового для себя рынка труда и т.д. Поэтому ожидание «рая на земле» оборачивается жалким существованием на выплачиваемом государством пособии, зависимостью от произвола местных властей. Эти эмигранты уже не могут смириться с необходимостью вернуться к себе на родину, идут на разного рода ухищрения, чтобы удержаться в стране иммиграции.

Приведенные в настоящем сборнике материалы показывают важность показателей процесса движения населения, в том числе для устранения пагубных последствий катастрофического роста

смертности и сокращения рождаемости, которые ведут к дальнейшему сокращению населения России. Поэтому хотя бы для стабилизации численности населения в XXI в. государство должно обеспечить привлечение рабочей силы и населения из других стран.

Поиск ответа на миграционные вызовы наступившего столетия стал одной из основных целей демографической политики России. Сохранение нынешних демографических тенденций в России, как отмечают российские и иностранные демографы и эксперты, не позволит обеспечить стабилизацию численности и увеличить население страны. Поэтому страна должна либо смириться с быстрым сокращением и старением населения, либо существенно использовать миграционные ресурсы. Поэтому Россия должна быть сильно заинтересована в значительном увеличении миграционных потоков.

Однако на примере промышленно развитых стран (США, стран Западной Европы) очевидно появление массы экономических и социальных проблем при развитии массовой иммиграции в принимающей стране. В частности, все более распространенными становятся неприятие и предубеждение против иммигрантов. Эти моменты всегда существовали в русском обществе, а их дальнейшее распространение может усилить негативные моменты и затормозить приток иностранцев, что в условиях сокращения населения может значительно уменьшить трудовой потенциал страны. Рост рождаемости и снижение смертности создают ограниченные возможности для стабилизации численности населения, и только иммиграция действительно может предоставить на данном этапе реальные человеческие ресурсы для решения демографических и экономических проблем России. В то же время определенная слабость центральной власти в стране не позволяет эффективно бороться с негативными последствиями иммиграции. Власти вынуждены принимать меры по ужесточению контроля за иммиграцией, хотя эти меры в условиях слабости власти не дают желаемых результатов.

Как отмечается в материалах сборника, из-за несовершенства статистического учета движения населения немногочисленные фундаментальные исследования современных этапов и «волн» миграции опираются главным образом на данные выборочных обследований и социологических опросов, личные наблюдения и интервью фигурантов процесса, на статистику международных организаций, оценки иностранных исследователей. Хотя в ряде случаев полученные такими методами данные могут быть качественными, достоверными, использование разных методик и источников делает их малосопос-

тавимыми, искажающими картину. Так, в последний период прошлого столетия (вторая половина 90-х годов) ежегодная эмиграция оценивалась в 100 тыс. человек (расчеты В. Ионцева), по другим данным (Ж. Зайончковская) – 50–60 тыс., а на 2003–2005 гг., по данным Ю. Крупнова (Институт мирового развития), ежегодный уровень составлял в среднем уже 93 тыс. человек. С подобным успехом можно было включать в оборот любые цифры. Что, возможно, более правдоподобно, это констатация последовательной смены волн – вынужденной, принудительной, добровольной, этнической по характеру. При этом, как отмечается в сборнике, женская и бизнес-эмиграция последнего периода носила смешанный, добровольно-вынужденный и вынужденно-принудительный характер.

Получила распространение так называемая «интеллектуальная миграция», особенно в период четвертой волны эмиграции, хотя нельзя считать бесспорным, что эта волна включала действительно лиц с высоким интеллектуальным уровнем. Именно пестрый характер участников этой волны миграции может объяснить трудности производственно-бытового устройства на новом месте жительства. Возможно, участники этого процесса могли явно переоценивать свои творческие возможности, тем более что рынок труда в промышленно развитых странах предъявляет к подобным мигрантам более жесткие требования, чем на родине.

Одной из ярко проявившихся особенностей эмиграции из России стало развитие массовой женской эмиграции, которую можно рассматривать как часть процесса феминизации миграции населения и трудовых ресурсов. Получил распространение трафик женщин как новейшая форма фактической торговли людьми. Многие российские женщины специально направлялись за рубеж, чтобы пополнить наряду с уроженками Украины и Молдовы ряды проституток. Выезжая за рубеж по туристическим или артистическим визам, подобные жительницы России и сопредельных стран отправляются на работу в качестве домработниц, нянь, сиделок, танцовщиц, аниматоров в туристических комплексах. Как отмечается в материалах сборника, осознанное решение остаться и трудиться в качестве проституток или «инкубаторов» для рождения ребенка для семей иностранцев принимают не менее половины выезжающих одиноких женщин. Характерно, что безвозвратная эмиграция, включая нелегальные формы, носит достаточно организованный характер.

В сборнике отмечается кризисное состояние национальной системы учета мигрантов. Ранее действовавшая система текущего учета

населения, опиравшаяся на соблюдавшийся в стране паспортный режим, оформление прописки по новому месту жительства, обязательное заполнение адресных листов прибытия-выбытия и отсылку первичных данных в органы государственной статистики, была разрушена. Развитие международной миграции сделало невозможным регистрацию проживания или выбытия граждан за пределы страны. С регистрационного учета стали сниматься только люди в случае продажи своего жилья в связи с выездом на ПМЖ из России. Эти проблемы подробно анализируются в аналитическом обзоре М. Пальникова.

Большое внимание в сборнике уделено состоянию и развитию внутренней миграции в стране, а также проблемам иммиграции в Россию граждан ближнего и дальнего зарубежья. Рассматриваются проблемы миграции кадров между государственным и частным секторами экономики. В приведенных материалах подробно анализируется изменение форм миграции как между отдельными секторами, так и регионами России, изменения в образовательном уровне и профессиональном составе мигрантов, особенности формирования и размывания русской диаспоры в национальных образованиях на просторах бывшего СССР, существование и перспективы нелегальной миграции как в пределах России, так и за рубежом.

Особое внимание в сборнике обращено на состояние и развитие трудовой миграции, ее роль в формировании национального и локальных рынков труда России (обзоры В. Шабоевой, С. Куликовой, О. Пряжниковой), участие трудовых мигрантов в формировании международных рынков рабочей силы, социальные и экономические последствия наплыва трудовых мигрантов на рынки труда стран-участниц СНГ.

В сборнике затрагивается вопрос о проблемах развития иммиграции после принятия нового порядка регистрации иммигрантов после принятия постановления от 15 января 2007 г. В приведенных материалах отмечаются определенные недостатки принятых мер по регулированию трудовой миграции, прежде всего в Московском регионе. Отмечается, что результативность принятых мер по-прежнему остается под вопросом, равно как и масштабы регистрации и упорядочения миграции. Как свидетельствуют наблюдения исследователей, столица по-прежнему находится в окружении нелегальных мигрантов. При этом истинные масштабы миграции и степень охвата нелегалов регистрацией остаются неизвестными.

В.Г. Былов

**ВИШНЕВСКИЙ А.
РОССИЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ**

**VICHNEVSKI A.
Russie: les alternatives demographiques // Futuribles, P., 2006. –
N 322. – P. 25–46.**

В статье А. Вишневого, руководителя Центра по проблемам демографии и экологии человека в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, указывается, что с 1994 г. население России сократилось примерно на 6 млн. человек. Если оно продолжится и усилится, то Россия столкнется с очень серьезными экономическими и социальными проблемами, которые усугубляются в связи с проблемами управления ее огромной территорией.

Автор указывает, что катастрофические показатели смертности в России и сокращение рождаемости приведут и в дальнейшем к сокращению коренного населения страны. Для стабилизации численности населения в XXI в. необходимо будет прибегать к значительной иммиграции населения из других стран. В связи с этим поиски ответа на миграционные вызовы XXI в. стали одной из основных целей внутренней и внешней политики России.

Вишневский указывает, что Россия является одной из первых стран в мире, где соотношение плодovitости и смертности, установившееся в 1964 г., сделало невозможным простое замещение населения. Так как это соотношение сохранялось в течение последующих десятилетий, это привело к отрицательным показателям роста населения в 1992 г., т.е. к сокращению численности населения. С начала 1994 г. до 2006 г. население России сократилось на 5,9 млн. человек, уменьшившись с 148,6 млн. до 142,7 млн. человек (с. 26). При сохранении современных демографических тенденций

в России не произойдет никакого серьезного увеличения населения, о чем свидетельствуют российские и иностранные эксперты.

Ответ на вопрос – возможно ли оказание влияния на изменение этих тенденций и прекращение сокращения населения – зависит от изменений рождаемости, смертности и миграции, которые оказывают влияние на численность и структуру населения страны.

Вишневский подчеркивает, что, если современные тенденции рождаемости сохраняются и даже если произойдут благоприятные изменения в уровне смертности, у России не слишком большой выбор. Она должна будет либо смириться с быстрым сокращением и старением населения и потерей своих позиций в мировой демографической иерархии, либо прибегнуть к значительному привлечению и использованию миграционных ресурсов. В этом смысле она не отличается от большинства промышленно развитых стран, которые широко используют этот ресурс для компенсации потерь своего населения.

Если рост рождаемости в России маловероятен из-за того, что современные семьи не стремятся иметь большее количество детей, чем у них есть в настоящее время, то существует большая возможность для увеличения миграционных потоков, в которых очень заинтересована Россия как принимающая страна и другие страны – как поставщики мигрантов.

Однако опыт западных стран в области приема крупных масс иммигрантов и значительно меньший России показывает, что, даже если мигранты играют большую роль как источник демографического и экономического богатства, всякая массовая иммиграция порождает массу экономических и социальных проблем для принимающей страны. Так, неприятие и предубеждение против иммиграции, всегда существовавшее в русском обществе, усиливается и может серьезно затормозить приток иностранного населения. Таким образом, прогноз в этой области осуществляется также в ситуации неуверенности. Здесь возможны два подхода.

Первый основывается на экстраполяции изменения миграции нетто (разница между эмиграцией и иммиграцией), которая наблюдалась в течение последнего десятилетия в России, что не предполагает значительных изменений в миграционной политике государства. С начала 90-х годов в России происходил резкий краткосрочный рост иммиграции, затем спад последовал за сокращением нетто-миграции, которая усилилась особенно после финансового кризиса 1998 г. Нельзя исключить тем не менее ее рост, возможно, в связи с легализацией незарегистрированных иммиграционных потоков.

Второй подход к оценке внешней иммиграции в демографических долгосрочных прогнозах опирается на идею о том, что благодаря активной миграционной политике государства ежегодная иммиграция в Россию резко возрастет и достигнет уровня, позволяющего полностью компенсировать естественную убыль населения и стабилизировать его численность. В этом случае можно говорить о стабилизации в отличие от экстраполяции, которая имела в первом подходе.

Рассматривая альтернативные стратегии в области миграции, А. Вишневский указывает, что сокращение и старение населения, обусловленные глубокими изменениями, происходящими в демографическом процессе и связанными с модернизацией воспроизводства поколений, называемом «демографическим переходом», является одним из основных вызовов, на которые должно ответить российское общество в XXI в. России удастся это сделать только в случае совмещения, согласования двух видов ответов, которые можно было бы квалифицировать как «качественные» и «количественные».

Качественный ответ состоит в том, чтобы экономические и социальные организации были приспособлены к новым демографическим условиям в России. С этой целью следует перейти от экстенсивных форм развития к интенсивным формам, обеспечить максимум рентабельности ресурсов, выделяемых на экономику, образование, здравоохранение, науку и безопасность. Эта интенсификация – только одна-единственная – способна компенсировать частично неблагоприятные демографические изменения и создать условия, способные позволить современным поколениям россиян, менее многочисленным, чем в прошлом, решить проблемы, не ухудшая условия жизни своих детей и внуков.

Однако одного этого ответа недостаточно. В принципе, как указывает автор, можно найти достаточное количество аргументов, в соответствии с которыми сокращение населения не всегда плохо и его рост не всегда хорошо. Однако, исходя из конкретных российских условий, трудно не увидеть, что демографический спад является неблагоприятным обстоятельством. Россия нуждается и будет нуждаться в людях, и эта потребность не исчезнет даже в случае осуществления значительного прогресса в научно-технологической и социальной областях. Также будет необходим параллельно с качественным ответом количественный ответ, демографический, способный максимально замедлить сокращение населения в России и в идеале стабилизировать численность населения. Даже если прогнозы показывают, что

можно этого достичь в определенной мере в результате роста рождаемости и снижения смертности, эти возможности очень ограничены. Только иммиграция действительно способна предоставить человеческие ресурсы для решения демографической проблемы. Чтобы демографическое развитие России стабилизировалось и произошло значительное изменение состава населения, доля мигрантов и их детей должна быстро расти и составлять, возможно, более половины населения во второй половине XXI в. (с. 42).

Россия не является единственной страной, которая должна противостоять перспективе изменения состава населения в связи с миграционными потоками. В 2000 г. эксперты ООН в докладе по проблемам миграции указали, что замещающая миграция может быть решением проблемы сокращения населения и его старения. По расчетам, приведенным в этом докладе, миграция, необходимая для компенсации отрицательного увеличения населения в развитых странах, приведет к 2050 г. к тому, что доля мигрантов и их родственников в большинстве стран будет очень значительна и составит 28% в России, 26 – в среднем в странах Европы и даже больше в Германии – 36 и Италии – 38% (с. 42).

По последним данным, показатели для России выше, чем данные, приведенные в докладе ООН, так как в них учитывается продолжающееся сокращение населения страны. Потребность в иммигрантах для сохранения населения России на уровне начала века увеличилась. При условии осуществления прогноза стабилизации доля мигрантов, прибывших после 2000 г., и их родственников в населении России приблизится с 50%-ной вероятностью к 35% в 2050 г. и превысит 60% через 100 лет. Через 50 и 100 лет доля мигрантов будет особенно велика в группе экономически активного населения и составит соответственно 39 и 61% (с. 45). Доля мигрантов будет почти также велика среди детей – 38 и 59%. Среди более старших групп населения мигранты составят 28% к 2050 г., но к концу века в этой возрастной группе доля мигрантов составит более 56% (с. 45).

В ближайшем будущем Россия может рассчитывать на 3–3,5 млн. этнических русских из бывших республик СССР. И еще на 500 тыс. представителей других этнических групп, проживающих в России, а также на 3–4 млн. представителей народов из бывших республик СССР, которые владеют русским языком и тесно связаны с Россией общей историей. Но, если эти расчеты верны, то речь идет всего о 7–8 млн. человек, в то время как в ближайшие 25 лет

потребуется в три раза больше. Стратегия стабилизации численности населения может осуществиться только в случае привлечения совсем чуждых России мигрантов с точки зрения языка, культурных и религиозных традиций.

Существует много причин, которые оказывают негативное влияние на понимание и общение между людьми. Наиболее серьезным является то, что основная масса мигрантов являются выходцами из бедных и сельских стран, и, оказавшись в богатых и урбанизированных странах, большинство, по крайней мере вначале, оказываются внизу социальной пирамиды. Даже если мигранты готовы вынести любые условия, по прошествии некоторого времени они начинают испытывать чувство принадлежности к дискриминируемому меньшинству, которое не может получить определенные шансы. Такое положение вещей блокирует или значительно тормозит их интеграцию в принимающей стране, побуждает их группироваться вокруг традиционных этнических ценностей, которые питают протестную идеологию, экстремизм, этническую преступность и т.д. В конечном итоге массовая миграция может перерасти в серьезный фактор дестабилизации.

Эта опасность очень реальна и можно понять все более сильное коллективное желание общества решить миграционные проблемы путем абсолютного запрещения, максимального ограничения миграционных потоков в Россию в соответствии с формулой: нет мигрантов, нет проблемы. Это мнение широко распространено в России. Таким образом, демографическая стратегия стабилизации окажется маловероятной в ближайшие годы и демографическое развитие должно будет идти по сценарию варианта экстраполяции. Но если говорить о более отдаленной ситуации, то нельзя исключать того, что при продолжении ухудшения демографической ситуации нужно будет все же согласиться на стратегию стабилизации.

В любом случае демографическое положение в России будет зависеть от ответа на миграционные вызовы, так как этот вызов концентрирует все остальные демографические вызовы, на которые должна отвечать Россия. Демографическая ситуация и положение на рынке труда вынуждают Россию расширять иммиграцию. В противном случае – это то, к чему склоняется часть российского общества, – надо будет согласиться на продолжающееся сокращение населения, его старение, сокращение экономически активного населения, потерю своих позиций в мировой демографической иерархии, постоянное ухудшение соотношения «население/территория», плотности насе-

ния, и т.д. Но если страна хочет избежать сокращения и старения населения или по крайней мере их замедления с помощью массовой иммиграции, но, не имея точной программы их интеграции в российское общество, она рискует попасть в социополитическую ловушку, которая сведет на нет все демографические достижения.

Автор подчеркивает, что поиски ответа на миграционные вызовы XXI в. стали одной из наиболее важных целей внутренней и внешней политики России.

С.Н. Куликова

ПАЛЬНИКОВ М.С.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ –
90-е ГОДЫ XX В. – НАЧАЛО XXI В.
(Обзор)
Введение

Предпринятый в последнюю декаду XX столетия переход России на рельсы рыночной экономики привел к тому, что Российская Федерация оказалась в полной мере вовлеченной в глобальные процессы международной миграции населения, заняв по показателю валовой миграции одно из первых мест в мире. В результате внешняя миграция – как въезд, так и выезд из страны, особенно в виде безвозвратной миграции – стала важной составной частью общего процесса демографического развития РФ, отличительными чертами которого являются острый кризис и сокращение населения.

Влияние иммиграции выражалось в том, что она стала, особенно в первой половине 90-х годов, важнейшей положительной компонентой демографической динамики населения, не просто увеличивая его общую численность, но и положительно влияя на половозрастную структуру и репродуктивные установки. Эмиграция – безвозвратный выезд – также стала заметной составляющей демографического процесса хотя бы потому, что лежащий в основе данного явления выезд за рубеж на постоянное место жительства (ПМЖ) охватывал, особенно в последние годы, преимущественно молодежь. Уезжая, молодежь сокращала общую численность населения как на текущий момент, так и на перспективу.

Но безвозвратному въезду и выезду присущи не только демографические, но и другие характеристики. И иммиграция, и эмиграция тесно связаны как с количественным, так и с качественным составом населения, с тем, что принято называть человеческим ре-

сурсом, человеческим потенциалом: если бы эмиграция в количественном и качественном отношениях в равной мере возмещалась иммиграцией, никаких проблем с нею в этом смысле не возникало бы. Но это не более чем умозрительное построение. В реальной жизни заменить уехавшего за рубеж основателя научной школы, молодого многообещающего ученого или специалиста, выдающегося деятеля культуры полностью равноценными личностями вряд ли возможно, ибо они неизбежно будут выступать носителями иной культуры и иной совокупности знаний, не говоря уже о национальных, этнических и иных особенностях. Даже в случаях, когда из стран СНГ в Россию возвращаются выросшие в схожей социальной и идеологической среде русские, татары, представители других коренных национальностей РФ, даже тогда вряд ли можно говорить об абсолютно равноценной замене. Между тем миф о равноценности подобного замещения достаточно живуч, несмотря на то что многие демографы уже длительное время бьют тревогу по поводу снижения интеллектуального потенциала страны.

Безвозвратный выезд оказывает негативное влияние и на генофонд, особенно в тех случаях, когда речь идет о так называемых «невестах на экспорт» (в последнее время упоминают также о «женах на экспорт»), но прежде всего о «трафике женщин» – массовом нелегальном вывозе женщин криминальными структурами, в результате которого вовлеченными в секс-услуги за рубежом уже оказалось значительное число наших соотечественниц. Но в таких же размерах фактически сократился и отечественный генофонд. Отсутствие этих женщин впоследствии в полной мере даст о себе знать в форме новых неравномерных волн рождаемости среди российского населения.

Кроме выездов на ПМЖ, другие виды безвозвратного выезда совершенно не учитываются официальной статистикой, что сужает статистическую базу, лишает ученых возможности заниматься углубленным изучением данной проблемы и, главное, не гарантирует получение достоверных результатов. Как отмечается, в последние десятилетия значительное число исследований «не имело достаточно достоверной статистической базы (63, с. 4).

Поэтому значительная часть научных разработок и публикаций по вопросам эмиграции из России по-прежнему носит ретроспективный характер; среди работ, имеющих отношение к новейшей, четвертой волне эмиграции, практически отсутствуют комплексные исследования именно данной проблемы. В подавляю-

щем большинстве работ, посвященных новейшему периоду эмиграции, этой проблеме, как правило, отводится лишь несколько страниц. Так, в книге В. Мукомеля «Миграционная политика России. Постсоветские контексты» (40) объемом в 351 с. данной проблеме отведено менее полутора страниц, в работе «Стратегия демографического развития России» (65) – менее 10 из 206 с. В фундаментальном шестисотстраничном труде «Демографическая модернизация России, 1900–2000» (16) о новейшей волне эмиграции вообще не сказано ни слова. Коренной причиной отмеченного выше казуса является все же острая нехватка достоверной статистики.

В последние годы появилось немало способов оказаться за рубежом и уже там постараться закрепиться надолго, если не навсегда, на новом месте. И зафиксировать все подобные случаи формально легальных выездов скрытой целью стать эмигрантом крайне сложно.

В настоящее время можно выделить по крайней мере три вида эмиграции, из которых государственной статистикой в более или менее полном объеме (с поправкой на отложенные или отсроченные выезды) фиксируется только один: выезд на ПМЖ в соответствии с официальным разрешением. Но уже другому виду легальных выездов – на учебу – присуща скрытая, латентная форма эмиграции, когда по окончании учебы может последовать невозвращение. Анализ последствий данной формы миграции можно встретить у Л. Леденовой и Е. Некипеловой, установивших, что отсутствие строгих требований, предъявляемых к оформлению документов при выезде из России, ведет «к искажению представлений о реальных масштабах миграции за рубеж. Значительная ее часть в официальной статистике остается неучтенной» (33, с. 23).

Аналогичным образом изначально легальная временная поездка, когда за границу выезжают по туристическим, артистическим или гостевым визам, может стать лишь прикрытием для последующей эмиграции, когда по истечении срока действия визы принимается решение о невозвращении. Подобные случаи нередко имеют место и при выездах по временным трудовым контрактам под видом родственников действительно легальных эмигрантов, не говоря уже о фиктивных браках и других вариантах выезда.

И выезд на учебу, и иные, формально легальные виды миграции вообще могут стать преобладающими видами фактической эмиграции по мере сокращения численности желающих выехать на ПМЖ среди старших возрастных групп ученых и специалистов, деятелей искусства,

культуры и спорта и их замещения более прагматичной и мобильной молодежью. Но это как раз те случаи потенциальной эмиграции, которые не фиксируются официальной статистикой.

В итоге складывается – если уже не сложилась – парадоксальная ситуация, когда официально регистрируемая эмиграция может свидетельствовать о тенденции к снижению, но в действительности, как утверждают ряд ученых и специалистов, может либо расти, либо в лучшем случае оставаться на достигнутом уровне.

К этому следует добавить, что после принятия в ЕС ряда стран Центральной и Восточной Европы резко активизировалась миграционная активность отечественного, причем не только крупного, но и среднего и даже мелкого, бизнеса. Российские предприниматели, как ранее в Литве, а в последние годы на Украине, принялись активно скупать недвижимость в странах, которые в перспективе (к 2009–2010 гг.) могут стать членами ЕС. Особенно показателен пример Черногории, где буквально за несколько месяцев с момента провозглашения в 2006 г. независимости россиянами было приобретено в собственность немало кафе, ресторанов, мини-пекарен, частных домов и квартир, земельных участков. В меньших масштабах, но также достаточно активно приобретается собственность в Сербии (14, с. 7; 53, с. 4–5). Иначе говоря, в территориально близких к России странах, тем более со славянским населением, закладывается «материальная база» для возможной волны бизнес-эмиграции.

Из-за разного рода изъянов отечественной статистики немногочисленные исследования современной волны эмиграции опираются главным образом на данные выборочных исследований и социологических опросов, личные наблюдения и интервью ученых при выездах за рубеж, статистику международных организаций, а также на оценки зарубежных авторов и ученых – выходцев из бывшего СССР, ныне живущих за рубежом. Широко применяются косвенные оценки. Хотя в итоге собранные подобными способами данные относят к числу качественных, достоверных показателей, их общим слабым местом является низкая сопоставимость, обусловленная применением разных методик сбора данных. К тому же самих исследований, касающихся эмиграции, еще слишком мало, для того чтобы можно было с уверенностью говорить об изученности рассматриваемой проблемы как в целом, так и в различных ее проявлениях.

Основные особенности четвертой волны эмиграции

«После распада Советского Союза, – пишет социолог Т. Юдина, – миграционные процессы на всем постсоветском пространстве стали органической частью всемирного движения населения. Постсоветские миграции вливаются в мировые потоки и сами подвергаются их влиянию» (81, с. 3–4). При взгляде на общую картину эмиграции из современной России бросаются в глаза ее такие особенности, как устойчивый характер и многообразие форм. Так, В. Ионцев считает, что со второй половины 90-х годов для России характерна стабилизация эмиграции в дальнее зарубежье на уровне 100 тыс. человек в год (25, с. 320). По расчетам Ж. Зайончковской, ежегодно на Запад уезжает порядка 50–60 тыс. человек (21, с. 33). По данным Ю. Крупнова (Институт мирового развития), за 2003–2005 гг. из России на ПМЖ выехало 280 тыс. человек, т.е. ежегодно в среднем выезжало по 93 тыс. человек (54, с. 4)

Что касается многообразия форм эмиграции в сравнении с предыдущими волнами, существенно иными стали участвующие в данном процессе группы и слои населения, причем ни одной из них не был присущ столь масштабный поток этнической эмиграции, ни одна не носила организованного характера «утечки умов», не было громадного ежегодного вывоза капитала, столь заметной женской эмиграции и т.д.

При более подробном анализе форм четвертой волны эмиграции следует отметить, что ряд авторов в первую очередь говорят о ее добровольном характере, что принципиально отличает ее от трех предыдущих волн, носивших либо вынужденный, либо принудительный характер и крайне далеких от какой-либо добровольности. При этом прежде всего имеется в виду то обстоятельство, что участники эмиграции новейшего времени покидали Россию на основании сугубо личного и в основном добровольного выбора, нередко сохраняя гражданство, юридические права, имущество и профессионально-деловые отношения. Подобной точки зрения придерживается, например, психолог А. Гуревич (15, с. 23).

В начальный период четвертая волна носила преимущественно этнический характер, образуясь за счет выезжавших евреев в Израиль, США и Германию, немцев в Германию и греков в Грецию. Мотивация к этнической эмиграции, объясняемая обычными в таких случаях

причинами (тяга к переезду на историческую родину, пережитые в России невзгоды и т.п.), переплеталась с желанием уехать из «нецивилизованной страны» с ее идеологией тоталитаризма, а также стремлением улучшить свое материальное положение. Некоторая часть мигрантов, особенно среди евреев, руководствовалась в своем решении религиозными чувствами (49, с. 31). Для большинства уезжавших это был действительно свободный выбор.

Однако уже с 1993 г., когда вступил в силу закон о свободе въезда и выезда для всех граждан России и возможность выезда получили лица других национальностей, начинает быстро нарастать эмиграция собственно русских, сочетающая в себе как добровольный, так и вынужденный характер, в последнем случае легко объяснимый широко распространившейся бедностью. Но в ряде случаев, например в отношении женской эмиграции, можно говорить и о вынужденном ее характере. Если же обратиться к бизнес-эмиграции, во многих случаях можно говорить о ее вынужденно-принудительном характере, что было особенно заметно в середине 90-х годов, когда капитал бежал от кровавых разборок, связанных с переделом собственности между частными компаниями и мафиозными структурами. Тогда зачастую главной задачей было остаться в живых. В условиях, сложившихся в связи с дефолтом 1998 г., главной задачей стало спасение капитала. Затем последовали годы, когда окрепшее и располагающее валютными резервами государство само «заявило свои права на новый передел собственности уже со своим участием» (17, с. 11).

Сигналом к новому витку бегства капиталов их обладателей стало нашумевшее «дело ЮКОСа». Страну тогда покинули не только группы журналистов и специалистов по связям с общественностью, но и определенное количество предпринимателей и банкиров, что, с одной стороны, было формой протеста против действий властей, а с другой стороны, означало очевидный поиск собственной «большей защищенности» (49, с. 47). Очевидно, что и в том и в другом случае можно говорить о том, что бизнес-эмиграция носила вынужденный характер. Наконец, уже в последние годы, учитывая начавшийся активный процесс инвестиций в экономику зарубежных стран, можно говорить о том, что бизнес-эмиграция из России приобретает все более добровольный характер, хотя и сохраняет элементы вынужденности.

По формальным признакам к вынужденной эмиграции можно было бы отнести миграцию беженцев и лиц, ищущих политиче-

ского убежища, из Чечни. Однако и в данном случае сделать этого с полной определенностью нельзя, поскольку в последние годы, как и повсюду в мире, вынужденная миграция из этой республики все шире используется экономическими мигрантами.

Как известно, международными конвенциями по беженцам и национальным законодательством разных стран однозначно признается, что лица, покидающие свою страну ради того, чтобы повысить свой жизненный уровень или найти лучшую работу, не могут претендовать на статус беженца. В. Ионцев отмечает, что в данном случае имеет место очевидное смешение таких форм миграционного движения, как «вынужденная» и «добровольная» (24, с. 104). Тем не менее пусть и в необычных формах, но эмиграция чеченцев имеет место и в странах их расселения; в зависимости от степени симпатий или антипатии к России она может сознательно практиковаться как вынужденная.

Второй характерной особенностью четвертой волны эмиграции стал, по общему признанию, ее высокий интеллектуальный уровень. Присущий ранее этнической эмиграции евреев, этот уровень сохраняется на протяжении всего наблюдаемого периода, особенно в ярко выраженной форме «утечки умов». Правда, до сих пор нет четкого представления о том, что именно следует понимать под «интеллектуальной эмиграцией» и кого именно следует включать в группу лиц, подпадающих под категорию «утечка умов».

Как отмечает В. Супян, «одни исследователи включают в интеллектуальную эмиграцию только ученых, другие – ученых и инженеров, третьи добавляют к ним программистов, четвертые – всех лиц, имеющих высшее образование. Нередко к этой категории относят студентов и стажеров» (67, с. 42). Действительно, разброс точек зрения в этом отношении значителен. Так, О. Жаренова, Н. Кечил и Е. Пахомов считают, что интеллектуальную эмиграцию, т.е. выезд за рубеж на ПМЖ, следует понимать как миграцию «научных и преподавательских кадров высокой и высшей квалификации, реально или потенциально занятых научными исследованиями и разработками, а также обслуживанием этой отрасли». Не совсем ясно, в чем заключается различие между кадрами высокой и высшей квалификации, но главное заключается в другом: авторы данного определения рассматривают «интеллектуальную эмиграцию» и «утечку умов» как взаимозаменяемые термины, т.е. как одно и то же. Но они исключают из понятия «утечки умов» лиц творческих профессий, артистов,

работающих по контрактам, тренеров и спортсменов, т.е. всех тех, кто в своей деятельности не связан с наукой как таковой (20, с. 3).

Со своей стороны, Т. Юдина считает целесообразным выделять в потоке эмиграции в дальнейшем зарубежье следующие группы: «Интеллектуальную эмиграцию творческой интеллигенции, эмиграцию спортсменов, малоквалифицированных работников» – и далее поясняет, что «интеллектуальная эмиграция – это выезд из страны высокообразованных людей», тех, кто «имеют высшее и незаконченное высшее образование». Из последующих уточнений можно сделать вывод, что эмиграция ученых и элитных специалистов и есть «утечка умов» (81, с. 9–10). Если ориентироваться на эти определения, тогда только в период 1992–1999 гг. удельный вес высококвалифицированных специалистов в общей эмиграции из России возрос с 14 до 31% (25, с. 330).

Третья особенность эмиграции из России заключается в появлении ранее никогда не существовавшей массовой женской эмиграции вследствие стремительного вовлечения страны в глобальный процесс феминизации миграции населения и трудовых ресурсов. Помимо выездов за рубеж в составе семей или в связи с воссоединением семей возникли самостоятельные потоки миграции женщин, в том числе так называемый «трафик женщин» в качестве новейшей формы фактической торговли людьми. Главная особенность специфически женской эмиграции заключается в том, что она сопряжена с высокой степенью риска. Включаясь в миграционные потоки, многие женщины не подозревают, что одновременно с выездом за рубеж они рискуют стать жертвами торговцев людьми, что их могут «вести» сообщники этих торговцев уже в России, начиная с момента оформления выездных документов, и что путь в сексуальное рабство нередко начинается с безобидных с виду объявлений с приглашением на работу за границу домработницами, сиделками, нянями, танцовщицами, манекенщицами и т.п. с обещанием хороших условий работы и достойного заработка, против которых трудно устоять.

На большое количество сопутствующих женской эмиграции неожиданных поворотов судьбы обращают внимание Е. Красинец и Е. Тюрюканова. Желание выехать за рубеж любой ценой, не обладая элементарными знаниями в области трудового законодательства и правоприменительной практики, не зная языка и т.д., оборачивается тем, что их нередко превращают в проститутку. Вместе с тем авторы отмечают, что «многие женщины делают это добро-

вольно», рассчитывая на «возможность получения сверхзарботков» (30, с. 103–105).

По оценкам МИД РФ, количество подобных осознанных решений принимает не менее 50% всех выезжающих женщин (48, с. 68). «Многие из них, направляясь на “зарботки”, – пишут известные специалисты по проблемам иммиграционного контроля Т. Регент и Ю. Архипов, – выезжают в принимающие страны в соответствии с установленными процедурами прежде всего по туристической или “артистической” визе. Однако когда срок визы заканчивается, они оказываются вне закона и начинают кочевать, нигде подолгу не задерживаясь и стараясь скрыть свой статус нелегального мигранта» (57, с. 49). «Именно таким способом, – констатируют М. Боровик и Л. Шемберко, – в Европе оказались сотни тысяч российских женщин, часть которых работает в сфере услуг и развлечений, в ресторанах и барах или заняты на сезонных работах, но большинство из них находят работу лишь в сфере интимных услуг (3, с. 17).

Не гарантирует от неприятностей даже такая легальная форма женской эмиграции, какой является «экспорт невест». В средствах массовой информации можно встретить сообщения о том, что брак с россиянкой был заключен лишь с целью использовать ее в качестве «инкубатора» для рождения ребенка для бездетной семьи, что русских жен могли продавать без их ведома в публичные дома и т.п. В целом значительный процент таких браков заканчивается разводом и далеко не всегда женщины в подобных случаях хотят вернуться на родину, стыдясь морального осуждения, необходимости признаться в крахе своих надежд.

Американский социолог К. Бейлз, длительное время занимавшийся изучением проблем современного рабства, в предисловии к русскому изданию книги «Одноразовые люди» пишет о том, что «вывоз людей из России в качестве живого товара достигает двухсот тысяч человек и, по существующим на сегодняшний день оценкам, приносит организованной преступности доход до трех миллиардов долларов в год» (1, с. 6). Не случайно Россия наряду с Украиной и Молдавией относится ЕС к числу наиболее злостных нарушителей режима борьбы с работорговлей, являясь поставщиком женщин и детей, увозимых в целях проституции в страны Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Америки (63, с. 18–23). Как отмечают эксперты ЕС, «действия правительства РФ в плане борьбы с данным видом преступлений все еще не соответствуют минимальным стандартам в области борьбы с торговлей людьми» (81, с. 22).

Как ни парадоксально это звучит, но безвозвратная, в том числе нелегальная, миграция из России носит во многом организованный характер и в этом заключается ее четвертая отличительная особенность. Подобное утверждение самоочевидно, когда речь идет, например, о выезде евреев в Израиль, организуемом службой «Сохнут», или же о репатриации этнических немцев, регулируемой миграционной службой Германии. Но фактически аналогичным образом организована и «утечка молодых умов». Как показано В. Быловым, для привлечения «мозгов» из России используются такие средства, как предоставление разного рода стипендий (типа материальной помощи, стипендий без дополнительных обязательств со стороны студентов, но с выражением благодарности, стипендии обучающимся в России, но с условием приезда в страну, выделившую стипендию, для выполнения определенного исследования, именные стипендии), а также грантов ученым. Помощь российским ученым, аспирантам и студентам оказывается не только в пределах России, но и за рубежом, что не может не стимулировать эмиграцию. Иностранные компании и разного рода фонды добились права отбирать кандидатов из числа студентов старших курсов ряда ведущих вузов страны. По сути дела, сформировалась разветвленная сеть представительств иностранных университетов, благотворительных фондов и корпораций, ориентированная на рынок образовательных услуг России, занятая вербовкой студенческой молодежи и более зрелых ученых и специалистов и обеспечивающая их переезд в развитые страны мира. Деятельность подобных учреждений активно поддерживается заинтересованными в этом государствами (63, с. 18–23).

Организованный характер носит и нелегальная эмиграция, в особенности отмеченный выше «трафик женщины». Причем это не только в чистом виде результат деятельности организованных преступных группировок, функционирующих как в России, так и за рубежом, где сложилась сеть посредников, состоящая из бывших российских граждан, «для которых нелегальная эмиграция стала прибыльным бизнесом» (3, с. 17), но и следствие сильнейшей коррумпированности миграционных служб (65, с. 181).

Широкое распространение получили изготовление и сбыт фальшивых документов, пользуясь которыми те же русские могут выдавать себя за евреев и, прибыв в Германию, Данию, Норвегию или иную страну под видом туристов, обращаться за политическим убежищем. Получив место в миграционном лагере и на достаточно продолжительное время обеспечив себе крышу над головой, питание и

денежное пособие, они используют время пребывания в лагере для поиска нелегальных источников существования (3, с. 17). Не брезгают заниматься организацией незаконного выезда из России даже консульские службы иностранных государств. Так, достоянием гласности в августе 2006 г. стало увольнение группы коррумпированных сотрудников французского посольства в Москве, незаконно выдававших въездные визы. С их помощью разрешение на въезд во Францию по подложным документам мог получить каждый, но не за официальную таксу в 35 евро, а за тысячу и более евро. «Сотрудники, чья заработная плата составляла 1200 евро в месяц, купались в роскоши», – сокрушалась по этому поводу газета «Либерасьон» (45, с. 16).

Некоторая часть безвозвратной миграции из России связана с маятниковой миграцией так называемых «челноков» – с течением времени часть этих мелких предпринимателей, либо зная, либо освоив азы местных языков, превращалась в посредников, постоянно живущих в тех странах, где возникли «русские рынки», а это огромная территория – от Пномпеня и Нью-Дели до Стамбула (6, с. 44). Безвозвратный характер зачастую приобретает выезд в африканские страны по временным трудовым контрактам на работу на внутренних авиалиниях российских летчиков и авиационных механиков, а также моряков, обслуживающих рыболовный флот прибрежных стран. И в том и в другом случае причина для длительного пребывания на континенте одна – возможность заработать в условиях отсутствия местных квалифицированных кадров. В последнее время в африканских странах, в частности в ЮАР, стал формироваться рынок услуг российских охранных агентств (14, с. 7).

Таким образом, четвертая волна эмиграции из России характеризуется заметным разнообразием формирующих эту волну потоков мигрантов и устойчивым уровнем показателей миграции. Если же говорить о ее главной особенности, последняя заключается в том, что в настоящее время в эмиграции из России тесно переплетаются три формы безвозвратной миграции – добровольная, вынужденная и нелегальная.

Статистическое обеспечение исследований

Практически невозможно встретить книгу или статью по проблемам миграции, в которых не содержалась бы критика в адрес официальной статистики и не делалось оговорок по поводу полученных на ее основе результатов. Среди современных авторов

подобный критический настрой больше всех, пожалуй, присущ О. Чудиновских. В статье «Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики» она отмечает, что с середины 1990-х годов произошло резкое ухудшение качества учета мигрантов и что в настоящее время положение дел в этой области «можно считать критическим» (78, с. 176).

Это кризисное состояние выражается в том, что в стране нет национальной системы учета, которая давала бы правильное и полное представление о величине миграционных потоков и их структурных характеристиках. Действовавшая ранее отлаженная система текущего учета, опиравшаяся на жестко соблюдавшийся паспортный режим, предусматривала наряду с оформлением прописки по новому месту жительства, заполнение нескольких первичных учетных документов, в частности адресных листов прибытия (выбытия), направлявшихся на обработку в органы государственной статистики. Когда в 90-е годы в институт прописки вносились изменения, законодатели не учли, как это может отразиться на учете миграционного движения. В результате статистическим учетом перестали охватываться многие виды внутренней миграции и иммиграции. «Еще хуже, – констатирует О. Чудиновских, – обстоят дела с учетом выбытия из России. В соответствии с законодательством люди, меняющие место жительства, не обязаны сниматься с регистрационного учета в прежнем месте. Если переезд осуществляется внутри РФ, отметка о выбытии делается после того, как из паспортного стола по новому месту жительства поступает информация о прибытии мигранта. В отношении международной миграции эта процедура стала невозможной. С регистрационного учета снимаются, вероятно, только те люди, которые продают свое жилье в связи с выездом на ПМЖ из России. Остальные имеют полное право с регистрационного учета не сниматься» (78, с. 181). Поскольку в последние годы практически все страны, в которые направляются основные потоки российских мигрантов, перестали требовать документы о снятии с регистрационного учета, возникли значительные расхождения при определении объемов миграции из России в данных российской статистики и статистики стран прибытия. «По некоторым оценкам, – отмечает О. Чудиновских, количество иммигрантов из России, фиксируемое зарубежными источниками, как минимум на 20% превосходит данные МВД. Как следствие и публикуемые Госкомстатом данные о миграционном сальдо далеки от реальности» (78, с. 182).

Если учесть, что автором анализируются также другие случаи несоответствия официальной статистики реальным миграционным процессам (причем, имеющие место всякий раз, когда происходит очередная смена действующих правил учета и регистрации), трудно не согласиться с выводом О. Чудиновских о том, что «информация, публикуемая Госкомстатом, не может служить основанием для серьезной практической работы ученых и негативно влияет на развитие отечественной науки» (78, с. 188).

Между тем новые системы учета пока не созданы либо только создаются. Наряду с этим имеют место попытки использовать другие, «альтернативные» (типа пограничной статистики) источники данных, как правило, не отвечающие критериям полноты и точности и не обеспечивающие сбор необходимых статистических данных. В то же время открытая государственная статистика все чаще подменяется закрытыми ведомственными источниками, которые используют ненадежные методы сбора информации и потому не могут считаться достаточно достоверными (78, с. 176).

Выражая озабоченность по поводу утраты действовавшей на протяжении многих десятилетий системы текущего учета, ряд авторов считают, что причинами создавшегося положения стали как принятые в последние годы федеральные законодательные акты в сфере миграции и гражданства, так и внутренние инструкции МВД, формально ответственного за текущий учет движения населения, но на деле не считающего данный учет своей прямой обязанностью.

Негативные последствия имевших место изменений в практике учета дополняются сложностью учета выездов из-за ложно указанных целей выезда. Так, О. Жаренова, а также Т. Юдина считают невозможным судить об истинных масштабах интеллектуальной эмиграции по данным УВИР МВД на том основании, что данные этого учреждения не отражают реальное положение дел. Причина заключается в том, что выезд с формулировкой «на постоянное место жительства» уже давно не является преобладающим, поскольку по чисто практическим соображениям – даже если речь идет о безвозвратном выезде – как принадлежащие к элите ученые, так и начинающая научная молодежь предпочитают выезжать за рубеж по временным контрактам (20, с. 31; 81, с. 10).

Проблемы неполноты охвата, возникающие в том числе по причине сокрытия выезжающими своих истинных намерений, могут дополняться несопоставимостью данных, относящихся к разным периодам миграции. Так, А. Топилин и И. Малаха, а также

О. Жаренова и ее коллеги отмечают факт несопоставимости сведений об ученых, выезжавших за рубеж до 1992 г. и после этой даты, возникший в результате перевода данной категории мигрантов из одной учетной группировки в другую. Вплоть до 1992 г. научные кадры учитывались в группе «служащие», включавшей не только высококвалифицированный персонал, но и значительно более широкий круг кадров. Когда в 1992 г. УВИР МВД ввело новую форму сводки данных о выездах с использованием группировок выезжающих по отраслям народного хозяйства и ученые стали учитываться в отрасли «наука и образование», подсчет общей численности ученых, работающих за рубежом, вернувшихся на родину и ежегодно выезжающих за рубеж, с использованием данных за 1988–1991 гг. оказался невозможным (20, с. 11; 69а, с. 62).

В итоге в исследованиях можно встретить оценку численности выехавших только в Западную Европу в 5 млн. человек, а всего, по оценкам, за годы реформ Россию покинули около 8–9 млн. человек (49, с. 35). Сообщается о прогнозах, согласно которым до 2015 г. могут уехать от 7 млн. до 11 млн. человек (81, с. 11). Очевидно, что, если подобные прогнозы сбудутся, все нынешние расчеты на поддержание стабильной численности населения окажутся несбыточными. В случае подобного развития событий имеющие место существенные пробелы статистического учета могут стать причинами серьезных просчетов в миграционной и демографической политике государства, в целом в народнохозяйственном комплексе.

Причины и мотивы эмиграции

Значительно лучше, чем со статистическим обеспечением исследований, обстоят дела с изучением причин и мотивов эмиграции, хотя и в этом случае достигнутые результаты еще далеки от уровня научно обоснованных практических рекомендаций по минимизации причин и поводов для появления миграционных настроений, особенно в тех случаях, когда они могут быть реально нейтрализованы или даже полностью сведены на нет.

Главный мотив эмиграции, по мнению В. Орешкина, – разница в уровнях оплаты труда в странах-донорах и в странах-реципиентах, достигающая нескольких десятков раз (47, с. 74). Международная статистика свидетельствует о том, что Россия в данном отношении не только катастрофически отстает от таких стран, как США, Япония, Канада, Великобритания, Израиль и

др., но и от некоторых развивающихся стран-доноров. Так, в Стамбуле инженер в течение года зарабатывает 43 687 долл., в Варшаве – 15 367 долл., даже в Найроби – 5268 долл. против 3512 долл., получаемых за год инженером в Москве (80, с. 9). Неудивительно поэтому, что, приезжая в США, даже обремененные степенями и званиями ученые соглашались трудиться за 1500 долл. в месяц, что меньше ставки простого лаборанта (56, с. 17).

Социологам объяснение причин и мотивов к эмиграции разницей в оплате труда представляется слишком простым и потому недостаточным. Так, в монографии Е. Красинца «Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку» (первом исследовании, в котором эмиграция рассматривается практически в полном объеме, а не только лишь как «утечка умов») утверждается, что при всей очевидной значимости экономических факторов в возникновении мотиваций миграционного поведения данные социологических обследований не позволяют однозначно отдавать приоритет чисто экономическим причинам. Миграция находится под непосредственным влиянием как факторов макроуровня внешней среды (политическая система, уровень экономического развития страны, занятость, доходы населения, потребление, экологическая обстановка, миграционная политика), так и под опосредствованным влиянием факторов микроуровня – социальной среды, потребностей, ценностных ориентаций и приоритетов (30, с. 30).

По мнению Е. Красинца, в середине 90-х годов в структуре мотивов эмиграции доминировали мотивы, связанные с разочарованием в перспективах проводимых в российском обществе реформ. Об этом свидетельствовали результаты опросов: «обеспокоенность будущим своих детей» ставили на первое место 48% опрошенных респондентов. Не исключая, что приоритет мотива «будущего детей» был связан с семейным характером эмиграции немцев, евреев и греков, Е. Красинец полагает, что за этим мотивом скрывалось прежде всего «социальное настроение общества, общее неверие в перспективы российской экономики». Факторы, которым был присущ отчетливо выраженный экономический характер, занимали второе место (выше 40% опрошенных) (30, с. 31).

Вместе с тем в книге можно встретить выводы иного характера. Так говоря о причинах выезда высококвалифицированных специалистов из Москвы, автор пишет, что «главные из них – экономические». Большинство опрошенных ученых предпочли бы быть бедными в Америке, «чем иметь средний достаток в России» (30, с. 72–73).

Призыв не ограничиваться только экономическими и демографическими характеристиками мигрантов и более глубоко изучать масштабы, направление и состав миграционных потоков, а «также факторы, определяющие мотивации решений мигрантов о перемещении и выборе места предназначения» можно встретить у социолога Т. Юдиной (81, с. 201).

В свою очередь, психолог Н. Лебедева полагает, что «несмотря на то что эмиграция четвертой волны многими специалистами рассматривается прежде всего как экономическая, не все так просто. Многочисленные исследования показывают, что, несмотря на важность экономических факторов, люди все-таки не являются “экономическими максималистами”. Более важными причинами, хотя часто и неосознаваемыми, являются причины психологического характера...» (31, с. 150). И поясняет свое восприятие проблемы следующим образом: «Поиски лучшей жизни – безопасности существования, комфортного жилья, благоустроенного быта, лучшей жизни для своих детей, более успешной профессиональной самореализации – вот что срывает с места миллионы людей в современном мире, влечет их навстречу часто неосознаваемым трудностям, а иногда и подлинным трагедиям» (31, с. 143–144).

При всем разнообразии причин, побуждающих людей становиться мигрантами, бесспорно наличие у выезжающих за рубеж стремления к улучшению материальных условий существования. В приведенной выше цитате из работы Н. Лебедевой две из шести упомянутых мотиваций, а именно «комфортное жилье» и «благоустроенный быт», очевидно, относятся к самой категории. Судя по результатам интервьюирования, полученным А. Гуревич, из 65 мотиваций репатриации в Израиль к мотивациям, связанным с улучшением материального положения (включая надежды на стабильные социальные льготы, а также на более высокое качество медицинского обслуживания), относятся 16 ответов, занимая второе место после мотиваций психологического характера (15, с. 223–224). При этом следует иметь в виду, что опросы проводились в эмигрантской среде с высоким удельным весом интеллектуалов, относившихся к числу материально обеспеченных людей, для которых соображения материального порядка могли не играть решающей роли. Но в другой, например, преимущественно русской среде, также включающей значительное число лиц с высшим образованием, многие причины психологического характера (ожидание возвращения на историческую родину, потребность в религиозном начале, этнической идентификации, опасе-

ния проявлений антисемитизма, наличие родственных связей и др.), естественно, отсутствовали бы, и чисто материальные факторы, очевидно, играли бы определяющую роль.

Показательны в этом отношении результаты опроса, проведенного в 2001–2002 гг. в Португалии и ставшего возможным после того, как там была осуществлена легализация мигрантов, в ходе которой было выявлено свыше 6 тыс. нелегально проживавших в стране россиян. В числе «факторов выталкивания» из России респондентами были названы такие, как «плохое финансовое положение» (56,7% опрошенных), «проблема с работой» (24,7%), «низкий уровень жизни» (8,7%), «отсутствие жилья» (4,7%). В качестве других причин выездов назывались: «стремление путешествовать» – 7,3%, «политические проблемы» (среди них центральная – «коррупционность власти») – 5,3, «психологические проблемы» (главным образом, «семейные неурядицы») – 4,0 и «воссоединение семьи» – 4%. Результаты опроса однозначно свидетельствовали, что экономические мотивы эмиграции были преобладающими. Показательно, что среди участников опроса 77% имели высшее университетское, высшее профессионально-техническое и среднее образование, тогда как в Португалии работники такого уровня квалификации составляли лишь 7,7% общей численности рабочей силы. И несмотря на это, 40% опрошенных мужчин были всего лишь подсобными строительными рабочими, а 20% женщин работали уборщицами (70, с. 22). На этот парадокс – разрыв между уровнями образования выезжающих за рубеж россиян и теми реальными условиями занятости, которые им нередко предлагают на Западе, – уже давно обращают внимание отечественные специалисты. Во всяком случае, это не только серьезная экономическая, но и морально-этическая проблема. Устранение отмеченных выше экономических причин для выездов на ПМЖ могло бы не только исправить нелепую ситуацию, когда при нарастающей нехватке рабочей силы в собственной стране выезжающая за рубеж квалифицированная рабочая сила используется в зарубежных странах в качестве малоквалифицированной, но и предотвратить такие серьезные жизненные коллизии, как утрата социального и профессионального статуса.

Значительным разнообразием мотиваций отличается миграция ученых и специалистов высшей квалификации, а также студенческой молодежи, выпускников вузов и аспирантов. Помимо некоего стандартного набора общих для всех этих категорий потенциальных мигрантов и эмигрантов причин типа «низкий жизненный уровень», «желание улучшить материальное положение»,

«иметь стабильный доход» и т.п. большинство ученых – и нередко в первую очередь – отмечают желание не просто иметь приносящую даже высокий доход работу, но и такие условия труда, которые позволяли бы полностью реализовать свой научный и творческий потенциал, желание продолжить творческий рост, находясь в окружении сильного научного коллектива, возможность работать в современных лабораториях. Среди этой группы мигрантов на первых порах были также сильны политические и психологические мотивы, характерны определенная смена настроений, изменения в комбинациях побудительных мотивов к выезду.

Если в первые годы реформ нередкими были политические мотивы типа стремления «полностью избавиться от наследия тоталитарного прошлого», разного рода идеологического контроля, желание полной грудью вдохнуть воздух «западной свободы», то в дальнейшем причины для миграционных настроений существенно меняются. Когда недофинансирование науки приняло хронический характер и для многих стала очевидной невозможность реализовать свой творческий потенциал на прежнем месте работы уже не по политическим и идеологическим причинам, стал падать престиж науки, а первоначальный энтузиазм сменился для многих чувством безысходности и острого недовольства условиями, в которых оказалась отечественная наука, в научной среде усиливается ощущение личной уязвимости и незащищенности. На умонастроения удручающе воздействуют неясные перспективы продолжения карьеры, невостребованность творческих способностей и профессиональных знаний со стороны государства и общества. Помимо мотиваций личного плана в условиях хронического недофинансирования науки и производства увеличивается количество общих причин для неудовлетворенности ученых и высококвалифицированных специалистов низким уровнем научно-информационного и материально-технического обеспечения теоретических исследований и разработок, отсутствием современного оборудования, медленностью внедрения результатов научных исследований в производство. Усиливается недовольство незащищенностью прав собственности на продукты интеллектуального труда, материальными, информационными и другими ограничениями возможностей общения с зарубежными коллегами, ограниченностью доступа для талантливых молодых ученых с периферии к крупным научным центрам из-за сложностей с электронной связью и творческими командировками.

В результате в короткие сроки возникли по существу все необходимые условия и предпосылки для развития массовой эмиграции ученых и специалистов за рубеж, получившей название «утечки умов». Это явление детально проанализировано в работах таких известных демографов и экономистов, как В. Ионцев, Л. Рыбаковский, И. Ушкалов, А. Топилин, И. Малаха, Ж. Зайончковская, и многих других специалистов. По мере сокращения численности ученых и специалистов старших и средних возрастов, зачастую уезжавших за рубеж на свой страх и риск, в «утечке умов» все большую роль начинает играть научная молодежь, и, как становится все более очевидным, мотивации молодежи все меньше формируются на уровне суверенной личности. Их подменяет стандартный набор конкретных предложений со стороны западных университетов, разного рода благотворительных и научных фондов, частных компаний, подкрепленный мерами материального стимулирования, а также облегченными условиями въезда в страну проживания. Со своей стороны, молодежь, которой предлагается пусть жесткий, но конкретный выбор, также начинает диктовать свои «правила игры», когда речь заходит либо о невыезде, либо о возвращении, предлагая своего рода «мотивации к невыезду или возвращению» – ряд требований, на которых она готова остаться и не уезжать либо вернуться на родину по завершении процесса образования.

Эта более современная модель «утечки молодых умов» активно исследовалась в работах Л. Леденевой, Е. Некипеловой, Е. Тюрюкановой и других ученых. В обобщенной форме выявленные ими претензии молодежи были сформулированы В. Супяном. Среди них: высокая заработная плата; наличие высококлассной профессиональной среды; возможность быстрой профессиональной карьеры; международные профессиональные контакты; зарубежные поездки; доступ к новейшим информационным технологиям и средствам связи; работа в престижной фирме, независимость и свободный рабочий график; долгосрочная и стабильная занятость; возможность участвовать в выработке политики; возможность получить работу в определенном городе России. Как считает В. Супян, большинство этих требований «пока не выполнимы» (67, с. 43).

Важной составной частью эмиграции из России является бизнес-эмиграция. Утверждается, что данный процесс уже давно носит устойчивый характер (15, с. 24; 66, с. 164). В этом утверждении есть доля истины с учетом того, что изначальный всплеск бизнес-эмиграции был связан с эмиграцией евреев, что косвенно подтвержда-

ется тем фактом, что уже с середины 90-х годов часть из них, в первую очередь те, кто хотел заняться бизнесом, стали возвращаться из Израиля, не сумев наладить там собственное дело (59, с. 52). Но все-таки это был частный случай, как и бегство капиталов криминального происхождения. О возможности масштабной бизнес-эмиграции, к которой подталкивали объективный процесс накопления солидных долларовых авуаров и стремление уйти с рискованных рынков, к каковым все еще относится Россия, видимо, можно говорить лишь со второй половины 90-х годов и даже начала XXI в. Как отмечалось, особенно наглядно стремление избежать рисков продемонстрировало «дело ЮКОСа» (17а, с. 11; 49, с. 47).

Связанные с рисками мотивы поведения были и остаются характерными для тех владельцев крупных капиталов, которых относят к так называемой «зеленой эмиграции» (по цвету денежного знака США) и которым есть что терять в случае гиперинфляции, девальвации национальной валюты, но особенно в случае экспроприации.

В последние годы ряды бизнес-эмигрантов пополняются представителями среднего и даже малого бизнеса. Их стремление к приобретению активов за рубежом диктуется такими причинами, как конфликты с российскими властями из-за поборов и притеснений; налоговым давлением, которое во многих странах заметно слабее; расчетом на развитие бизнеса в более приемлемой обстановке, пусть даже и в условиях жесткой конкуренции, но при надежной законодательной базе и минимальной коррупции, что позволило бы ощутить себя реальным собственником (14, с. 7).

Как свидетельствует президент общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «опора России» С. Борисов, предпринимателям этой категории приходится сталкиваться в повседневной практике с множеством проблем, в том числе морально-психологического плана. Те, кто открывает собственное дело, подвергаются моральному унижению со стороны налоговиков, многочисленных инспекторов и контролеров. Сознательно внедряется отрицательный образ предпринимателя; населению и самим предпринимателям настойчиво внушается мысль, что в лице малого и среднего бизнеса общество имеет дело с потенциальными преступниками, за которыми нужно неусыпно следить и держать под постоянным контролем. «Действующие подзаконные акты и инструкции позволяют квалифицировать каждый шаг предпринимателя как правовое нару-

шение» (2, с. 5)¹. Административное давление дополняется денежными поборами. По оценкам экспертов организации, для того чтобы сохранить свое место в бизнесе, 37,8% мелких и средних предпринимателей приходится ежемесячно уплачивать дань в размере от 1 тыс. до 3 тыс. рублей, 23,9 – от 3 до 10 тыс., 15,3% – свыше 10 тыс. рублей. В итоге на долю мелких и средних предпринимателей приходится 70–80% от всей суммы взяток, которые бизнесу приходится выплачивать бюрократии. «С проверкой приходят в первую очередь к ним: ведь в отличие от крупных фирм у них нет денег на постоянную юридическую защиту. А чем слабее объект, тем жестче, бесцеремоннее отношение к нему» (2, с. 6). Отметим, что С. Борисов, говоря о 70–80% от суммы взяток, имел в виду «знаменитую» «цифру Сатарова» – озвученную этим специалистом в 2002 г. сумму взяток в России в 36 млрд. долл. в год.

Логично предположить, что в подобной обстановке административного произвола, когда, с одной стороны, в сознание предпринимателя настойчиво внедряется представление о его ущербности, а с другой стороны, из него делают «дойную корову», мысль о том, чтобы навсегда уехать из России уже не представляется сверхъестественной. В результате в последние три-четыре года симптомы данного явления действительно становились все более очевидными (49, с. 48). Подталкивать к выезду за рубеж предпринимателей среднего уровня, особенно тех, кто является владельцем более или менее успешных предприятий, могла также получившая в последние годы широкое распространение практика так называемого рейдерства – по сути дела насильственного отъема собственности с помощью преднамеренного банкротства, весьма далекая от сопутствующих рыночной экономике процессов слияний и поглощений. Сценарий захвата примерно одинаков: сначала предприятие стремятся любыми способами обанкротить, затем взять в свои руки управление, выкачать активы, после чего продать, возможно, даже прежнему владельцу, но уже за значительно бóльшую сумму денег.

Параллельно, на протяжении всей новейшей российской истории укрыться за границей и спрятать там свои капиталы стремилась

¹ Схожим образом оценивает ситуацию известный предприниматель (к сожалению, безвременно ушедший из жизни) Александр Паникин, сам проделавший путь от рядового кооператора до руководителя крупного концерна: «Самая энергичная часть населения, движущая сила нации, ее экономическая элита поставлена в положение какого-то полукриминального сообщества – каждый ведущий свое дело, от “челнока” до директора крупного предприятия, **заведомый преступник**» (51, с. 10).

организованная преступность. Сколько таких нелегалов осело за рубежом, знают, возможно, только органы правопорядка и государственной безопасности. Что касается мотивов бегства, они очевидны. Это стремление избежать ответственности, максимально быстро отмыть полученные преступным путем доходы и, если удастся, пустить деньги в легальный оборот. Однако и за рубежом для большинства подобных эмигрантов более привычными остаются их традиционные занятия – финансовые махинации, мошенничество, незаконная торговля наркотиками и оружием, поставка на международный рынок «живого товара» и человеческих органов, игорный бизнес (3, с. 17).

Сложный психологический, экономический и социальный подтекст имеет женская эмиграция. Причины, по которым происходит исход из России женщин, в целом известны. Женщины составляют около 70% всех безработных, они образуют большинство занятых в низкооплачиваемом в своей основе бюджетном секторе экономики. Ежедневная борьба за существование, основной груз которой ложится на плечи женщин, стимулирует их желание искать счастья в других странах. Для многих из них сильным мотивом к эмиграции является возможность получить университетскую степень в зарубежном университете, «добиться свободного владения» английским языком. Но все же, как считает психолог О. Маховская, «решающий фактор женской эмиграции – кризис семьи, последнего пристанища, которое могло бы дать молодой женщине защиту и поддержку в долгосрочной перспективе» (38, с. 128). Основываясь на результатах интервью с выезжающими за рубеж для работы женщинами, Е. Красинец и Е. Тюрюканова приходят к выводу, что наряду с целями профессиональной реализации в намерениях многих женщин наряду с ними, «а может быть, и в первую очередь», всегда присутствует цель устроить свою жизнь, выйдя замуж (30, с. 102).

Демографы к этому могли бы добавить, что дело заключается не только в кризисе семьи, но и в резко возросшей проблематичности создания самой семьи. Уже длительный период времени имеет место определенный дисбаланс полов, обусловленный высокой смертностью мужчин трудоспособного возраста. Численное равенство полов сохраняется примерно до 30 лет, после чего численность мужчин начинает сокращаться. В результате множество женщин оказываются обреченными на вынужденное безбрачие. Помимо чисто физической нехватки мужчин не менее актуальным является качество «мужского материала». Высокий удельный вес неполных семей, в которых главой семьи в подавляющем большинстве случаев

является женщина, приводит в отсутствие примера мужской роли к таким негативным последствиям, как инфантильность юношей, неспособность быть полноценными главами семей. Все более заметными препятствиями на пути формирования семьи становятся удлинение сроков получения образования, начала карьеры, сдвиг времени вступления в брак к 30-летнему возрасту; опережающий рост численности женщин с высшим образованием, которым затем не хватает адекватных их уровню партнеров; общий невысокий уровень жизни населения, не позволяющий обзаводиться семьей как женщинам, так и мужчинам. Отсюда продиктованное конкретными жизненными обстоятельствами естественное стремление женщины уехать на Запад в надежде встретить нормального мужчину, способного жить в браке и содержать семью, что убедительно показано в работе Е. Красинца (30, с. 90–100).

Важным стимулом к развитию эмиграции еще из Советского Союза, а затем и России стало предоставление в 1989 г. права на эмиграцию евреев, немцев и греков. Изменения в политике применительно к этнической эмиграции, активная пропаганда идеи возвращения на «историческую родину», а также привлекательные условия репатриации придали сильный импульс ее развитию, на многие годы обеспечив приток в Израиль и Германию, а также в США и другие страны рабочей силы и интеллектуального потенциала. Менее известны результаты репатриации в Грецию. В любом случае четыре мотива – поиск этнической идентичности, возможность и стремление вернуться на «историческую родину» и принести там пользу, уважение к правам человека и лучшие материальные условия жизни – играли при этом определяющую роль.

В пореформенный период в России в небольших объемах сохранялась вынужденная эмиграция, связанная по преимуществу с событиями в Чечне. Диапазон мотиваций в данном случае простирался от поиска убежища в связи с военными действиями или преследованиями по религиозным и политическим мотивам до желания получить официальный статус беженца в качестве прикрытия обычной экономической миграции вследствие отсутствия иной возможности выехать за рубеж. Нередки случаи, когда чеченский язык специально учили для того, чтобы выдать себя за чеченцев и получить юридические основания для эмиграции.

В целом можно констатировать, что причины и мотивы к выезду за рубеж для основных контингентов эмигрантов в настоящее

время отличаются большим разнообразием, одновременно тесно переплетаясь между собой.

Количественные и качественные показатели.

География расселения

На начальном этапе четвертой волны эмиграции вплоть до 1993 г., когда был принят закон, предоставивший право выезда всем гражданам России независимо от их национальности, потоки мигрантов совпадали с маршрутами миграций этнических меньшинств – немцев, евреев, греков, армян. Подавляющее большинство этнических немцев следовало в Германию, греков – в Грецию. Несколько большим спектром рассеяния отличалась эмиграция евреев, выезжавших не только в Израиль, но и в Германию, США, Канаду и некоторые другие страны. Преимущественно в США выезжали армяне. Но одновременно в составе смешанных семей происходила эмиграция русских, а также представителей других национальностей.

Таблица 1

Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья по национальным группам, 1993–2000 гг.

Годы	Этнические группы (%)									
	русские		немцы		евреи		другие		всего	
1993	21,3	18,7	47,5	41,7	14,0	12,4	31,0	27,2	113,8	100,0
1994	24,1	22,8	47,1	44,6	13,7	12,8	20,6	19,8	105,4	100,0
1995	28,8	26,1	51,3	46,5	12,8	11,6	17,4	15,8	110,3	100,0
1996	29,2	29,5	38,6	39,1	12,5	12,6	18,3	17,8	98,5	100,0
1997	29,8	35,3	30,0	35,5	9,5	11,4	15,1	17,8	84,4	100,0
1998	29,3	36,4	28,3	35,2	7,3	9,3	15,4	19,1	80,3	100,0
1999	34,5	40,4	28,0	32,8	9,0	10,7	13,8	16,1	85,3	100,0

Источник: 25, с. 323.

Начало массовой эмиграции немцев обычно датируют 1989 г. – временем падения «берлинской стены». В Германию выехало с территории бывшего СССР (тыс. человек) в 1990 и 1991 гг. по 33,7, в 1992 г. – 62,7, в 1993 г. – 73,0, в 1994 г. – 69,5, в 1995 г. – 79,6. Всего в этот период из России уехали 318,5 тыс. этнических немцев и членов их семей. Если, по данным переписи 1989 г., на территории России проживали 842 тыс. этнических немцев, к нача-

лу XXI в. их численность сократилась до 300 тыс. человек. Иначе говоря, общее число эмигрантов данной этнической группы составило более полумиллиона человек, и это была самая большая группа выехавших на ПМЖ (5, с. 217–220). В пятилетие 2000–2005 гг. к ним прибавилось еще 195,2 тыс. человек (17, с. 518).

В силу известных исторических обстоятельств (массовой депортации немцев, проживавших на территории СССР в годы Второй мировой войны) большинство немцев оказались в отдаленных сельских местностях и были ограничены в возможности получения высшего образования, эмиграция этнических немцев по своему интеллектуальному потенциалу заметно уступала потенциалу и евреев, и русских. Сравнивая структуры миграционных потоков, образуемых теми, кто выезжает на ПМЖ в качестве этнических эмигрантов, и теми, кто относится к временным трудовым мигрантам, О. Жаренова и ее коллеги отмечают, что в первом случае структура эмигрантов «в значительной степени определяется профессиональной и квалификационной структурой работников соответствующей национальности в стране выезда. Именно поэтому среди выезжающих в Германию столь велика доля лиц, работающих в сельском хозяйстве, в Израиль – в науке, образовании, здравоохранении, культуре (20, с. 15).

Несмотря на отмеченную особенность, массовая репатриация этнических немцев была, по крайней мере на первых порах, выгодна Германии как в демографическом (восполнялись военные и естественные потери лиц коренной национальности), так и в экономическом плане (снижалась потребность в импорте рабочей силы из других стран, заполнялись рабочие места на нижних ступенях производственно-иерархической лестницы, занимать которые отказывались «коренные» немцы). Однако в дальнейшем по мере сокращения удельного веса лиц собственно немецкой национальности в составе репатриантов (по некоторым оценкам, в последние годы они составляли 15–20% от общего числа репатриантов) принимающая сторона была вынуждена пойти на уменьшение квот на въезд и на содействие в обустройстве этнических немцев в местах их нынешнего проживания на территории РФ.

В 1989 г. благоприятные возможности эмигрировать в Германию открылись для евреев. Однако увеличение количества выездов лиц данной национальности в эту страну началось годом позже, одновременно со скачкообразным ростом количества выездов в Израиль. Длительное время эмиграция евреев в Германию существенно усту-

пала по своим масштабам эмиграции в США и тем более репатриации в Израиль. Германия стала опережать США лишь с 1997 г. и Израиль – с 2002 г. (см. табл. 2). Вообще же период 1989–1991 гг. был поистине впечатляющим: за эти три года из Советского Союза в Израиль, Германию и США выехали 455 779 человек против 296 242 человек за предшествующий 40-летний период 1948–1988 гг., прошедший со дня основания Израйля (53, с. 6). Уже в 1992 г. общее число выездов оказывается заметно ниже – 115 741 человек против 188 282 человек в 1991 г. В последующие годы – за исключением лет, обнаруживающих явное влияние дефолта 1998 г., – уровень эмиграции в Израиль и США последовательно снижался и с некоторыми колебаниями вплоть до 1997 г. возрастал для Германии.

Начиная с 1999 г. уровни эмиграции последовательно снижаются по всем трем направлениям, свидетельствуя о приближении времени исчерпания миграционного потенциала указанных этнических групп. Более того, в последние годы эмиграцию (по крайней мере когда речь идет об Израиле) все заметнее начинает уравнивать реэмиграция. В целом за период 1989–2003 гг. из СССР и в дальнейшем из РФ и стран СНГ выехали 1 421 611 человек (53, с. 6), в том числе 300 194 человека въехали из РФ в Израиль (59, с. 50).

Таблица 2

**Эмиграция евреев из бывшего СССР по основным направлениям
в 1989–2003 гг. (человек)**

Годы	Израиль	США	Германия
1989	12 932	36 114	568
1990	185 230	31 645	1 008
1991	147 839	35 245	51 98
1992	66 093	45 871	3 777
1993	68 079	35 940	5 205
1994	59 049	32 192	8 811
1995	64 489	24 693	15 184
1996	56 618	19 501	15 959
1997	46 032	14 531	19 437
1998	66 838	7 371	17 788
1999	50 816	6 339	18 205
2000	50 762	5 881	16 538
2001	33 600	4 077	16 711
2002	18 525	2 486	19 262
2003	12 422	1 581	15 161

Как и в случае с эмиграцией немцев, речь идет не о собственно этнической эмиграции евреев: большинство их выезжало в составе смешанных семей, в числе выезжавших могли быть те, кто выдавал себя за еврея. В рядах эмигрантов, объединенных понятием «еврейская эмиграция», могли быть люди других национальностей, избравшие Израиль либо местом своего будущего проживания, либо страной транзита для последующего выезда в США, Германию или другие страны. Наконец, среди них могли быть члены религиозных общин, подобных «субботникам» из Воронежской области – чистокровным русским крестьянам, некогда принявшим иудаизм и до сих пор продолжающим выезжать в Израиль ради сохранения «чистоты веры» (29, с. 5).

Автор книги «Евреи в Америке» Э. Нитобург отмечает, что в 80-е годы доля смешанных браков евреев достигала в РСФСР 81,5%, на Украине – 66,5, в Белоруссии – 61,5% (45, с. 103). Нет оснований считать, что в 90-е годы в этом отношении могли произойти радикальные перемены. Именно в силу данного обстоятельства удельный вес евреев в «еврейской эмиграции» был определенным образом лимитирован. По оценкам В. Ионцева, доля евреев в общей численности эмигрировавших в Израиль составила в 1993 г. 60,0%, а в 2000 г. снизилась до 26,0%, тогда как доля русских повысилась с 30,3 до 60,0%. В выездах в США удельный вес евреев и русских составил в 1993 г. соответственно 52,3 и 37,8% и в 2000 г. 17,1 и 65,1% (25, с. 324).

В отличие от немцев, для эмигрантов-евреев был присущ высокий образовательный уровень. Формально подпадая под определение этнической, данная эмиграция по своему содержанию оказалась – особенно когда речь идет о выездах в США и Германию – преимущественно интеллектуальной. Э. Нитобург констатирует, что 70–75% бывших советских евреев, въехавших в США в 1970–1980 гг., были людьми с высшим образованием, в том числе 7–8% из них имели ученые степени (45, с. 105). Эти данные коррелируют с оценками, полученными немецкими социологами в 1993–1994 гг. в ходе исследования интеграции евреев из бывшего СССР в германское общество, выполненного совместно с Еврейским научным центром при Российской академии наук и Еврейским университетом Санкт-Петербурга. Исследование показало, что высшее образование имели 71,2% эмигрантов, среди них 35,4% были инжене-

рами и учеными, специализировавшимися в области естественных наук, 21,1% – врачами, учителями и деятелями культуры (75, с. 64).

Поскольку центры мировой науки и культуры находятся в США и Европе, понятно стремление основной массы ученых и представителей других отрядов еврейской интеллигенции мигрировать именно в этих направлениях. Кроме того, подавляющее большинство советских евреев не знало идиш, они в большинстве своем были атеистами, не знакомыми с основами иудаизма (45, с. 104). У них, следовательно, отсутствовал весомый дополнительный стимул к эмиграции именно в Израиль. Нельзя сбрасывать со счетов и материальную сторону. Но в любом случае удельный вес лиц с высшим образованием, переехавших в Израиль, все равно оставался очень высоким: две трети из них имели высшее образование, в том числе 40% обладали опытом работы в сфере науки и высшей школы, более 10% вновь прибывших имели дипломы инженеров, их численность была почти вдвое больше числа инженеров израильского происхождения (76, с. 53). Что касается оценок численности эмигрировавших русских, очевидные сложности с получением достоверных данных связаны не только с тем, что эмигранты входят в состав смешанных семей и часть из них может выдавать себя либо за евреев, либо лиц иных национальностей, но и с тем, что русские представлены в числе тех, кто выезжал в дальнее зарубежье из стран СНГ, статистически увеличивая численность выехавших из РФ русских в тех случаях, когда выезд оформляется российскими миграционными службами. В числе причин отсутствия достоверной статистики фигурируют также выезд на ПМЖ за рубежом по подложным документам, усилившаяся закрытость официальной статистики по трудовой миграции.

Существенное отличие массовой эмиграции русских заключалось в том, что их выезд за рубеж не был организован так, как это делалось в отношении немцев и евреев, за ними не могло стоять и не стояло государство. Никто не гарантировал им немедленного предоставления гражданства или вида на жительство. Их риски были существенно выше, и им поэтому не хотелось терять жилье и даже рабочие места у себя на родине. Официально оформленный выезд на ПМЖ означал бы для многих «сожжение мостов» и поэтому они предпочитали использовать любые легальные возможности для того, чтобы фактически эмигрировать, но в то же время продолжать числиться живущими в России. Поэтому помимо поправок на имеющие место изъяны в статистике выездов на ПМЖ итоговые оценки легальной

эмиграции русских следует корректировать на случаи «мимикрии» фактических выездов на ПМЖ под временные трудовые контракты, получившие широкое распространение в научной среде и среди лиц, проходящих обучение за рубежом; на оценки численности тех, как бы трудовых мигрантов, кто «трудоустраивался» в офшорных зонах, поскольку в данном случае речь очевиднее всего идет о бизнес-эмиграции, а не об обычном трудоустройстве по контракту в зарубежной стране; на оценки численности тех, кто выезжал за рубеж по гостевым или туристическим визам, в деловые поездки, а затем не возвращался на родину. Взятые по отдельности, все эти виды фактически нелегальных выездов могут в каждом конкретном случае представлять собой незначительные величины. Но взятые вместе, они означают существенные потери.

Показателен в этом отношении пример Кипра. Отметив, что в 1994–1995 гг. из 20 тыс. человек, официально трудоустроившихся за рубежом россиян, более трети оказались на Багамских островах и на Кипре, В. Ионцев делает вывод, что «в этом случае скорее можно говорить о вывозе капиталов, чем о реальном трудоустройстве» (25, с. 322). Когда сообщается, что в 1997 г. за рубежом трудоустроился 21 121 человек, но при этом 5648 из них снова оказались на Кипре, 1582 – на острове Мэн, 1026 – на Мальте, 827 – в Гибралтаре, т. е. в тех местах, которые называют «налоговым раем» (42, с. 111), указанный вывод получает дополнительное подтверждение.

Очевидно, что, если в настоящее время на Кипре, а также в соседней Греции насчитывается, по оценкам, свыше полумиллиона эмигрантов из бывшего СССР (3, с. 17), эту массу эмигрантов создали отнюдь не приезжающие сюда из России сезонные рабочие, а владельцы вывезенных и ввозимых капиталов, плюс те специалисты, кто занят отмыванием денег, и другой необходимый персонал. Как отмечают М. Боровик и Л. Шемберко, многие из выехавших на Кипр имеют криминальное прошлое и связаны с так называемой «русской мафией» (3, с. 17).

О том, насколько важную роль играет Кипр в перемещении капиталов из России и в Россию, свидетельствуют следующие данные Госкомстата РФ за первый квартал 2006 г.: за этот период приток капитала составил 8,8 млрд. долл. и 18,6% от этой суммы (самый высокий процент) пришлось на долю Кипра. Одновременно было вывезено 10,1 млрд. долл., из которых 11,9% попали опять-таки на Кипр, еще 10,1 % – на Багамские и 8,9% – на Виргинские острова. В обоих случаях Кипр заметно опережал США (соответст-

венно, 7,0 и 6,3%) (18, с. 17). Несмотря на очевидную роль в отмеченном процессе, Кипр тем не менее не фигурирует в официальной статистике выездов на ПМЖ.

В последние годы расширились возможности корректировки данных по эмиграции, в том числе по брачной эмиграции в США, публикуемых министерством юстиции США, содержащих данные о численности россиянок, вступающих в браки с американцами. Опубликованные данные позволили не только получить представление о том, сколько женщин уже выехали с этой целью в США и другие страны (всего порядка 150 тыс. человек в период 1993/1994 – 2002/2003 гг.), но и сделать вывод, что в связи с замужеством Россию ежегодно покидают от 10 тыс. до 15 тыс. женщин (65, с. 45).

С другой стороны, дополнительную информацию о численности проживающих за рубежом выходцев из России можно почерпнуть в работах соотечественников, ныне проживающих за рубежом. Так, осевший в Великобритании известный по советским временам общественный и политический деятель Ж. Медведев утверждает, что возникшая в результате четвертой волны эмиграции русская диаспора в Германии в настоящее время насчитывает порядка 700 тыс. человек (39, с. 190). Скорее всего, данные Ж. Медведева включают представителей всех выехавших в Германию этнических групп. У него же можно встретить оценку численности проживающих в Лондоне русских в 200 тыс. человек, что вдвое больше, чем фигурировавшая в последние годы оценка в 100 тыс. человек (39, с. 190). Но если учесть, что, согласно новейшим оценкам (3, с. 16), численность проживающих в Великобритании русских достигла уже 400 тыс. человек, цифра 200 тыс. только русских в Лондоне представляется вполне достоверной.

Достаточно длительное время эмиграция этнических меньшинств воспринималась как эмиграция, неизбежная в силу взятых на себя Россией международных обязательств. Когда же образуемая немцами, евреями, греками, армянами и другими «этническая часть» четвертой волны эмиграции пошла на убыль и вместо нее стала нарастать эмиграция русских, в которой ученые и специалисты высшей квалификации сразу же стали играть определяющую роль, стало очевидным, что и этническая эмиграция, в особенности евреев, представляла собой в равной степени интеллектуальную эмиграцию, включавшую в себя «утечку умов». С этого времени оценки численности эмигрировавших ученых и специалистов стремительно нарастают. Так, если в середине 1990-х годов обычно ссылались на дан-

ные Гарвардского университета (США), согласно которым за рубежом на постоянной основе находилось до 30 тыс. российских ученых, в дальнейшем появляются оценки уже в 200 тыс. человек, из которых порядка 70 тыс. человек были выходцами из ВПК (67, с. 42), в 500–800 тыс. человек и даже, как оговаривается данный автор, «мелькнула цифра» в 1,5 млн. человек (56, с. 16).

Трудно судить о достоверности этих оценок. В любом случае они в разы превосходят данные официальной статистики. С другой стороны, нужно учитывать, что в наиболее тяжелые годы реформ из науки и наукоемких отраслей народного хозяйства ушли более 1 млн. ученых и специалистов и, следовательно, возник огромный миграционный потенциал, не связанный с отечественной наукой и промышленностью какими-либо обязательствами. Поэтому отрицать возможность массовой миграции, в силу разных причин не находящей отражение в официальной статистике, также не приходится. Сохранению и даже нарастанию миграционных настроений среди действующих ученых способствует многолетняя борьба вокруг реформы науки, целью которой, по мнению, например, академика РАМН С. Колесникова, является последовательное претворение в жизнь российским чиновничеством рекомендаций МВФ по сокращению проводимых в России научных исследований (44, с. 9).

Два фактора, говорящие в пользу подобной версии: во-первых, наличие в мире широкого спроса на ученых и специалистов, разумеется, не только из России. Хорошо известно, что еще в декабре 1992 г. в США был принят документ «О принципах наибольшего благоприятствования для переезда в США ученых из России и других государств СНГ», дополненный в декабре 1999 г. предоставлением преимущественных прав на выезд в США специалистам из России, связанным с космонавтикой, ядерной физикой и другими отраслями оборонного характера, а также гарантией обеспечения работой и высоких заработков. Схожие документы в 1999–2000 гг. были приняты в Германии и Франции в отношении российских программистов (25, с. 331). О разработке государственной программы привлечения классных специалистов было объявлено в Канаде (56, с. 16). Спрос на ученых и специалистов из России существует в Китае, КНДР, Аргентине, Мексике, в арабских странах (20, с. 19). В Южной Корее, Бразилии, Венесуэле и Парагвае разработаны специальные государственные программы их ассимиляции (56, с. 16).

В качестве второго фактора реализации планов и программ выкачивания из России интеллектуальных ресурсов выступает нелегальная эмиграция. О том, что этот второй фактор реально существует и действует, можно судить по следующему высказыванию Ж. Зайончковской. Подводя итоги 1997 г., она писала о том, что «продолжается незаконченная эмиграция россиян – в коммерцию, домашние услуги, “утечка умов”, совершаемые под видом туризма, поездок в гости, на стажировку и т.п.» (42, с. 111).

Как и легальная, нелегальная эмиграция ведет к сокращению не только интеллектуального, но и воспроизводственного потенциала человеческого ресурса, в целом к обострению демографической ситуации. Эта ее особенность уже давно отмечалась в работах Б. Хорева, И. Ушкалова, В. Ионцева и других специалистов. Главная опасность, исходящая от нелегальной миграции, заключается в том, что, когда речь идет о связанных с ней потерей женщин в наиболее репродуктивных возрастах, сокращается не только генофонд, но и снижаются его качественные характеристики. Уже отмечается, что отбор девушек и женщин для работы за рубежом осуществляется «на основе антропометрических и эстетических параметров. Это чревато потерей для страны не только демографического, но и генетического потенциала нации» (65, с. 45).

По оценкам Л. Рыбаковского и С. Рязанцева, в настоящее время с рынком сексуальных услуг и развлечений только в странах Западной Европы связано порядка 300–400 тыс. российских женщин в возрасте 18–24 лет, что составляет не менее 4–5% данной возрастной группы (58, с. 29). И Западная Европа отнюдь не является единственным рынком подобного рода. Как сообщается в отчете о выполнении Россией положений Конвенции ООН 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подготовленном российским представительством НПО «Центрально-европейская и Евроазиатская законодательная инициатива» (СЕЕЛ), криминальные структуры вывозят женщин из России в страны Ближнего Востока (ОАЭ, Израиль и Турцию), Северо-Восточной Азии (Китай, Японию и Южную Корею), а также в Северную Америку, Таиланд (48, с. 66; 72, с. 62).

Реальные цифры подобной нелегальной торговли людьми и практически необратимых для России потерь генофонда могут быть поэтому существенно выше. К тому же следует иметь в виду, что «трафик женщин», связанный с данным видом криминальной деятельности, представляет собой непрерывный конвейер, по-

скольку 25-летний возраст для женщин, вовлеченных в занятия проституцией, по меркам воротил данного бизнеса, уже является «предпенсионным», что требует постоянного обновления их рядов. В результате даже если предположить, что средняя численность женщин, занятых в сфере криминально организованных сексуальных услуг, остается неизменной, ее следует корректировать на величину ежегодной ротации.

Говоря о количественных показателях эмиграции, нужно также иметь в виду, что за годы реформ из России было вывезено, главным образом в США, порядка 60 тыс. детей. Вплоть до последнего времени иностранцы ежегодно усыновляли 4–5 тыс. детей, в итоге ставших гражданами других государств (65, с. 44).

Преимущественно к эмигрантам следует относить беженцев из Чечни, численность которых в Европе сами чеченцы определяют в 110–130 тыс. человек. Как утверждают опекающие чеченцев представители местных правозащитных организаций, многие из них уже имеют собственное жилье и работу, в частности в Дании и Норвегии (23, с. 6–7).

На географию расселения эмигрантов четвертой волны оказывают влияние такие факторы, как характер применяемых миграционных режимов и потребность в иммигрантах определенных специальностей; емкость местных рынков труда, предлагаемые уровни оплаты труда и спрос на рабочую силу в зависимости от пола; исторически сложившаяся специализация высших учебных заведений, когда речь идет об учебной миграции и т.д. Со своей стороны, многие иммигранты отдают предпочтение Германии, учитывая ее географическую близость к России: страны Южной Европы привлекают их своим климатом. Страны традиционной иммиграции – США, Канада и Австралия – привлекательны для бизнес-эмигрантов благодаря своему либеральному в этом плане законодательству. США, очевидно, доминируют в привлечении ученых и высококвалифицированных специалистов, в то же время сохраняя невысокую квоту на въезд квалифицированных рабочих. В Канаду проще попасть на ПМЖ, чем на временную работу. Этот перечень своеобразных особенностей и условий для выбора страны переселения можно было бы продолжить.

На протяжении всего рассматриваемого периода основным местом расселения для выезжавших на ПМЖ была и остается Западная Европа, куда выехали более 60% всех эмигрантов. Еще 26% направлялись в Израиль, 12 – в страны традиционной иммиграции –

США, Австралию и Канаду и 1–2% приходились на остальные страны. Европа, таким образом, уже длительное время является основным импортером трудовых ресурсов и населения из России.

Первое место по притягательности для эмигрантов из России занимает Германия, в которую, согласно приводившимся ранее оценкам, за 1989–2004 гг. выехали порядка 670–700 тыс. человек. Вплоть до последнего времени (не считая этнических немцев, обеспечивавших приток дешевой рабочей силы), в Германии существовал спрос на неквалифицированный и квалифицированный труд других выходцев из России. «Утечка умов», ранее носившая преимущественно общественно-гуманитарный характер, в последние годы все больше ориентируется на привлечение кадров естественнонаучного и технического профиля. В Германии традиционно хорошо развит рынок образовательных услуг – по этому показателю она наряду с Великобританией и Францией входит в тройку ведущих стран Европы.

Судя по всему, второе место в Европе по численности эмигрантов, прибывших из России, занимает Великобритания. Рост эмиграции в эту страну объясняется прежде всего тем, что здесь расположен один из главных финансовых центров мира, а сама страна отличается достаточно либеральным режимом приема бизнес-эмигрантов – англичан не особенно интересуют источники доходов, полученных в другой стране, кроме каких-то действительно вопиющих случаев. Здесь также усиливается внимание к привлечению ученых и специалистов для высокотехнологичных отраслей промышленности. Великобритания является бесспорным лидером Европы в области образовательных услуг, и в рамках Европы именно сюда направляется основной поток учащихся колледжей и студентов из России. Все выглядит так, что именно здесь может сложиться одна из первых устойчивых и самодостаточных русских диаспор. Как отмечает Ж. Медведев, в последние два-три года в русскую диаспору Великобритании вливаются работники сферы обслуживания и здравоохранения, рабочие и строители. В Лондоне издаются две российские газеты, имеются русские клубы, рестораны и даже больницы (39, с. 190).

Второе-третье места с Великобританией может делить Кипр, не представленный отдельной страной в статистике выездов на ПМЖ. Но уже между второй, третьей и последующими по численности эмигрантов из России странами существует значительный разрыв: в претендующей на четвертое место Финляндии на постоянной основе проживают примерно 40 тыс. человек. По

оценкам, к Финляндии близко примыкает Франция, однако в данном случае приходится делать определенную оговорку, поскольку во Франции, особенно среди тех, кто сумел приобрести здесь недвижимость, сложилась практика постоянного проживания без претензий на рабочие места и гражданство со стороны владельцев недвижимости и/или членов их семей, которую формально нельзя считать эмиграцией. Живущие здесь выходцы из России, строго соблюдая сроки действия виз, выезжают на родину с целью их продления и возвращаются обратно. Как считает О. Маховская, отличительной чертой русской эмиграции во Францию является ее преимущественно женский характер.

Что касается численности выехавших на ПМЖ в другие европейские страны, ее величина в каждом отдельно взятом случае не представляется значительной и вместе с тем вряд ли отражает истинное положение дел: в случаях амнистий обнаруживается, что реальная численность эмигрантов превышает учтенную российской статистикой. Так, численность выехавших на ПМЖ в Португалию в 1997–2004 гг. составила, по официальным данным, всего лишь 317 человек, тогда как в результате амнистии 2001–2002 гг., как уже упоминалось, численность «амнистированных» составила 6431 человек (70, с. 21).

Из неевропейских стран – если судить по количеству выездов на ПМЖ – весьма существенную роль в формировании количественных и качественных параметров четвертой волны сыграла репатриация евреев в Израиль. Их массовый выезд наряду с эмиграцией русских и лиц других национальностей в составе смешанных семей и другими видами выездов привел к тому, что за период 1989–2004 гг. в эту страну, по данным израильской статистики, из РФ прибыли 300 194 человека (59, с. 50). Самое молодое иммигрантское государство мира остро нуждалось в притоке и трудовых ресурсов, и в целом населения, учитывая значительный демографический дисбаланс по сравнению с окружающим арабским миром. Идея собрать на исторической родине евреев всего мира в этом отношении была вполне обоснованной. Но такой подход исключал селективность и, как следствие, в Израиле возник, по сути дела, конгломерат из представителей диаспор, прибывших из более чем ста стран мира, которым еще только предстоит сложиться в единую нацию. Пока же эти группы и группировки переселенцев более склонны отстаивать собственные интересы. Образно, но очень точно эту специфику современного израильского общества передает известный публицист Д. Маркиш, указывая на то, что «наряду с выходцами из Европы на

земле Давида и Соломона живут эфиопские израильтяне, недавние обитатели Магриба, Грузии, Средней Азии. Их уклад отличен друг от друга, их культуры, — а они охотно сохраняют им приверженность — не смешиваются друг с другом в одном “плавильном котле”, под которым полыхает костерок из чурбачков, нарубленных из деревьев местных пород» (37, с. 5).

С другой стороны, небольшая по размерам, не располагающая значительными природными ресурсами, развитая, но все же не обладающая значительным экономическим потенциалом страна не могла обеспечить всех вновь прибывающих рабочими местами в соответствии с их профессией и квалификацией. Это несоответствие реальности ожиданиям обнаруживалось уже вскоре после прибытия. Как считает Б. Дубсон, автор книги «Богатство и бедность в Израиле. Израильское общество в XXI веке», трудоустроиться в основном по специальности смогли лишь те участники «армии 90-х», которые прибыли в Израиль в первые два-три года, т.е. в 1989–1992 гг.; основной же массе репатриантов пришлось менять профессию. Подлинная драма репатриантов из России, отмечает Б. Дубсон, заключалась в их «избыточной образованности». К началу 2000 г., по его оценке, в сфере сложного умственного труда удалось закрепиться только каждому третьему репатрианту (19, с. 270, 273–274). Поэтому для части репатриантов Израиль вскоре превращался в страну транзита для последующего выезда в США. Чтобы переломить эту тенденцию, Израиль даже потребовал от США запретить подобные переезды репатриантов из РФ. Остальных репатриантов ожидала острая конкурентная борьба за «место под солнцем».

Третью строку по количеству выездов на ПМЖ после Германии и Израиля занимают США. Согласно официальной американской статистике, в период 1991–2000 гг. в эту страну въехали 128 тыс. легальных эмигрантов. Еще 20,4 тыс. человек прибыли в 2001 г. и 20,8 тыс. человек в 2002 г. (64, с. 10). И в этом случае заметную роль в формировании миграционного потока сыграла эмиграция евреев, опиравшаяся на наличие родственных связей и разветвленную массовую базу этнических институтов и организаций, обеспечивавших вновь прибывшим необходимую на первых порах моральную и материальную поддержку. Однако главную роль, как уже отмечалось, играла целенаправленная политика привлечения ученых и высококвалифицированных специалистов, которым создавались условия для полного раскрытия своих талантов и возможностей и в случае успеха открывался доступ к материаль-

ному благополучию. Показательно, что, если средний годовой доход семьи недавних иммигрантов в целом составлял в последние годы 35 тыс. долл., доход семьи иммигранта-интеллектуала из России равнялся почти 59 тыс. долл. (56, с. 17). Как можно предположить, это служило мощным стимулом для эмиграции любым способом именно в данную страну. Помимо легальных иммигрантов в качестве беженцев из России в указанные годы в США были приняты 60 404 человека в 1991–2000 гг., 4758 – в 2001 г. и 5089 человек – в 2002 г. (64, с. 10).

Все более привлекательным местом для эмиграции становится Канада. На сегодняшний день Канада является одной из немногих стран мира, активно содействующих приезду переселенцев на ПМЖ (7, с. 88). Согласно переписи 2001 г., русские занимают 16-е место в числе образующих канадское общество этнических групп, русские корни имеются примерно у 338 тыс. канадских граждан, из них чисто русскими считают себя 70 тыс. человек. За период 1991–2001 гг. численность выходцев из РФ составила 51 тыс. человек (77а, с. 120). Считается, что здесь уже сложилась община русских эмигрантов постсоветского периода. Любопытной чертой последнего времени стало сокращение численности переехавших из бывшего СССР в Канаду евреев, что происходит не в результате реэмиграции в Россию или выезда в другие страны, а в результате смены или переоценки самоидентификации: их русская идентичность зачастую начинает преобладать над еврейской. «Многие из них даже перешли в православие» (7, с. 91–92). Важную роль в притоке эмигрантов в Канаду, в том числе и из России, сыграли принятый в 2002 г. Закон об иммиграции и защите беженцев, существенно облегчивший процедуру допуска в страну бизнес-эмигрантов, а также меры по упрощению системы оценки и верификации иностранных дипломов (7, с. 95).

Из других англоязычных стран традиционной иммиграции в публикациях Госкомстата фиксируются крайне незначительные потоки, следующие из России в Австралию и Новую Зеландию: всего за 1997–2004 гг. в эти две страны эмигрировали 2486 человек (17, с. 518). Что касается других стран, в официальной статистике выезда Азия представлена 16 странами и не включает такие страны женской эмиграции, как ОАЭ и Таиланд; Африка – всего четырьмя странами: Египтом, Марокко, Нигерией и Замбией; Латинская Америка – Аргентиной, Белизом, Кубой и Перу. Из учитываемых стран более или менее заметные объемы выездов на ПМЖ отмече-

ны только для Китая, куда за 1997–2004 гг. въехало 9,5 тыс. человек. Эта цифра по крайней мере подтверждает отмеченный известным китаистом В. Гельбрасом факт возникновения в Китае «небольших колоний россиян» (10, с. 107).

Из печати известно, что российские и другие специалисты работали по длительным контрактам не только в Израиле, но и в Иране, и во многих других странах Азии. В связи с развитием туризма из России курортные зоны средиземноморских стран предъявляют растущий спрос на говорящих по-русски работников для туристических комплексов. Так, в Египте только в курортной зоне Шарм-эль-Шейх постоянно проживают около 4 тыс. граждан России и Украины, по большей части сотрудницы отелей и туристических фирм. Ежегодно число осевших там выходцев из России и других стран СНГ возрастает на 15% (55, с. 68). Имеются признаки растущего спроса на русский персонал в курортных зонах Турции.

Еще одной серьезной проблемой количественных и качественных оценок является, на наш взгляд, явно устаревшее и потому искусственное деление эмигрантов на выехавших в «дальнее зарубежье» и в «страны СНГ (ранее страны «СНГ и Балтии», но в связи с вступлением последних в Европейский союз с 1 мая 2004 г. в ряде справочников Госкомстата начиная с 1997 г. «Балтия» больше не фигурирует и ретроспективно включается в группировку «страны вне СНГ»). В результате споры и дискуссии о размерах эмиграции ведутся в основном вокруг численности выехавших в «дальнее зарубежье», тогда как все остальные оказываются вовлеченными в процессы как бы внутренней миграции в границах все более эфемерного образования, каковым является СНГ. Между тем из России в страны СНГ в годы реформ выезжали не только представители титульных народов этих стран, но и русские, и немцы, и евреи, и представители других национальностей Российской Федерации, причем не только в составе смешанных семей. Считать их просто некими «выехавшими», а не эмигрантами просто нелогично. Между тем речь идет о значительных объемах эмиграции: в 1990-е годы в Россию легально въехало более 8 млн. человек и одновременно выехало около 4 млн. человек (13, с. 3). Как считает В. Ионцев, на протяжении всех 90-х годов доля русских, выезжавших в страны ближнего зарубежья, превышала 50% (25, с. 349).

Экономические и демографические потери России. Перспективы возвращения эмигрантов

Длительное время в работах по проблемам миграции оценки потерь от эмиграции («утечки умов») оценивались в денежном выражении в 25–50 млрд. долл. в год. Примерно столько же времени держалась и оценка численности ученых, уехавших на ПМЖ за рубеж, – как правило, упоминалась цифра в 30 тыс. человек. Хотя вряд ли и тот и другой показатели могли оставаться неизменными. Это видно из ориентировочных расчетов потерь (20): исходя из того, что современная сложная рабочая сила способна создавать прибавочную стоимость, эквивалентную 400–500 тыс. долл., а научно-техническая – 800 тыс. долл., потери России только от «утечки умов» составляли 25–28 млрд. долл. в 1992 г.; 25–30 млрд. долл. – в 1993 г. и 25–28 млрд. долл. – в 1994 г. С учетом затрат на подготовку научных и других кадров высшей квалификации, а также заниженных оценок реальной численности уехавших на ПМЖ за рубеж общие размеры ежегодных потерь оценивались ими как минимум в 35–40 млрд. долл. (20, с. 50–51). В последующие годы, но уже по оценке Комиссии по образованию Совета Европы, потери России из-за эмиграции ученых и специалистов составляли в среднем с учетом упущенной выгоды порядка 50–60 млрд. долл. (43, с. 127). Суммарные потери за истекшие годы оцениваются цифрой в 1 трлн. долл. (28, с. 4). Как уже отмечалось, изменились и оценки людских потерь – численность уехавших ученых теперь оценивается в 150–200–300 и более тыс. человек (28, с. 4; 43, с. 120; 66, с. 165).

Причиной сравнительно длительной устойчивости оценок экономических и демографических потерь служило широко распространенное убеждение в том, что все происходящее носит временный характер и что улучшить за рубежом свое материальное положение, а главное – обогатившись новыми знаниями, ученые и специалисты в массовом порядке станут возвращаться на родину и внесут свой вклад в ее научно-техническое и экономическое развитие, тем самым компенсируя эти временные, как казалось, потери. Другой причиной недооценки, в чем убежден В. Ионцев, стало ошибочное представление об «утечке умов» как о явлении, ничем не отличающемся от любой другой интеллектуальной миграции, на основании чего делался вывод о ее «положительном влиянии на социально-экономическое развитие как стран иммиграции (что совершенно справедливо), так и стран – доноров «серого вещества»,

о взаимовыгодном характере этого явления, особенно в плане тезиса об общемировой науке и культуре» (25, с. 332).

То, что подобные представления ошибочны, к моменту распада Советского Союза было хорошо известно из опыта развивающихся стран, откуда уже два десятилетия шла целенаправленная перекачка кадров высшей квалификации, в результате которой богатые страны становились богаче, а бедные – беднее. Как и следовало ожидать, именно в такие «взаимоотношения» с Западом попала Россия. Когда случившееся стали осознавать, сменились и оценки. Появились утверждения, что эмиграция ученых приняла характер «лавинообразного миграционного потока» и что возникла «реальная опасность утраты в России многих научных школ и направлений исследований» (58, с. 31). Все чаще стали рассуждать об угрозе истощения интеллектуального потенциала страны. Более того, как об актуальной задаче стали говорить о сдерживании эмиграции (63, с. 49; 65, с. 45).

В целом негативные оценки последствий данного процесса включают, во-первых, то, что «утечка умов» носит не только устойчивый, но и масштабный характер; во-вторых, будучи безвозвратной, она приводила к тому, что затраты, понесенные государством на воспитание, обучение и повышение квалификации эмигрантов, остаются невозмещенными; в-третьих, это приводит к значительной упущенной выгоде, равной ожидаемому вкладу иммигрантов в экономику, науку, образование и социальное развитие страны, которая была бы получена, оставайся эти ученые и специалисты на месте; в-четвертых, эмиграция негативно сказывается на научно-техническом потенциале России, поскольку по большей части уезжают молодые поколения, а это грозит утратой преемственности научных школ. Наконец, страна несет очевидные демографические потери, которые в условиях переживаемого Россией острого демографического кризиса не так-то легко восполнить (20, с. 19).

В общем и целом происходит физическая утрата наиболее ценной части человеческого капитала, сопровождаемая вычетом из национального продукта в виде его произведенной части, и этот вычет имеет место на протяжении всего периода трудовой деятельности каждого уехавшего за рубеж ученого или специалиста. По оценкам, начиная с 1992 г. из-за эмиграции высококвалифицированных кадров Россия каждые 5–7 лет в среднем теряла один годовой бюджет только за счет прямых потерь (56, с. 16).

Как уменьшить или вообще свести на нет эти огромные и пока что кумулятивно нарастающие потери? Ответы на этот вопрос даются самые разные: от рекомендаций ввести ограничения на данный вид эмиграции до более трезвого понимания невозможности каких-либо запретов и рекомендаций, вместо этого устранять причины, вызывающие желание эмигрировать, т.е. создавать такие условия финансирования науки, при которых ученый и специалист имели бы возможность выезжать за границу, общаться с зарубежными коллегами, но при этом постоянно жить и работать в собственной стране. Масштабную эмиграцию можно предотвращать также с помощью создания на территории России совместных предприятий, открытия филиалов иностранных фирм. Как отмечает В. Супян, уже в 90-е годы «существенным фактором поддержки отечественной науки (а значит, предотвращения еще более масштабной эмиграции ученых из страны) была финансовая помощь иностранных благотворительных фондов»(68, с. 29).

По данным исследования, проведенного Гарвардским университетом (США), около 17% всех научно-исследовательских работ в России в этот период финансировалось из-за рубежа. В ряде наиболее престижных научных центров доля зарубежного финансирования достигала 50% (68, с. 29). Еще одной формой финансирования российской науки стало размещение иностранных заказов. Уже в 1993 г. эксперты ОЭСР обратили внимание, что корпорации данной группы стран стали нанимать и финансировать «группы из десятков и даже сотен высококвалифицированных российских ученых на срок до нескольких лет». Эту тенденцию подтверждает статистика: если в 1991 г. средства из иностранных источников в бюджете отечественной науки практически отсутствовали, в 1998 г. они составляли уже 10% (8, с. 129). В результате, хотя работа на заказ и не решала всех проблем, возникала ситуация определенной стабильности, в частности, для тех институтов РАН, бюджетное финансирование которых составляло не более 15–25% от уровня требуемых затрат. Благодаря заказам, хоздоговорам, грантам и т.п. эти институты добирали недостающие средства, нужные для сохранения работоспособных коллективов. О масштабах подобной работы на заказ в новейшее время можно судить по следующим данным: в 2006 г. в авиакомпании им. Ильюшина на европейский концерн «Airbus» работали более 300 инженеров и еще 75 человек – на компанию «Боинг». Значительно больше специалистов, работающих на «Боинг», – две тысячи инженеров являются сотрудниками российской «ВСМПО-Ависма»,

занимающейся авионикой. Разумеется, все эти варианты финансирования науки и высокотехнологичных производств никогда не были чисто благотворительными – значительная часть полученных научно-технических результатов или готовой продукции уходила и уходит за рубеж. Но сами ученые и специалисты при этом остаются на родине, они платят налоги и как потребители оставляют свои доходы здесь, а не за рубежом, они сами и их семьи остаются в составе российского населения.

Вариантом снижения потерь от эмиграции может стать привлечение к сотрудничеству тех, кто уже уехал за рубеж. Примером предложений на этот счет может служить работа Л. Леденовой и Е. Тюрюкановой, в которой затрагивается проблема повышения заинтересованности российской экономики в молодых специалистах, получающих образование за рубежом, и выдвигается идея создания «коалиции заинтересованных организаций», включающей федеральные и местные региональные структуры исполнительной власти, неправительственные организации, образовательные учреждения и профессиональные сообщества, которая могла бы заняться координацией специализированных программ по возвращению в Россию интеллектуальных ресурсов как на государственном уровне, так и в качестве общественных инициатив. В разделе книги «Рекомендации по разработке программ возвращения интеллектуальных ресурсов в Россию» авторами предложены три программы: одна для тех, кто хотел бы вернуться в Россию и мог бы получить от программы реальную поддержку в начале становления своей профессиональной деятельности; другая для тех, кто не хотел бы вернуться навсегда, но при этом не исключает той или иной формы сотрудничества; третья программа общего характера, рассчитанная на информационное обслуживание российской научно-профессиональной диаспоры, включая предоставление консультационных услуг о ситуации на российском рынке труда, в том числе с помощью создания соответствующего сайта (35).

По мнению Л. Леденовой, в отношениях с российской научной диаспорой следует как можно шире использовать накопленный уже более чем в 40 странах мира опыт сотрудничества с учеными, работающими за рубежом, суть которого сводится к тому, чтобы привлекать последних через участие в международных конференциях, семинарах, рабочих совещаниях или проектах, организуемых «в их родных лабораториях и исследовательских центрах», путем создания «научных сетей», т.е. путем такой организации научного пространства, когда и специалисты, работающие за рубежом, и те,

кто трудится на родине, образуют как бы единый цепной механизм научной информации. Подобная система связи с «потерянными» учеными и инженерами наряду с предоставлением им статуса консультантов приводит к переформулировке концепции «утечки умов» на «приток умов», утверждает Л. Леденева, призывая принять схожую стратегию сотрудничества с зарубежной научной диаспорой (32, с. 75). В то же время, явно намекая на то, что следует и впредь продолжать увеличивать ее ряды, Л. Леденева обращает внимание на тот факт, что за молодых интеллектуалов в настоящее время активно борются три автора – отечественная наука, отечественный бизнес и зарубежные фирмы и университеты. В этих условиях России не стоит скупиться на расходы на научные исследования, поскольку это предохранит научную молодежь и от отъезда за рубеж, и от перехода в отечественный бизнес, которому взамен будут предложены перспективные инновационные разработки.

Конкретные предложения относительно мер по предотвращению выездов за рубеж можно найти также в монографии «Стратегия демографического развития России». В том, что касается предотвращения «утечки умов», предлагается в первую очередь радикально преобразовать оплату труда научно-преподавательских кадров – повысить оплату труда не менее чем в 10 раз за счет сокращения количества НИИ и численности занятых, концентрации научного потенциала в ведущих научно-исследовательских учреждениях и вузах; усилить поддержку талантливых студентов, аспирантов, докторантов и ученых через систему государственных грантов на научные исследования (без налогообложения этих средств). Подчеркивается, что данная мера рассчитана на сокращение оттока за рубеж на временную работу и на ПМЖ высококвалифицированных специалистов и их переход в коммерческие структуры. В принципе, как считают авторы, основой дальнейшего развития науки должны стать крупные университеты, сочетающие в себе фундаментальную науку с высокой оплатой труда ученых (65, с. 187).

Поскольку Россия несет экономические и демографические потери не только из-за эмиграции ученых, но и в результате бегства капиталов и нелегальной эмиграции, авторы указанной работы предлагают также ввести: трехлетний срок для принятия окончательного решения о гражданстве для тех лиц, кто получил второе гражданство на том основании, что в настоящее время наличие второго гражданства «в странах, более привлекательных, чем Россия, обеспечивает возможность вывоза капитала, бегство от уголовного преследования

и т.п.»; законодательный запрет на усыновление и вывоз иностранцами российских детей и уголовную ответственность за подобные действия. Запретительные меры такого рода действуют в большинстве стран. В целях сокращения потерь генофонда предлагается ввести повышенные госпошлины, взимаемые с нерезидентов (иностранцев) в случае заключения браков с россиянками или россиянами. Необходимость этой меры обосновывается тем, что страна уже несет существенные потери в результате выезда россиян по брачным контрактам, чреватые потерей демографического и генетического потенциалов (65, с. 187).

Ряд рекомендаций касается необходимости введения строгой уголовной ответственности для тех организаторов и владельцев туристических фирм, кто осуществляет подделку миграционных документов и занимается обманом граждан, выезжающих на работу за рубеж. В целях предотвращения широко распространенной практики, когда соотечественников вывозят «по туристическим визам, обещая в последующем работу, а затем просто бросают на произвол судьбы», предлагается ужесточить требования к лицензированию фирм, занимающихся трудоустройством россиян за рубежом, силами миграционных инспекций проводить регулярную проверку подобных фирм «на предмет соответствия заявленной деятельности реально осуществляемой». Одновременно при посольствах и консульствах РФ следовало бы создать «горячие линии» («телефоны доверия») по вопросам нарушения прав россиян за рубежом в вопросах трудоустройства (65, с. 198). К сожалению, в монографии нет предложений по конкретной борьбе с «трафиком женщин» – очевидно преступным деянием, заслуживающим самых жестких мер наказания, хотя сама проблема не обойдена вниманием.

При всем разнообразии вносимых предложений их объединяет одна центральная идея: решение проблемы упорядочения интеллектуального и любого другого вида эмиграции невозможно без самого активного участия государства и гражданского общества. Для этого необходимы политическая воля и соответствующая характеристика явления государственная политика, осознание обществом значимости данной проблемы и ее последствий для будущего нации (21, с. 37; 25, с. 335; 32, с. 76; 68, с. 29).

Одним из важных аспектов проблемы является вопрос о том, в какой мере ту же «утечку умов» можно компенсировать притоком научных кадров из-за рубежа. Способна ли подобная замещающая

иммиграция возместить потери человеческого потенциала и тот экономический ущерб, который несет страна в результате эмиграции?

В ответ на этот вопрос можно услышать самые разные мнения. Например, когда речь идет о странах СНГ с их потенциалом русских и русскоязычных представителей других народов РФ, отмечается, что этот потенциал не настолько велик, чтобы обеспечить замещающую иммиграцию необходимым количеством участников, к тому же на длительную перспективу. По мнению В.Федорова, в целом этот потенциал невелик, он «тает на глазах и за него надо бороться» (74, с. 66). По мнению Ж. Зайончковской, «рассчитывать на наплыв русских из стран СНГ уже не стоит» по той причине, что из этих стран на Запад уже уехали примерно 1 млн. русских – вместе с немцами, евреями, греками, поляками (21, с. 34). Кроме того, руководство и деловые круги ряда стран СНГ, в первую очередь Казахстана, уже осознали, что без русских и других русскоязычных ученых и специалистов им не обойтись. В-третьих, потенциальные иммигранты осведомлены о том, что многие их предшественники, ранее уехавшие в Россию, испытывали трудности как с получением жилья, так и с трудоустройством по специальности. О. Воробьева, например, твердо убеждена в том, что одной из главных причин резкого падения миграционной привлекательности России к концу 90-х годов и сокращения миграционного притока из стран СНГ и Балтии стало невыполнение обязательств государства по отношению к вынужденным мигрантам, фактическое нарушение их прав, о чем благодаря наличию родственных и других связей становилось известно тем, «кто еще продолжал колебаться в своем решении о переселении» (9, с. 120). Большинство авторов сходятся во мнении, что сугубо негативную роль сыграло необоснованное ужесточение миграционного законодательства, особенно имевшее место в 2001–2002 гг. Вследствие усиления охранно-запретительного характера законодательства приток легальных иммигрантов, достигший пика в 1994 г., за десять последующих лет сократился почти в 10 раз и составил в 2004 г. 119,3 тыс. человек против 1 146,3 тыс. человек в 1994 г.

Что касается притока ученых и специалистов – представителей титульных народов стран СНГ, – их удельный вес в населении данных стран очевидно невысок, поскольку численность лиц с высшим образованием в этих странах, особенно в Центральной и Средней Азии, составляет, по оценкам известного социолога И. Бестужева-Лады, порядка 7% против 11–13% в России, что само по себе говорит об ограниченности данного ресурса. Основную массу иммигран-

тов из этих стран образуют поэтому те, кто способен заниматься лишь малоквалифицированным трудом в строительстве, сельском хозяйстве и торговле.

Если же говорить о «дальнем зарубежье», то, по меткому определению Ж. Зайончковской, Россия не относится к числу стран, особенно популярных среди иммигрантов, и в тройке миграционных центров «Россия–США–Европейский союз» является явным аутсайдером, «потому что не может соперничать с развитыми странами по степени привлекательности для работников» (21, с. 34). Ее выбор поэтому ограничен «преимущественно странами Южной и Юго-Восточной Азии и, вероятно, арабского мира» (22, с. 72). Можно предположить, что если высококлассные специалисты из развитых стран и поедут в Россию на ПМЖ, то они будут делать это только за большие деньги.

Еще важнее качественные характеристики. С одной стороны, все еще можно встретить утверждения, что «переселенцы в Россию в большинстве своем являются высококлассными специалистами, имеющими соответствующий образовательный уровень и способными принести пользу экономике страны» (13, с. 4). На наш взгляд, подобное утверждение было справедливо в первые годы российских реформ, когда две трети квалифицированных иммигрантов составляли русские, в том числе те, кто в свое время получил образование в ведущих вузах России. Тогда и из числа титульных народов стран СНГ к нам в основном ехали высокообразованные люди. Но это время в основном позади. С другой стороны, замещающая иммиграция ученых и специалистов по своим качественным характеристикам существенно уступает тем, кто уезжает из России. Отмечается, что в середине 1990-х годов замещающая иммиграция, «приток умов» по своим масштабам были вполне сопоставимы с «утечкой умов». Однако способность прибывающих полноценно заменить покидающих Россию уже тогда вызвала сомнения по той причине, что в советский период основная масса наиболее талантливых и квалифицированных специалистов была все же сосредоточена в России (20, с. 31).

К тому же с самого начала можно было предположить, что научная элита стран СНГ в своей массе выезду в Россию предпочитает выезд в страны Запада или же в соседние развивающиеся страны, учитывая плачевное состояние той же материальной базы российской науки плюс существенно более низкие, чем на Западе, ставки заработной платы. Поэтому наиболее вероятным вариантом

развития событий может быть замещение отечественных высококвалифицированных кадров учеными среднего или более низкого уровня. В результате «иммиграция ученых и специалистов в Россию вряд ли может полностью возместить потери от интеллектуальной эмиграции, существенно изменить положение, в которое попала в настоящее время российская наука» (20, с. 33). В целом, по мнению ряда авторов, приток высококвалифицированных специалистов и научных кадров «несоизмеримо мал по сравнению с количеством приезжающих работников низкой квалификации. Такая же удручающая ситуация обнаруживается и при количественном сравнении с процессом «утечки умов», где Россия представлена как страна-донор» (20, с. 28).

В научной литературе последних лет все чаще можно встретить выводы о том, что в ближайшие годы Россию ожидает приток – если иметь в виду страны «ближнего зарубежья» – главным образом малоквалифицированной рабочей силы. Уже сейчас, сравнивая тех, кто уезжает из страны, с теми, кто в нее въезжает, политолог М. Урнов отмечает, что «взамен мы получаем жителей Средней Азии, Украины и Молдавии низкоквалифицированных рабочих специальностей» (73, с. 9). Но нельзя исключать, что и за пределами СНГ значительную часть потенциальных иммигрантов будут также составлять сельские жители. Предполагается, что в целом образовательный уровень иммигрантов будет все более низким. Вот как видится данная ситуация известному социологу и демографу В. Мукомелю: «Россия обречена на привлечение представителей иных национальностей ближнего зарубежья. Представители этнических групп государств СНГ приезжают и будут стремиться в Россию по экономическим мотивам: дифференциация экономического развития России и большинства стран СНГ все возрастает. И надо быть готовым к тому, что с каждым годом к нам будут приезжать (легально или нелегально) все менее грамотные, все хуже знающие русский язык и российские традиции иммигранты». Альтернативой им могут быть только выходцы из Китая, Юго-Восточной Азии и Африки (40, с. 249).

В подобной непростой ситуации вариантом решения задачи хотя бы частичного возмещения утрачиваемого интеллектуального потенциала может и должно стать всемирное развитие в России системы подготовки иностранных студентов. По мнению О. Чудиновских, М. Денисенко и Е. Донец, основным контингентом студентов могла бы стать русскоязычная молодежь из стран СНГ.

«Русскоязычная молодежь ближнего зарубежья, получающая высшее образование в России, хочет и должна иметь возможность оставаться здесь на тех или иных законных основаниях», – пишут они (79, с. 60–63). Схожей точки зрения придерживается В. Гельбрас, ориентирующийся больше на студентов из Китая: «Наиболее надежным способом создания эффективной иммиграции, то есть способной повлиять на изменение и экономической, и социальной, и демографической ситуации, является максимальное расширение подготовки иностранцев, в том числе китайцев, в учебных заведениях России. Высокая стоимость образования в Китае и низкое его качество сформировали у населения четкое представление о желательности обучения молодежи за пределами страны. Поток китайской молодежи, отправляющейся на учебу в другие страны, увеличивается с каждым годом». Если в Китае умело организовать рекламу преимуществ получения образования в России, можно как минимум решить две важные проблемы. «Во-первых, увеличить доходы учебных заведений и предотвратить грядущую массовую безработицу профессоров и преподавателей в России, неминуемую из-за сокращения численности молодежи. (И, добавим, предупредить их возможный отток за рубеж, т.е. очередной всплеск интеллектуальной эмиграции. – М.П.) Во-вторых, подготовить выпускников средних и высших учебных заведений со знанием русского языка, специалистов, способных работать в России». «Желающим остаться в России, – добавляет В. Гельбрас, – должны быть предоставлены соответствующие права вплоть до получения российского гражданства. Одновременно серьезной перестройке должны подвергнуться законодательство и стиль работы МИД России. Для успеха дела необходима капитальная перестройка учебных заведений» (11, с. 149). Следует отметить, что предложения В. Гельбраса основываются на анализе данных, полученных в ходе опроса китайцев в таких городах, как Москва, Иркутск, Хабаровск и Владивосток, проведенного в 2002 г. Согласно условиям опроса, треть респондентов составляли студенты из КНР, обучающиеся в указанных городах. И хотя решение связать свою судьбу с Россией обнаруживают пока что немногим более 10% опрошенных студентов, тем не менее данное направление не следует игнорировать. Иначе – как бесплатное – рассматривает обучение иностранцев в России Ж. Зайончковская. По ее мнению, «если мы хотим получить квалифицированную рабочую силу, иммигрантов надо учить здесь

(причем на полном содержании и с условием, что выпускники должны будут его отработать)» (21, с. 36).

Но особенно важно, чтобы в Россию обязательно возвращались те 18–25% российских студентов, которые обучаются за рубежом и которые изначально связывают свое будущее с Россией (35, с. 100). Именно на них должны быть в первую очередь ориентированы программы возвращения интеллектуальных ресурсов в Россию, о которых было сказано выше.

Очевидно, что сохранению и даже приумножению интеллектуального, а также демографического потенциалов способствовало бы возвращение эмигрантов. Вопреки ожиданиям, как уже отмечалось, таких людей пока немного, но они все же есть. Утверждается даже, что на родину «возвращаются и продолжают дома свои исследования многие ученые, обогащая страну получаемыми в ходе международного сотрудничества новыми разработками и свежими идеями» (20, с. 34). Более конкретны сведения о возвращении бывших репатриантов из Израиля. Сначала в 1995–1998 гг. вернулись те, кому в Израиле оказалось «мало места», их привлекал тогдашний «русский размах» деловой жизни. А в 2000–2004 гг. стали возвращаться неустраившиеся в Израиле; нередко они ехали с расчетом на новые рабочие места, созданные теми, кто был в первой реэмигрантской волне (59, с. 52). Существенным побудительным мотивом к возвращению служит продолжающийся арабо-израильский конфликт, в результате которого безопасность «в пределах государственных границ им [евреям] не гарантирована, и они, даже находясь совсем недалеко от дома, вполне могут стать жертвой боевых действий» (62, с. 203). Важной причиной к возвращению служит то, что многие русские евреи, представляющие собой отдельную субкультуру (А. Гуревич вообще рассматривает их в качестве субэтнуса русского этноса), испытывают ностальгию по реальной родине. Для них «своя родина роднее исторической» (59, с. 52).

По оценкам социального психолога Э. Фельдмана (Израиль), среди молодых русскоязычных израильтян о движении обратно в Россию думают около 29% представителей этой части населения. «По его словам, главная причина, по которой происходит их возврат в Россию, – мысль о том, что жизнь там даст им больше экономических и карьерных возможностей» (62, с. 203). Согласно данным исследования, проведенного в августе 2005 г. среди живущих в Израиле выходцев из СССР/СНГ, 19,4% опрошенных отри-

цательно ответили на вопрос о репатриации, если бы ее пришлось совершить вновь; 13,7 – положительно ответили на вопрос о возвращении, если бы им предоставили жилье, работу и социальные гарантии, а еще 8,7% не исключили такой возможности (62, с. 203).

В ситуации, когда замещающая иммиграция не оставляет широких возможностей для маневра, политика России должна строиться с учетом факторов, влияющих как на продолжение, тем более усиление эмиграции, так и на ее сдерживание и минимизацию.

Факторы сдерживания и факторы усиления эмиграции на перспективу

Обе группы факторов могут представлять собой совокупность причин как внешнего (по отношению к России), так и внутреннего характера и отличаться продолжительностью действия. В настоящее время существует немало внешних ограничителей и одновременно стимулов длительного действия, обусловленных в первую очередь иммиграционной политикой принимающих стран или же спецификой местных рынков труда. Так, практически во всех развитых странах (кроме Израиля и в определенной степени Канады) можно отметить наличие тенденции к ограничению возвращения бывших репатриантов из Израиля. По данным ЦСУ Израиля, в страны бывшего СССР уже вернулись около 70 тыс. человек, из них порядка 50 тыс. – в Россию. Можно отметить наличие тенденции к ограничению, даже недопущению въезда лиц ненужных профессий и, напротив, к поощрению въезда тех, кто нужен по своим профессиональным признакам – ученых и специалистов высшей квалификации, квалифицированных рабочих определенных профессий, которых готовы принимать вне зависимости от экономической ситуации. М. Боровик и Л. Шемберко, отмечая намерение Европейского союза внедрить иммиграционную модель, аналогичную действующей в США системе «Грин-карт», дающую право на постоянное жительство и право на работу, подчеркивают, что в случае ее внедрения в соответствии с нормами, установленными Еврокомиссией по иммиграции, фактически будет разрешаться «въезд лиц только тех профессий, которые являются дефицитными» (4, с. 15). Но даже если речь будет идти только о дефицитных профессиях, размеры спроса могут быть весьма велики. Так, на начало XXI в. дефицит ЕС только в специалистах по информационным технологиям оценивался в 1,7 млн. человек (67, с. 41).

В целом, если говорить об основных четырех категориях мигрантов – интеллектуалах, экономических мигрантах, воссоединяющихся членах семей, беженцах и нелегальных мигрантах, – можно отметить очевидное стремление поощрять въезд интеллектуалов и экономических мигрантов и одновременно ограничивать въезд мигрантов других категорий, в особенности беженцев и нелегалов.

Действенным, сдерживающим фактором на ближайшую перспективу могут стать ограничения, которые страны Западной Европы ввели на иммиграцию из стран Восточной Европы и Балтии с момента вступления последних в Европейский союз 1 мая 2004 г. В среднем ограничения могут действовать от двух (Швеция) до семи лет (Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Дания, Ирландия) и даже 11 лет (Австрия, Германия, Италия, Франция). В реальной жизни, скорее всего, эти моратории долго не просуществуют. Так, уже вскоре после принятия решения об ограничении въезда парламент Швеции стал обсуждать возможность отказа от двухлетнего плана закрытия рынка труда для граждан из вновь принятых в ЕС стран. Скорее всего потребности экономики заставят политиков повсеместно отказываться от намеченных ограничений или сокращать сроки их действия. Но для выходцев из России это в любом случае будет означать обострение конкуренции на западноевропейских рынках труда, поскольку по чисто политическим соображениям предпочтение будет отдаваться новым гражданам ЕС (49, с. 46).

Одним из способов ограничения массовой иммиграции, применяемым, в частности, в Германии, является организация для потенциальных мигрантов стажировок и курсов, позволяющих проводить среди желающих занять вакантные места своего рода «естественный отбор», сочетающий в себе проверку как профессиональных, так и адаптационных возможностей претендентов. Еще одним вариантом является финансирование создания рабочих мест в приграничных районах соседних стран, откуда могут следовать потоки мигрантов. Подобную практику можно наблюдать в Карелии, где Финляндия стремится создавать дополнительные рабочие места в лесной промышленности. Чтобы ограничить приток этнических немцев из Сибири, правительство Германии предпринимало меры к тому, чтобы те оставались на местах, опять-таки финансируя создание необходимых рабочих мест. Оно же не оставляет надежд на восстановление в России немецкой автономии, оказывая в этом отношении политическое давление на РФ. Подобный экспорт рабочих мест сокращает объемы иммиграции определенных категорий ра-

ботников и применительно к России может получить дальнейшее развитие в силу своей экономической привлекательности.

Однако исторически более распространенной формой государственного регулирования иммиграции всегда было и остается квотирование. Что касается Европейского союза, в ближайшие годы здесь не намерены вводить какие-либо общеевропейские ограничения, и каждая страна вправе сама решать, сколько и каких иммигрантов она будет ежегодно принимать (4, с. 15). В данном случае многое зависит от экономической конъюнктуры и спроса со стороны рынка труда. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на возможность жесткого использования квот, как это имеет место в Германии в отношении этнических немцев: за последние годы квота для них пересматривалась уже несколько раз в сторону сокращения. Ограничения на въезд могут вводиться и по политическим соображениям. Так, в конце 2004 г. Германия под давлением Израиля, который хотел бы направить группу иммигрантов из Украины и России к себе, на неопределенное время отложила въезд 27 тыс. евреев (53, с. 7).

Среди ограничивающих иммиграцию мероприятий с различными сроками воздействия можно отметить проведение некоторыми странами, в частности Великобританией, политики мобилизации «внутренних трудовых ресурсов» в виде повышения пенсионного возраста, а также привлечения к работе в малопrestiжных видах занятости безработных или неработающих лиц коренной национальности. По данным, приводимым Ж. Медведевым, в бюджетной сфере Великобритании выход на пенсию не в 60, а в 65 лет уже давно практикуется среди научных работников и профессоров университетов, что снижает потребность в привлечении кадров высшей квалификации в сферу образования из-за рубежа. При наличии желания профессора американских университетов могут продолжать работать после наступления пенсионного возраста до тех пор, пока позволяет здоровье, что дает аналогичный эффект (39, с. 187).

Среди прочих ограничений на пути интеллектуальной и другой трудовой миграции можно также назвать: лимитированное количество бессрочных контрактов, на которые могут рассчитывать иностранные ученые и специалисты даже высокого уровня и трудности с их получением; распространенную в ряде стран дискриминацию по национальному признаку, лишаящую иммигрантов шансов занять хорошее место; очевидное недовольство коренного населения наплывом африканцев, афроазиатов и восточноевропейцев, заставляющее запад-

ных политиков считается с возможным поправлением электората и систематически ужесточать условия приема иммигрантов.

Если обратиться к внутренним ограничителям, главным из них следует признать несоответствие уровня квалификации многих категорий потенциальных мигрантов из России западным профессиональным стандартам. В числе профессий, представители которых могут безболезненно пробиться на Запад, называются такие, как космическая и лазерная техника, кристаллография, биология, физика низких температур, математика, компьютерная технология и программное обеспечение ЭВМ (68, с. 28). В работе О. Жареновой и ее коллег этот список расширяется за счет генетиков, химиков, врачей, а также, но в очень ограниченной мере, филологов, философов, юристов и социологов. Практически не пользуются спросом отечественные экономисты, что по-своему символично (20, с. 24). Зная об этом списке, можно всерьез задуматься о целесообразности подвергать себя многообразным рискам.

Другим существенным ограничителем возможностей выезда за рубеж является незнание или слабое знание иностранного, в первую очередь английского, языка, что делает российских ученых неконкурентоспособными, особенно в области университетского образования. Наконец, имеет место совокупность факторов социального и психологического характера, включая опасения по поводу сложности чисто технических и процедурных вопросов выезда за рубеж, способность прижиться за рубежом, нехватка денежных средств на переезд, просто семейные обстоятельства, опасения ксенофобии (20, с. 24–27).

Если перейти к факторам, способствующим усилению эмиграции, следует отметить, что, несмотря на стремление и в ряде случаев на необходимость ограничения иммиграции, очевидно, что для развитых стран Запада все более предпочтительной, даже вынужденной, становится не политика усиления мер по ограничению иммиграции, а политика выработки гибких стратегий управления миграционными процессами (4, с. 15). Причина для подобного шага заключается в том, что начиная с 2006 г. данная группа стран вступит в продолжительный, длящийся примерно 15 лет период массового достижения пенсионного возраста когортами родившихся во время послевоенного компенсационного бума рождаемости 1945–1960 гг. Масштабы этого явления таковы, что возместить предстоящее сокращение численности трудоспособного населения без импорта трудовых ресурсов и населения практически невозможно. В 2001 г. доля пенсионеров в составе населения Велико-

британии равнялась 20,9%, Франции – 21,3, Германии – 22,9, Италии 23,9%, тогда как в 2000 г. в той же Великобритании число 35–39-летних составило 4,8 млн. человек, а 20–24-летних – 3,5 млн. человек или на 1,3 млн. человек меньше. В Германии разница между поколениями тех же возрастов достигала 2,9 млн. человек (39, с. 183, 188). Предстоящий рост численности пенсионеров еще более драматизирует ситуацию. Согласно прогнозам (до 2050 г.), в этой четверке крупнейших западноевропейских стран порог 80-летия перешагнут свыше 10% от общей численности населения. Число же тех, кто будет содержать пенсионеров, сократится с нынешних четырех-пяти человек до двух в расчете на одного пенсионера (50, с. 100; 77, с. 30).

Чтобы избежать ситуации, грозящей катастрофическим падением уровня жизни и тех и других, и сохранить существующее соотношение между экономически активной и неактивной частями населения, только в страны ЕС нужно будет ежегодно ввозить около 12,7 млн. иностранцев (77, с. 31). Цифра немыслимая, но вместе с тем означающая, что, стремясь предельно ограничить приток беженцев и нелегалов, развитые страны Запада будут одновременно всячески форсировать приток легальных иммигрантов. За их счет будет идти не только пополнение рядов интеллектуалов и высококвалифицированных рабочих, но и работников таких массовых, но непопулярных и низкооплачиваемых профессий, как медицинские сестры и санитары, школьные учителя, работники коммунальных служб, горничные в отелях, официанты, сельскохозяйственные и строительные рабочие и многие другие (39, с. 189).

В миграционной политике развитых стран вполне возможен и, скорее всего, неизбежен еще один чрезвычайно важный поворот. Дело в том, что появляется все больше свидетельств серьезности намерений европейцев попытаться с помощью либо политики предпочтений, либо квотирования изменить в свою пользу неблагоприятно складывающееся соотношение между коренными европейцами и выходцами из мусульманских стран. В научный оборот уже вводится информация о том, что с учетом исламского фактора в Западной Европе готовы пойти на такое изменение миграционного вектора, когда иммигранты станут поступать туда не из Северной Африки и Ближнего Востока, а преимущественно из стран Восточной Европы и Латинской Америки (41, с. 43). О том, что подобная политика уже претворяется в жизнь, свидетельствует Ж. Медведев, утверждая, что в Великобританию, например, «широко осуществляется иммиграция молодых, квалифици-

рованных и высокообразованных рабочих, но уже не из Азии и Африки, как ранее, а из районов Восточной Европы. Иммигранты, принадлежащие к другим расам и исповедующие другие религии, как показали опыт, плохо ассимилировались в европейскую цивилизацию» (39, с. 179). Он же отмечает, что, хотя точные цифры славянской иммиграции последних лет в ЕС, а также США пока отсутствуют, тем не менее «формирование русской диаспоры в Западной Европе достаточно заметно. Первыми стали прибывать относительно состоятельные «новые русские» и научные работники, не нашедшие себе применения на родине. Затем, уже по иммиграционной вербовке, пошли программисты, служащие банков и экспортно-импортных компаний, работники представительств российских нефтяных компаний» (21, с. 34; 39, с. 189–190). В связи с усилением миграции из Восточной Европы возникли специализированные юридические агентства, ведущие там, в том числе в России, организованную вербовку работников нужных профессий. Эти агентства можно отнести к числу институциональных факторов будущей масштабной эмиграции.

Рассмотренные изменения в миграционной политике западных стран, ведущие к возникновению очередного всплеска, возможно, уже не четвертой, а пятой волны эмиграции, могут иметь для России самые неблагоприятные и тяжелые последствия, особенно в связи с тем, что в ближайшие годы Россию также ожидает нарастающий дефицит трудовых ресурсов. «Можно с уверенностью сказать, – пишет Ж. Зайончковская, – что самым дефицитным ресурсом страны в ближайшей перспективе будет труд. Не нефть, не газ, не деньги, а труд, особенно квалифицированный» (21, с. 34). Чтобы упредить развитие событий в направлении дальнейшего усиления эмиграции, необходимо предпринимать самые энергичные превентивные меры в виде существенного повышения уровня заработной платы, а также общих доходов работников, в первую очередь тех профессий, которые в настоящее время представляют наибольший интерес для иностранных вербовщиков. Подобная гибкая политика сдерживания эмиграции наряду с постоянным мониторингом изменения спроса на рынках труда хотя бы ведущих развитых стран должна стать составной частью общей миграционной политики государства. Одновременно должны всячески поощряться усилия тех предпринимателей, кто создает, в отличие от сырьевиков, массовые рабочие места для коренного населения. Необходимо последовательное и значительное сокращение безработицы.

Заключение

Рассмотренные в обзоре оценки и суждения отечественных и зарубежных авторов, в той или иной степени затрагивающие вопросы эмиграции и связанные с нею проблемы, свидетельствуют о том, что в целом интерес к данному кругу проблем неуклонно растет. Их восприятие становится более углубленным и реалистичным. Более того, многое из происходящего начинает восприниматься не как некий политизированный «алармизм» начального периода реформ, но как реальная действительность, связанная с той ролью, которая отведена России в международном разделении труда и в мировых миграционных потоках. Идет очевидный процесс накопления знаний, в научный оборот вовлекаются все новые эмпирические данные.

Среди основных достижений рассматриваемого периода можно отметить: сложившееся понимание наличия множественности форм безвозвратной миграции, не ограничивающееся отныне одним только традиционным выездом за рубеж на ПМЖ, что обобщено Юдиной (81, с. 229–231); осознание факта значительной недооценки масштабов эмиграции в официальной статистике (33, с. 23–27; 78, с. 176–190), равно как и понимание того факта, что «наведение порядка в статистическом учете» является одной из приоритетных задач нашего времени (60, с. 66); констатацию факта омоложения эмиграции (по крайней мере, интеллектуальной эмиграции), что самым серьезным образом подрывает отечественную науку и поднимает данную проблему до уровня проблемы национальной безопасности (32, с. 66–76; 33, с. 23–27; 34, с. 54–57); осознание факта, что под видом трудовой миграции, туристических и деловых поездок в действительности происходит бизнес-эмиграция, с которой связан не только отток капиталов и их владельцев, но и части интеллектуалов, занимающихся обслуживанием финансовых потоков. Пока что данное направление эмиграции освещается преимущественно средствами массовой информации, но понимание сущности процесса имеет место и в научной среде (25, с. 322; 42, с. 111). Отмечается, что возможность эмигрировать по категории инвесторов, приобретая в зарубежных странах бизнес и недвижимость, стала очевидной реальностью. В частности, в условиях отсутствия официальной статистики, но на основании данных посреднических фирм, делается вывод, что в современной, преимущественно русской эмиграции на долю бизнес-эмиграции

приходится не менее половины эмигрантов (27, с. 67). Приходит осознание факта наличия в составе трудовой миграции значительной специфической женской эмиграции, которая может быть лишь формально отнесена к трудовой. Какой бы характер данный вид эмиграции – вынужденный, принудительный или же добровольный – ни носил, вовлечение массы женщин в секс-услуги за рубежом означает, по сути дела, почти гарантированную утрату заметной части генофонда, поскольку речь в данном случае идет о наиболее молодых и репродуктивных женских возрастах (58, с. 29; 61, с. 70–79; 65, с. 45, 197–198).

В целом, если сравнить нынешнюю ситуацию с ее изученностью на момент написания известной монографии Е. Красинца (30, с. 19), можно отметить, как очевидный позитивный сдвиг тот факт, что восприятие эмиграции как социально-экономического, политического и демографического явления стало более однородным и концентрированным, чем то ее фрагментарное восприятие, о котором писал упомянутый автор: «Немногочисленные и фрагментарные исследования пока не сформировались в самостоятельное направление отечественной науки со своим специфическим объектом и методами изучения» (30, с. 5). Несмотря на ограниченность и неполноту официальной статистики, можно говорить об успешной работе уже нескольких научных школ (81, с. 164–170). Не отдавая никому предпочтения в плане продвинутости и обоснованности проводимых исследований и делаемых из них выводов, следует отметить, что все эти школы пока не выделяют эмиграцию в отдельную отрасль знаний, хотя в условиях острого демографического кризиса и депопуляции это следовало бы сделать ради получения более точных ориентиров при прогнозировании численности населения РФ на перспективу.

Возможно, что в данном случае сказывается определенное недопонимание, вернее, еще не пришедшее осознание того факта, что возможные колебания эмиграционного потока, порождающие надежду, что когда-нибудь эмиграция либо полностью прекратится, либо будет играть крайне незначительную роль, в действительности лишь маскирует собой определенную константу, определенный размер эмиграции, который невозможно отменить и который как бы предписан России, с тех пор как она попала в сферу влияния *Raх Americana*, в котором в обмен на допуск в «свободный рынок» ей приходится платить (аналогично тому, как это делают и Германия, и Великобритания, и Франция, и другие развитые страны в

обмен на защиту от «международного терроризма») определенную дань «серым веществом». Тем самым США стремятся обеспечить себе интеллектуальное превосходство в современном мире информационных и иных высоких технологий. Размер этой дани станет тем меньше, чем скорее Россия за счет развития этих самых технологий, а не только с помощью одной лишь «трубы», в которую в конце концов можно благополучно вылететь, сможет укрепить свои позиции в мировой экономике.

По оценке ректора МГУ В. Садовниченко, за 90-е годы Россия уже утратила треть своего интеллектуального потенциала (20, с. 53). «Если оценить “плюсы” и “минусы” интеллектуальной эмиграции из России, – констатирует В. Супян, – то, по нашему мнению, на нынешнем этапе негативные ее последствия явно преобладают над возможными положительными эффектами» (68, с. 29). Простая экстраполяция упомянутой выше оценки потерь интеллектуального потенциала означала бы, что при прочих равных условиях уже к 2020 г. Россия может превратиться в страну с преимущественно малообразованным населением, неконкурентоспособную и обреченную на зависимое экономическое и политическое развитие. Но даже если положение будет каким-то образом исправлено, все равно ситуация, в какой сейчас оказалась Россия, предполагает максимальное сокращение утечки высококвалифицированных кадров, поскольку эмиграция означает прощание с надеждами на превращение страны в процветающее государство.

Список литературы

1. Бейлз К. Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. – М., 2006. – 304 с.
2. Борисов С. Раньше малому бизнесу нужна была поддержка, теперь – опора // Человек и труд. – М., 2003. – № 7. – С. 4–9.
3. Боровик М., Шемберко Л. Европейский вектор современной российской эмиграции: Проблемы безопасности // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М., 2005. – Вып. 15. – С. 15–20.
4. Боровик М., Шемберко Л. Стратегии формирования иммиграционной политики ЕС // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М., 2006. – Вып. 5 (21). – С. 12–15.
5. Бутов В. Демография: Учеб. пособие. – М.; Ростов н/Д, 2003. – 592 с.
6. Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. – М., 2005. – 151 с.

7. Владимирова М. Иммиграция и многокультурность канадского общества // США и Канада. Политика. Культура. Экономика – М., 2006. – № 5. – С. 88–100.
8. Водопьянова Е. Европа и Россия на карте мировой науки. – М., 2002. – 221 с.
9. Воробьева О. Миграционная политика и права человека // Народонаселение. – М., 2004. – № 3. – С. 116–123.
10. Гельбрас В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. – М., 2004. – № 4. – С. 105–116.
11. Гельбрас В. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М., 2004. – 203 с.
12. Глазьев С. Выбор будущего. – М., 2005. – 352 с.
13. Громов А. Миграционная политика в современной России: Опыт и перспективы. – М., 2004. – 24 с.
14. Гулютин А., Аркан Ж. Как вкладывают деньги за рубеж // Аргументы и время. – М., 2006. – 20 июля. – С. 7.
15. Гуревич А. Мотивация эмиграции. – СПб., 2005. – 272 с.
16. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. Вишневского А.Г. – М., 2006. – 608 с.
17. Демографический ежегодник России, 2005; Стат.сб. / Росстат. – М., 2005. – 595 с.
- 17а. Докучаев Д. Беги, рубль, беги // Московские новости. – М., 2004. – 8–14 окт. – № 38. – С. 11.
18. Докучаев Д. Капиталы ищут вход // Московские новости. – М., 2006. – 9–15 июня. – № 21. – С. 17.
19. Дубсон Б. Богатство и бедность в Израиле. Израильское общество в XXI веке. – М., 2004. – 368 с.
20. Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. – М., 2002. – 128 с.
21. Зайончковская Ж. Миграционная ситуация в современной России // Человек и труд. – М., 2005. – № 6. – С. 31–37.
22. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Pro et contra. – М., 2005. – № 3. – С. 72–87.
23. Иваницкий А. Диаспора беспокойная и неисчислимая // Газета. – М., 2006. – 28 авг. – С. 6–7.
24. Ионцев В. Международная миграция в России: 10 лет после Каира // Народонаселение. – М., 2004. – № 3. – С. 97–105.
25. Ионцев В. Экономические и демографические аспекты «внешней» миграции населения в России / Эмиграция и репатриация в России: Гл. ред. и сост. Бондарев А.А. – М., 2001. – С. 293–391.
26. Ионцев В., Ивахнюк И. Международная миграция населения в России на рубеже XX–XXI веков // Международная экономика. – М., 2005. – № 1. – С. 47–62.
27. Ионцев В., Ивахнюк И. Международная миграция населения в России на рубеже XX–XXI веков // Международная экономика. – М., 2005. – № 2. – С. 63–80.

28. Кива А. Научимся ли мы жить своим умом? // Россия. – М., 2006. – 2–8 нояб. – С. 4.
29. Кравченко И. Последние из высочан // Аргументы недели. – М., 2006. – 14 сент. – С. 5.
30. Красинец Е. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. – М., 1997. – 192 с.
31. Лебедева Н. Русская эмиграция в зеркале психологии. Эмиграция и репатриация в России / Гл. ред. и сост. Бондарев А.А. – М., 2001. – С. 103–224.
32. Леденева Л. Кадровый потенциал российской науки. Судьбы и перспективы // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 10. – С. 66–76.
33. Леденева Л., Некипелова Е. Миграция выпускников вузов за рубеж – потеря для российской науки // Человек и труд. – М., 2003. – № 5. – С. 23–27.
34. Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: Их профессионально-миграционные стратегии // Человек и труд. – М., 2003. – № 4. – С. 54–57.
35. Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: Перспективы возвращения в Россию. – М., 2002. – 140 с.
36. Малеева Т. Мигранты в законе // Московские новости. – М., 2006. – 9–15 июня. – № 21. – С. 16.
37. Маркиш Д. Левантийцы или европейцы? // Еврейское слово. – М., 2006. – 30 авг. – 5 сент. – С. 5.
38. Маховская О. Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж: (Психологическое эссе). – М., 2003. – 144 с.
39. Медведев Ж. Долгожительство и рыночная экономика // ЭКО. Всеросс. экон. журнал. – Новосибирск, 2005. – № 3. – С. 178–190.
40. Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. – М., 2005. – 351 с.
41. Назарова Е. Миграционная политика требует коренного пересмотра // Российская Федерация сегодня. – М., 2006. – № 4. – С. 43.
42. Население России, 1998. Шестой ежегодный демографический доклад / Под ред. Вишневого А.Г. – М., 1999. – 144 с.
43. Наумова Т. Научная эмиграция из России // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 3. – С. 120–130.
44. Научные организации вне закона // Научное сообщество. – М., 2005. – № 3. – С. 6–9.
45. Нитобург Э. Евреи в Америке на исходе XX века. – М., 1996. – 128 с.
46. Огнева Е. Дипломаты шиковали на деньги российских туристов // Газета. – М., 2006. – 18–20 авг. – С. 16.
47. Орешкин В. Россия и международная миграция трудовых ресурсов // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 3. – С. 74–80.
48. Отчет о выполнении положений Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: Российская Федерация / НПО «Центральноевроп. и евроазиат. законодат. инициатива» (CEELI). – М., 2006. – 184 с.

49. Пальников М. Российская эмиграция в Европу: Оценки и перспективы // Россия и современный мир. – М., 2006. – № 4. – С. 28–50.
50. Пальников М. Новое переселение народов: Фатальный вызов? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 7. – С. 97–108.
51. Паникин А. Человек и государство. – М., 1999. – 80 с.
52. Петраков М. Лихорадка приобретения // Газета. – М., 2006. – 3 авг. – С. 15.
53. Полян П. Конец одной эмиграции. Или двух? // Еврейское слово. – М., 2005. – 12–18 янв. – С. 6–7.
54. Получить диплом – и... в Париж // Литературная газета. – М., 2006. – 24–30 мая. – № 20. – С. 4.
55. Почему в Египте появляются русские жены // Русский Newsweek. – М., 2006. – 22–28 мая. – № 19. – С. 68–69.
56. Прусс И. Мозги утекают навсегда. Можно ли повернуть вспять поток интеллектуальной эмиграции? // Наше время. – М., 2006. – 13–19 дек. – С. 16–17.
57. Регент Т., Архипов Ю. Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 4: Система иммиграционного контроля. – 160 с.
58. Рыбаковский Л., Рязанцев С. Международная миграция в Российской Федерации: Научный доклад. – М., 2005. – 53 с.
59. Рыклина В. Россия обетованная // Русский Newsweek. – М., 2005. – 21–27 февр. – С. 50–52.
60. Рязанцев С. Трудовая миграция в СНГ: Тенденции и проблемы регулирования // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2005. – № 11. – С. 65–69.
61. Рязанцев С., Ткаченко М. Актуальные проблемы международной трудовой миграции женщин из России // Международная экономика. – М., 2005. – № 3. – С. 70–79.
62. Саноян Д., Эпштейн А. Новые «постсионистские» диаспоры: Израильяне в зарубежных странах // Диаспоры. – М., 2006. – № 1. – С. 200–223.
63. Социально-экономические проблемы миграции в современной России: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН; Отв. ред. и сост. Былов В.Г. – М., 2003. – 160 с.
64. Statistical abstract of the United States: 2004–2005 / U.S. Census bureau. – Wash. D.C., 2004. – 1006 с.
65. Стратегия демографического развития России / РАН. Ин-т социал.-полит. исследований; Под ред.: Кузнецова В.Н., Рыбаковского Л.Л. – М., 2005. – 206 с.
66. Стрельцова Я. Миграционные процессы в России (конец 1990-х годов) // Россия и современный мир. – М., 2001. – № 4. – С. 160–169.
67. Супян В. «Утечка умов»: Мировые и российские тенденции // Человек и труд. – М., 2003. – № 7. – С. 40–43.
68. Супян В. «Утечка умов»: Мировые и российские тенденции // Человек и труд. – М., 2003. – № 8. – С. 27–29.

69. Супян В. Иммиграция и экономика // США и Канада. Политика. Культура. Экономика. – М., 2006. – № 5. – С. 3–14.
- 69а. Топихин А., Малаха И. Миграция высококвалифицированных кадров // Народно-население. – М., 2002. – № 2. – С. 62–76.
70. Трухина Я. Португалия – новое направление трудовой миграции россиян // Человек и труд. – М., 2003. – № 10. – С. 20–22.
71. Трухина Я. Потенциал трудовой миграции из России в страны Южной Европы // Человек и труд. – М., 2004. – № 8. – С. 24–26.
72. Тюрюканова Е. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. – М., 2005. – № 1. – С. 48–64.
73. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: Вызовы и ответы: Сб. материалов. – М., 2005. – 240 с.
74. Федоров В. Россия: Внутренние и внешние опасности. – М., 2005. – 382 с.
75. Федоров Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество. – М., 1998. – 106 с.
76. Федорченко А. Экономика переселенческого общества: (Израильская модель). – М., 1998. – 372 с.
77. Цапенко И. Роль иммиграции в экономике развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 5. – С. 27–39.
- 77а. Черкасов А. Как и о чем говорят в Канаде (рецензия) // США и Канада. Политика. Культура. Экономика. – М., 2006. – № 1. – С. 120–122.
78. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. – М., 2004. – № 4. – С. 176–190.
79. Чудиновских О., Денисенко М., Донец Е. Миграционные намерения выпускников высших учебных заведений. – М., 2003. – 116 с.
80. Шкаровская В. Сколько получает инженер? Аргументы и факты. – М., 2002. – № 23. – С. 9.
81. Юдина Т. Социология миграции. Учеб. пособие для вузов. – М., 2006. – 272 с.

НАЗРУЛЛАЕВА Е.Ю.
МИГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ МЕЖДУ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ЧАСТНЫМ СЕКТОРАМИ
ЭКОНОМИКИ / Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. Науч.-учеб.
лаб. «Институцион. анализ экон. реформ». – М., 2005. – 23 с. –
(Препр. WP10/2005/04; Сер. WP10: Науч. докл. лаб. институци-
он. анализа). – Библиогр.: с.20.

Статья сотрудника лаборатории институционального анализа ГУ–ВШЭ посвящена перемещению рабочей силы между государственным и частным секторами в национальной экономике. Работа состоит из введения, трех разделов и заключения. В первом разделе дается обзор литературы, посвященной особенностям функционирования государственного сектора. Объектами анализа являются мультизадачность, отсутствие базы для сравнений, неоднородность предпочтений собственников и процесс размывания собственности. Во втором разделе анализируются устойчивые модели миграции рабочей силы между секторами экономики, в том числе стационарная и социальная модели бюрократии. Третий раздел посвящен российской модели карьерного роста.

Целью исследования, по определению автора, является выявление устойчивых моделей миграции рабочей силы, которые уже существуют на практике. Анализ выбора потенциальным работником сферы занятости тесно увязан с действующей в экономике страны системой устойчивых институтов, которые могли как способствовать миграции кадров между секторами экономики, так и препятствовать ей. Автором в качестве задач исследования определен следующий набор составляющих моделей бюрократии, сложившихся в странах разного уровня развития: входные барьеры; необходимость специфических инвестиций; механизм стимулирования; цели занятости; степень лояльности и готовность уйти из организации (с. 5).

Как отмечает автор во введении, для определения факторов и причин выбора сферы занятости важен анализ миграции рабочей силы между государственным и частным секторами национальной экономики. По мнению автора, в настоящее время большинство россиян предпочитают работать в сфере бизнеса (с. 3). Государственный сектор в связи с этим испытывает острую нехватку квалифицированных кадров. Непопулярность работы в госсекторе во многом объясняется отсутствием эффективных финансовых стимулов и недостаточной прозрачностью критериев для карьерного роста. Это, считает автор, ведет к распространению среди индивидов предпочтений занятости в частном секторе, что, в свою очередь, вынуждает разрабатывать систему стимулов, нефинансовой мотивации для привлечения талантливых людей в государственный сектор. Отмечаемый в государственном секторе дефицит кадров является важным элементом проведенного автором анализа. По мнению автора, необходимо разработать систему неформальных стимулов для обеспечения должного уровня мотивации для долгосрочной занятости, что создаст условия, препятствующие оттоку работников в частный сектор. Поэтому при анализе системы мотиваций для работы в госсекторе необходимо учитывать взаимосвязи, существующие между секторами.

По мнению автора, система стимулов, характерная для частного сектора, во многом определяет перспективы развития государственного сектора экономики. Среди факторов, определяющих предпочтение работников трудиться в сфере бизнеса, а не в государственных учреждениях, можно выделить ряд очевидных стимулов. Значительно сложнее определить критерии, какими руководствуются сотрудники, которые сознательно предпочли работу в государственном секторе как стремление получать более высокую зарплату и наличие более широкого спектра занятости, что может позволить более полно реализовать возможности и предпочтения работников.

При абстрагировании от проблем, характерных для деятельности российского госсектора, можно, по мнению автора, выделить следующие мотивации: стабильность рабочего места (занятость в государственном секторе предпочитают люди с высокой степенью неприятия риска); приобретение специфических знаний и навыков, сильной позиции на переговорах при оформлении на работу (претендент на рабочее место стремится создать себе репутацию обладателя высокого уровня квалификации); возможность последующего трудоустройства в частном секторе на высокооплачиваемых рабочих местах.

Анализ системы мотивации в государственном секторе, отмечает автор, невозможен без учета его основных особенностей: сложность иерархической структуры, наличие множества начальников для каждого определенного сотрудника и которым он подотчетен, необходимость одновременного выполнения нескольких функций. Это накладывает свой отпечаток на деятельность в госсекторе и во многом препятствует разработке эффективной системы стимулов и учету этой системы при подписании трудового договора.

Наличие у госсектора ряда существенных особенностей не позволяет использовать их для решения проблем частного сектора, выработки теоретического инструментария без корректировки с учетом специфики государственного сектора. При принятии работником решения относительно будущей сферы деятельности следует тщательно изучить мотивацию деятельности в государственном секторе. В большинстве случаев в качестве формальных явных стимулов следует считать размер предстоящей зарплаты и разного рода бонусов, в качестве неявных стимулов – возможность продвижения по службе, карьерный рост, а также возможность использовать разного рода деятельность в госсекторе в качестве ступеньки при последующем уходе на работу в частный сектор. Как считает автор, именно возможности карьерного роста во многом определяют систему стимулов в госсекторе в условиях, когда финансовые стимулы в государственном секторе оказываются явно неэффективными, особенно в сравнении с частным сектором.

Основным критерием, определяющим направление миграции рабочей силы, являются карьерные устремления чиновников. Их мотивация во многом зависит от того, как они оценивают перспективы работы в разных организациях. Частный сектор играет в этом случае определенную роль: возможность перехода в частный сектор отрицательно сказывается на карьерных устремлениях чиновников и на качестве выполняемых ими функций. Если чиновник ориентирует себя на переход в частный сектор, эффективность его работы в государственном секторе сокращается.

В первом разделе рассматриваются основные отличительные особенности государственного сектора. Особое внимание автор обращает на сложности, возникающие при попытке перенести инструментарий анализа, разработанный для частного сектора, непосредственно на анализ государственного сектора.

Автор поставил задачей выяснить, почему работа в государственном секторе является малопривлекательной для большей час-

ти работников. Недостатки занятости в госсекторе тесным образом связаны с его основными отличиями от частного. Именно особенности организации госсектора обуславливают сложность формального учета в контрактах тех финансовых и нефинансовых мотиваций, которые используются в частном секторе.

Как считает автор, существуют четыре существенные особенности, которые затрудняют разработку эффективной системы мотиваций: мультизадачность, отсутствие базы сравнений, неоднородность предпочтений собственников и размывание собственности. Мультизадачность проявляется в том, что государственные организации, как правило, ставят перед собой одновременно несколько разноплановых целей, практически не поддающихся какой-либо количественной оценке. Мультизадачность не должна препятствовать созданию эффективной системы стимулов, а мотивационная система должна строиться на комбинации механизмов по разным направлениям деятельности. В то же время формулировка целей и задач весьма расплывчата и не позволяет произвести количественную оценку. Весьма сложно установить взаимосвязь между усилиями чиновников и результатами их деятельности.

В государственном секторе весьма сложно оценить риски – идиосинкратический (риск, с которым сталкивается данный конкретный менеджер) и агрегированный (риск, с которым сталкивается любой менеджер в схожих обстоятельствах). Монопольное положение отдельных государственных ведомств не позволяет сравнивать результаты их работы. Отсутствие конкуренции отрицательно сказывается на стимулах, поскольку работники не мотивированы полностью раскрывать свой потенциал. Это не позволяет сравнивать результаты деятельности ведомств в целом внутри страны – речь может идти только о межстрановых сравнениях.

Во втором разделе дается обзор существующих в настоящее время устойчивых моделей миграции кадров между государственным и частным секторами экономики. Автор выделяет две модели бюрократии, существующие на сегодняшний день: бюрократия как профессиональный класс (стационарная модель карьерного роста) и государственные служащие как «выходцы» из частного сектора (социальная модель карьерного роста). Эти модели тесным образом связаны с определенными «путями» карьерного роста – для каждой из них характерны свои стимулы с определенными «путями» карьерного роста – для любой из них характерны свои стимулы для продвижения по служебной лестнице и планирования занятости в

зависимости от того, какую должность в настоящее время занимает чиновник и какой он видит собственную карьеру. Приводится сопоставление возможных путей карьерного роста чиновников, характерных для каждой из моделей.

Первый путь представляет собой стационарный карьерный рост: чиновниками становятся индивиды, относящиеся к определенному классу в обществе. Они являются высококвалифицированными специалистами: в процессе выбора и подготовки к карьере они получают специальное высшее образование, а после окончания вуза выпускники устраиваются на работу в государственный сектор. Зачисление на работу осуществляется по результатам тестирования. Неформальные отношения при устройстве на работу заменяются объективными критериями. Поскольку карьера чиновника является непосредственной целью для индивида, его занятость носит долгосрочный характер.

Второй путь является моделью социального карьерного роста: путь в чиновники лежит через частный сектор – после того как чиновник сделает карьеру в частном секторе, он переходит в государственный сектор. Однако занятость в последнем носит краткосрочный характер, а прием на работу осуществляется на основе разветвленной структуры сетевых отношений.

Как отмечает автор, определяющее воздействие на принятие решения о выборе сферы занятости оказывает институт образования: существующая система институтов образования тяготеет к статическому пути развития, если госсектор принимает на работу только выпускников определенных вузов при ограниченном числе подобных вузов. Это обеспечивает высокую степень однородности бюрократического аппарата.

Далее автор анализирует особенности стационарной (СтМ) и социальной (СМ) моделей бюрократии. При анализе первой особое внимание обращено на входные барьеры и роль специфических инвестиций. СтМ связана с наличием входных барьеров при переходе из частного в государственный сектор и с особой ролью института образования. Решение о выборе карьеры и сферы занятости принимается на начальном этапе жизненного пути. На этом этапе осуществляются инвестиции в специфические активы – человеческий капитал (в получение образования в немногочисленных вузах, готовящих кадры для государственного сектора). Автор отмечает наличие в большинстве ПРС специальных вузов, готовящих кадры для государственного сектора (Национальная школа администра-

ции во Франции, Токийский университет в Японии, Национальный автономный университет в Мексике, Федеральный университет Рио-де-Жанейро в Бразилии и т.п.). В Японии, Франции отмечается высокая концентрация чиновников – выпускников одного вуза. Решение стать чиновником госсектора принимается в указанных странах на раннем этапе жизненного пути. Поступление в эти вузы требует больших инвестиций в человеческий капитал, а потому позволить эту роскошь могут не все – чаще всего имеющие родителей с подобным образованием.

Трудности вхождения в ряды бюрократической элиты создают собой критерий отсева на начальном этапе подобного образования и начала карьеры. Доступ на работу в госсектор имеет ограниченное число индивидов. Фактически огромную роль играют чисто формальные факторы и стимулы.

Целью занятости в СтМ является стремление попасть в высшие эшелоны бюрократии, отличающиеся высокими критериями отбора. Однако попадание в этот слой создает множество привилегий, поскольку, попав в этот слой, чиновники подтверждают свою высокую репутацию, обладают множеством полезных навыков, как свидетельство прохождения строгих тестов и инвестирования человеческого капитала в получение специального элитного образования. Причем для достижения карьерного роста выпускники должны войти в государственный сектор сразу после окончания вуза. Более позднее вхождение сводит надежды на карьеру практически к нулю (особенно это характерно для Японии). Переход из частного в государственный сектор существенно ограничен, а возможности добиться успехов в сфере бизнеса ниже по сравнению с теми, кто изначально предпочел работу в госсекторе. Карьерный рост в СтМ представляет довольно длительный процесс, когда чиновник достигает вершины своего роста только в пожилом возрасте, на завершающем этапе карьеры.

При СтМ чиновники госсектора трудятся практически всю жизнь в рамках одного ведомства, а переход возможен только в пределах ведомства – из отдела в отдел. Миграция чиновников в частный сектор мало распространена, будучи ограничена специфическими инвестициями. Переход в частный сектор возможен чаще всего после выхода на пенсию, а подготовка к этому шагу ведется постепенно. Чиновники, как правило, переходят в те частные компании, с которыми сотрудничали в период работы в госсекторе.

Анализ СМ бюрократии построен по тому же принципу: рассматриваются входные барьеры и роль специфических инвестиций, механизмы стимулирования, цели занятости, степень лояльности и готовность уйти из организации.

Третий раздел посвящен вопросам миграции кадров в современном российском госсекторе. В нем также рассматриваются стимулы для миграции рабочей силы из государственного в частный сектор. Автор стремится в данном разделе также определить, какими чертами из анализируемых ранее моделей бюрократии в ПРС и РС обладает бюрократический аппарат в России.

По мнению автора, для структуры российской бюрократии характерны черты как статической, так и социальной модели (с.14). Она рассматривает далее входные барьеры и роль специфических инвестиций. По ее мнению, указанные барьеры для вступления в российскую бюрократию практически отсутствуют, в том числе институт специального высшего образования, необходимого для получения работы в качестве государственного служащего (ГС). Критерием для приема на работы типа существующего во Франции и Японии становятся не формализованные процедуры, а цепочка личных связей, рекомендаций и знакомств. Используются при этом формализованные процедуры (собеседование, тестирование, экзамены), которые приобретают характер обыкновенной формальности, поскольку проходящий эти формальности кандидат на должность уверен, что эта должность ему уже обеспечена. По мнению автора, это связано с тем, что при устройстве на работу в качестве чиновника низшего ранга соискатель практически не сталкивается с конкуренцией в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы.

Использование неформальных связей при приеме на работу призвано частично решить проблему информационной асимметрии за счет снижения транзакционных издержек найма. Указанные неформальные связи проявляются в двух формах – как личные рекомендации и личные знакомства. Первый способ трудоустройства преобладает на уровне федеральных ведомств, второй – на уровне региональных и городских. Эти различия объясняются тем, что в федеральных ведомствах не всегда возможно исходить из наличия личных контактов, что вынуждает использовать опосредствованные неформальные связи. Эта процедура приспособлена к заполнению вакансий работниками, лояльными начальству (с. 15).

Далее автор рассматривает механизмы стимулирования и цели занятости. Перспективы занятости чиновников тесным образом взаи-

моувязаны с прогнозом их карьерного роста внутри ведомства: в зависимости от силы стимулов для карьерного роста чиновник принимает решение о продолжении работы или смене места работы. В большинстве случаев чиновники обладают специфическими навыками и заинтересованы в долгосрочной занятости в своем ведомстве, определяющую роль в их мотивации начинает играть карьерный рост.

Как отмечает автор, особенностью карьерного роста в российском государственном секторе является возможность продвижения кадров только с низших ступеней иерархии, а вход в иерархию с более высоких ступеней (должностей) практически невозможен. В то же время продвижения по службе по иерархической лестнице из категории чиновников низшего ранга в категорию высшего ранга почти не происходит, поскольку чиновники цепко держатся за свои, более высокооплачиваемые места и не допускают, за редким исключением, мобильности кадров в своем ведомстве. Новые кадры в ведомствах первоначально испытывают оптимизм в отношении своего продвижения по службе, но очень скоро осознают, что их перспективы продвижения по службе ограничены одним-двумя шагами, т.е. «потолок» роста очень низок. Всякое нарушение системы карьерного роста дестимулирует чиновника, лишая его надежды на карьерный рост. Отсутствие практически всяких возможностей для молодых чиновников ведет к тому, что молодые чиновники скоро начинают искать альтернативные формы занятости, часто уже в рамках частного сектора.

С точки зрения механизмов стимулирования, считает автор, структура бюрократии делится на два уровня: низший уровень иерархии (с преобладанием черты социальной модели) и высший уровень (образуемый бюрократической элитой с характеристиками стационарной модели) (с. 16). Согласно проведенному опросу, в современной России основными факторами карьерного роста стали деловые качества чиновников и соответствие их навыков и уровня квалификации новой должности. Стандартные модели карьерного роста предполагали, что влияние на продвижение по службе оказывают результаты текущей деятельности чиновника. Особенностью российской бюрократии и проявлением ее несовершенства является высокая активность сетевых структур, принадлежность к определенной неформальной группе, которая возникает в рамках ведомства и определяет перспективы карьерного роста чиновника.

При выявлении целей занятости, как отмечает автор, было отмечено отсутствие ярко выраженных критериев выбора, которые

ми руководствуются соискатели рабочего места при принятии решений. В статической модели потенциальный работник стремится попасть в бюрократическую элиту, а в социальной модели – получить возможность хорошего трудоустройства в сфере бизнеса. По мнению автора, предпочтения российских чиновников находятся между этими крайними случаями. При устройстве на работу соискатель не попадает в элиту, а гарантии последующего продвижения весьма не однозначны. Однако при работе в государственном секторе чиновник получает возможность накопить человеческий капитал, который может ему пригодиться при работе в частном секторе. Для чиновников высшего ранга существуют хорошие перспективы в случае последующего перехода в частный сектор. В условиях России более распространена обратная картина: с высоких позиций в частном секторе возможен переход на высокие должности в государственном секторе или сочетание двух направлений работы.

В заключительной части раздела автор анализирует готовность работников уйти из организации. Стационарная модель карьерного роста предполагает долгосрочную занятость в государственном секторе, однако в России большинство чиновников низших ступеней иерархии рассматривают для себя возможность смены работы, чаще всего переходя в частный сектор. Занятость в государственном секторе рассматривается ими как способ накопления человеческого капитала для последующей работы в частном секторе. Особенно это характерно для чиновников федеральных ведомств, тогда как на региональном уровне ГС более привержены нынешнему их месту работы.

Определяющими факторами для ухода из госсектора являются возможности и процедуры карьерного роста в совокупности с относительно низким уровнем зарплаты. Преобладание неформальных процедур карьерного роста, определяемых наличием связей, высоких покровителей и высокой лояльностью начальству, приводит к возникновению ситуации неопределенности для чиновников, поскольку они не могут связать результаты своей деятельности с причитающимся им вознаграждением разного вида. В результате талантливые работники будут покидать свои рабочие места в госсекторе, что ведет к ухудшению кадрового состава госсектора и низкому уровню лояльности чиновников. В России существует лояльность определенному начальнику, с которым определенный чиновник связывает перспективы своей деятельности, и

фактически отсутствует лояльность месту работы, непосредственно ведомству и вообще институтам власти в целом.

Отмечается также, что стимулы для высокопоставленных чиновников для ухода из госсектора намного выше, чем для чиновников низшего ранга. Чем более высокую должность занимает чиновник, тем ниже уровень его зарплаты в сравнении с той, которую он мог бы получать в частном секторе при том же положении в иерархии. В стране происходит «конверсия бюрократического статуса» (с. 18). В заключение автор сравнивает основные черты моделей бюрократии.

В четвертом разделе приведены основные выводы по проблемам миграции кадров между двумя секторами экономики и влиянию карьерного роста на мотивацию чиновников. Как отмечает автор, в ПРС преобладает стационарная модель бюрократии, основанная на формализованных критериях приема на работу и продвижения по служебной лестнице. Эта модель удовлетворяет основным характеристикам классической модели бюрократии Вебера. Ее важной особенностью является наличие бюрократической элиты. Работники стремятся попасть на работу в государственный сектор, ожидая выгоды от вступления в ряды элиты и льготы от использования коллективной репутации. Здесь занятость носит длительный характер, но на завершающем ее этапе ГС получают возможность перейти в частный сектор экономики с использованием ими приобретенных ранее специфических знаний и навыков.

Социальная модель получила распространение в РС. Некоторые черты социальной модели характерны и для США. Эта модель предполагает, что занятость в качестве ГС представляет краткосрочный эпизод в карьере работника. Отработав определенное число лет в госсекторе, индивид переходит на высокооплачиваемую должность в частный сектор.

Российская модель бюрократии соединяет черты как стационарной, так и социальной модели. Бюрократический аппарат в России представлен, по мнению автора, двумя уровнями чиновников: чиновниками низшего ранга и чиновниками высшего ранга. Для первых характерна низкая степень лояльности, поскольку ГС этого уровня сталкиваются с отсутствием финансовых стимулов, низкой, по их мнению, зарплатой и непрозрачностью критериев продвижения по служебной лестнице. Карьерный рост возможен только по социальной схеме – на основе индивидуальных достижений, успехов. Высший уровень иерархии представляет собой аналог бюрократической элиты.

По мнению автора, для повышения степени лояльности российских чиновников, которые занимают низшие позиции в иерархии, следует учитывать относительную замкнутость верхних уровней элиты. Однако перейти полностью к стационарной или социальной модели нельзя, поскольку двухъярусная система в пореформенной России уже достаточно сильно укоренилась. Поэтому решение проблемы массового перехода кадров в частный сектор может заключаться в разработке контрактов, в которых схема карьерного роста будет прописана однозначно – процесс продвижения по служебной лестнице станет полностью прозрачным.

В.Г. Былов

МАРКАРЯН В.Р.

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА РАЗВИТИЕ
РЫНКА ТРУДА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ / Рост. гос. экон.
ун-т «РИНХ». – Ростов н/Д, 2005. – 120 с. – Библиогр.: с. 118–120.**

Как отмечает автор, целью данного исследования являлся анализ проблем на рынке труда, тормозящих решение задач полной и продуктивной занятости и обеспечения защиты мигрантов. Рассматриваемые в монографии миграционные процессы находятся в поле зрения государственных органов и затрагивают широкие слои граждан и требуют управления подобным процессом. Монография состоит из введения, шести разделов, заключения и списка литературы.

В России, отмечается во введении, при управлении процессом миграции необходимо прежде всего решить две основные задачи: максимально сократить нелегальную миграцию и сформировать систему селективной иммиграции. Решения в сфере иммиграции и натурализации следует принимать с учетом интересов четырех сторон: предпринимателей, заинтересованных в качественном рынке труда; органов правопорядка; местных жителей и местных органов власти, часто негативно относящихся к иммигрантам; самих иммигрантов, стремящихся стать жителями страны. Государство, считает автор, должно создать систему регулирования и контроля за перемещением лиц с определенными национальностью, образованием, культурой, языком, квалификацией, полом, возрастом.

Сокращение нелегальной иммиграции, контроль над пребыванием в стране и трудовой активностью иммигрантов возможны путем упрощения их регистрации и найма. Автор выступает за проведение гражданской амнистии нелегалов. Иммигрантам должно быть более выгодным регистрироваться, чем оставаться нелегалами; предпринимателям – использовать легальных работников; государству – сокращать нелегальную иммиграцию мирным спосо-

бом, без применения силы и депортации. По мнению автора, следует укреплять геокультурную периферию страны как источник возобновляемых трудовых ресурсов. Для социально-культурного развития России в качестве среднесрочной перспективы в области миграционной политики следует заключить соглашение со странами ЕС и СНГ по вопросам амнистии нелегалов и свободы перемещения мигрантов по всему геополитическому пространству.

Первый раздел посвящен общим вопросам международной миграции населения и включает анализ демографических показателей и процесса расселения. Выделены основные поставщики рабочей силы на международном уровне.

Рассматривая демографические показатели и систему расселения в России, автор отмечает, что на продолжительность жизни в РФ влияет низкий уровень жизни, загрязнение окружающей среды, слабая охрана труда, распространенность алкоголизма и относительно низкий уровень здравоохранения. Это ознаменовалось сокращением средней продолжительности жизни мужчин в Советском Союзе с 68 лет в 60-е годы до 62 лет в начале 80-х годов, в значительной мере вследствие роста смертности славянского населения (с. 8). В 1992 г. 40% смертей среди мужского населения происходило до наступления пенсионного возраста, а средняя продолжительность жизни женщин стабилизировалась на уровне 70 лет. Детская смертность в 90-е годы находилась на уровне 17–19 промилле. Впервые после окончания Великой Отечественной войны число умерших в РФ в ноябре-декабре 1991 г. превысило число родившихся. Все это, по мнению автора, свидетельствует о беспрецедентной демографической катастрофе (с. 8).

Вследствие менее благоприятной возрастной структуры и повышенной смертности сельского населения в России соотношение городского и сельского населения продолжает увеличиваться в пользу городского. При анализе процессов эмиграции и иммиграции автор отмечает существование определенных различий в определении показателей международной миграции населения на примере Германии, Японии, США, РФ. Отмечается также значительная разнородность источников данных о международной миграции. Автор выделяет три основных источника данных о международной миграции (пограничный контроль, регистры населения, данные различных обследований). Далее проводится анализ основных видов международной миграции – безвозвратной, временно-постоянной, сезонной, маятниковой, неле-

гальной (подпольной), вынужденной, эпизодической, трудовой. Выделяются несколько центров притяжения мигрантов.

В заключение раздела автор приводит группировку стран – основных поставщиков иностранной рабочей силы. В Азии – это Индия, Пакистан, Филиппины, Малайзия, Вьетнам; на Ближнем Востоке – Египет, Ливан, Иордания; в Африке – Марокко, Алжир, Тунис, Гана, Мали, Чад, Гвинея, Мозамбик, Ботсвана; в Южной Америке – Парагвай, Боливия, Колумбия; в Северной Америке – Мексика; в Европе – Польша, Португалия, Италия, Ирландия, Турция (с. 14).

Характерной закономерностью современной международной миграции является также существенное качественное изменение контингента мигрирующих, в первую очередь значительное увеличение среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Это нашло отражение в появлении категории «утечка умов (мозгов)».

Как отмечает автор, в отношении международной миграции проводится более жесткая, чем в отношении внутренней миграции, строго регламентированная миграционная политика. Страны-реципиенты и страны-доноры стремятся регулировать поток мигрантов по объему, национальному и профессиональному составу. Миграционная политика носит либо ограничительный, либо поощрительный характер и может подразделяться на эмиграционные и иммиграционные составляющие. Эти элементы приводятся либо в отдельности, либо в совокупности и одновременно. Автор дает краткую характеристику международных организаций в области международной миграции, отмечает возрастающую роль подобных перемещений населения для социально-экономического развития отдельных стран, в том числе на разных этапах развития.

Мощные миграционные потоки в сторону России после распада СССР поставили перед руководством страны две важнейшие проблемы: во-первых, как защитить русских в странах ближнего зарубежья и остановить миграцию; во-вторых, как обустроить русское население, прибывающее на свою историческую и этническую Родину не по своей воле (с. 17). Эти проблемы пока что далеки от решения федеральными властями.

Во втором разделе рынок труда рассматриваются как главный регулятор миграции; исследуются тенденции иммиграции, соотношение перспективных потребностей в рабочей силе и ее предложение со стороны иммигрантов, функции иммиграции и их противоречия, страны-доноры и страны-реципиенты. Поскольку многочисленные

прогнозы динамики роста населения России отводят естественному приросту относительно небольшое место, особое внимание уделено механическому приросту как важному компоненту динамики, тем более что миграция потеснила естественный прирост с места важнейшего фактора динамики. По мнению автора, смена ролей естественного прироста и миграции имеет долговременную тенденцию, к тому же свойственную не только России, но и большинству ПРС, знаменуя поворотный пункт в демографическом развитии страны. Анализ и прогноз воспроизводства населения страны, даже при самом благоприятном характере естественного прироста в данных конкретных условиях, свидетельствует, что только иммиграция в большей или меньшей степени может спасти страну от сокращения и старения населения (с. 19).

Хотя Россия не может считаться классической страной иммиграции в современных условиях, ее положение нельзя считать чем-то исключительно новым. Начиная со второй половины 70-х годов прошлого века, Россия перестала быть донором и в ходе миграционного обмена в рамках СССР с братскими союзными республиками превратилась в страну-реципиента. Прежняя динамика центробежного характера, свойственная царской России на протяжении столетий, превратилась в центростремительное движение – от периферии к центру Советского Союза. На каком-то этапе масштабы подобного движения были сравнительно невелики, хотя свидетельствовали о возрастании миграции населения из трудоизбыточных регионов. Проблемы естественной убыли населения России уже в прошлом стали объектом оживленной дискуссии: активно обсуждались планы пополнения демографического потенциала России за счет других братских союзных республик.

На более раннем этапе эти планы не были реализованы на практике. В прошлом трудодефицитные регионы России – Европейский Центр и Сибирь – не обладали реальными возможностями активного привлечения населения, а регионы с демографическим избытком при данном уровне развития производительных сил (прежде всего – Средняя Азия и Закавказье) не были готовы активно отдавать свое население. Миграционный прирост населения РФ в 90-е годы был обеспечен за счет бывших республик СССР, в обмене с которыми она увеличила свое население на 4,5 млн. человек, тогда как в обмене с другими странами Россия потеряла 1 млн. человек. Однако миграционный прирост России в первой половине 90-х годов происходил в условиях резкого сокращения легальной, регистрируемой миграции: переселение в РФ из стран СНГ и Балтии сократилось

за 1989–2000 гг. с 855 тыс. до 350 тыс., а выезд в эти страны на ПМЖ – соответственно с 692 тыс. до 83 тыс. человек (с. 20). Достоверных данных о масштабах нелегальной миграции в России нет, а разброс оценок ее масштабов чрезвычайно велик: регистрируемая миграция представляет только видимую часть айсберга. Оценки масштабов нелегальной миграции разнятся на порядок. К началу XXI в. возможности поддержания миграционного притока за счет сокращения выезда уже были исчерпаны. Быстрое сокращение притока населения создало серьезные проблемы для России, поскольку страна продолжает нуждаться в значительном его пополнении.

Автор определяет перспективные потребности в иммиграции на основе специально разработанного аналитического стохастического прогноза численности населения РФ до 2050 г. Чтобы сохранить неизменной численность населения на уровне 2000 г., следует, по мнению автора, начиная с первого года нового тысячелетия, ежегодно принимать в среднем более 700 тыс. человек вплоть до 2030 г., постепенно наращивая прием к 2030–2035 гг. до уровня 1,2–1,3 млн. человек (с. 23). Однако Россия пока что далека от приема такого количества легальных иммигрантов, хотя имеется значительное число нелегалов и нерегистрируемых иммигрантов. Для поддержания стабильной численности населения страны общие размеры нетто-миграции должны быть увеличены вдвое (с. 24). Пока что население России продолжает сокращаться. По мнению автора, в будущем Россия едва ли сможет избежать приема крупных иммиграционных потоков (с. 25).

Природа демографических трудностей как для России, так и сопредельных стран коренится в особенностях их рынка труда. Рынок труда выступает в качестве главного механизма, регулирующего приток иммигрантов, поскольку именно ситуация на этом рынке определяет возможность для иммигрантов получить источники средств существования для себя и членов семей и закрепиться в России.

Экономика России в ближайшей перспективе попадет в жесткую зависимость от миграции. В соответствии с особенностями возрастной пирамиды российского населения в стране начнется стремительная убыль трудоспособного населения, а труд станет одним из самых дефицитных ресурсов, особенно для обеспечения устойчивого экономического роста: необходимый источник пополнения трудовых ресурсов может быть найден только в иммиграции. По мнению автора, убыль трудовых ресурсов не будет сильно ощущаться вплоть до 2010 г., поскольку может компенсироваться

за счет сокращения накопленной безработицы и некоторого повышения пенсионного возраста (с. 27).

Автор считает, что для России с ее низкой производительностью труда и резким сокращением естественного прироста не пригоден западный метод выноса производства в слаборазвитые страны. В начале тысячелетия с началом экономического подъема на российском рынке труда ощущается недостаток предложения рабочей силы. Восстановление производства выявило острейший дефицит рабочей силы. Акцент беспокойства сместился с проблемы безработицы и трудоустройства на проблему нехватки рабочих рук (с. 27). Этот дефицит стал тормозом развития экономики даже при малой загрузке установленных производственных мощностей.

Далее автор рассматривает функции иммиграции и их противоречия, которые образуют сердцевину проблемы иммиграции. Потребность в принятии иммигрантов имеет не столько количественную, сколько структурную природу. Богатые ПРС с более высоким уровнем образования и квалификации и быстро растущим средним классом нуждаются в пополнении нижней части не демографической, а социальной пирамиды. Это обеспечивает им эффективное использование их собственного, относительно высококачественного, человеческого потенциала. Так образуются экономические и социальные ниши, которые жители ПРС Западной Европы не хотят заполнять: их заполняют менее притягательные выходцы из развивающихся и бедных стран.

В начальной стадии трудовой деятельности «гастарбайтеры» готовы трудиться на самых невыгодных для себя условиях, что открывает возможности повышения «нормы их эксплуатации» и «первоначального накопления» для использующих их труд предпринимателей. Иммиграция из менее развитых в более развитые страны представляет собой особую форму «неоколониализма» (с. 29). Подобная иммиграция чрезвычайно выгодна странам-реципиентам, а нелегальная – выгодна вдвойне, поскольку бесправный нелегал особенно удобен для эксплуатации без всяких ограничений. Выгоды от иммиграции дисперсны, их ощущает каждый из всех, сталкивающихся с иммиграцией (работодатель, арендодатель, потребитель услуг, сотрудники правоохранительных органов).

Централизованная борьба с иммиграцией, в том числе и нелегальной, по мнению автора, означает борьбу против очевидных интересов своего собственного населения. Подобную борьбу не удалось выиграть ни одной власти. Оттесненные на самый низ социальной пирамиды маргинализированные иммигранты постепенно

превращаются в источник серьезного социального напряжения, находящего выход в самых разных проявлениях (создание преступных сообществ, политический экстремизм, молодежные контркультурные движения и т.п.). Разные формы проявления социальной напряженности в сфере иммигрантов, имеющие главным образом националистическую, религиозную и «социокультурную» интерпретацию, влияют на массовое сознание населения.

Далее автор анализирует регионы – потенциальные доноры и реципиенты миграции. Для России наиболее предпочтительны мигранты из стран СНГ и Балтии – бывшие сограждане, в большинстве своем владеющие русским языком, обладающие определенным уровнем образования и квалификации, достаточно хорошо представляющие условия жизни в нашей стране. Как считает автор, РФ притягивает жителей почти из всех постсоветских стран, кроме Белоруссии: в 90-е годы треть миграционного прироста России обеспечил Казахстан, треть – республики Средней Азии, остальную треть – Закавказье (примерно 20%), Балтия (5%) и Украина с Молдавией (около 9%). Русские мигранты обеспечили весь прирост населения РФ в 1992 г., а в дальнейшем их доля составляла не менее 60%. Другие российские этнические группы обеспечили около 10% прироста. Русская диаспора в неславянских постсоветских республиках за счет репатриации сократилась на 22%, а всего до настоящего времени из бывших союзных республик выехало 3,3 млн. из 25,3 млн. этнических русских, проживавших там в 1989 г., что примерно в 6 раз превышает размеры русской репатриации в течение 80-х годов. Русская диаспора в неславянских постсоветских странах за счет репатриации в Россию уменьшилась на 22%. Близок к завершению процесс возвращения русских из стран Закавказья и Таджикистана: эти республики уже потеряли более половины русского населения (с. 31).

По оценкам автора, в Таджикистане осталось еще около 100 тыс., в Закавказье – менее 300 тыс. русских. Их потенциал в случае прежней интенсивности выезда может быть быстро исчерпан. В Киргизии, Туркмении и Узбекистане можно ожидать интенсивное «выталкивание» русских в условиях острой конкуренции на рынках труда и общей перенаселенности. Всего в этих странах осталось около 2 млн. русских, но максимальный миграционный потенциал оценивается автором всего в 1,5 млн. человек (с. 32). Развитие эмиграции из Казахстана в Россию будет определяться соотношением экономической и социальной ситуации в Казахстане

и России, однако миграционный потенциал русских в республике не превысит 2 млн. человек. Из стран Балтии, Украины и Белоруссии не следует ожидать значительной репатриации. По оценкам автора, реальный потенциал русской репатриации в Россию, Украину и Белоруссию составляет примерно 4 млн. человек, в том числе на долю России можно отнести 3–3,5 млн. человек. Примерно 0,5 млн. человек могут дать другие российские народы, из которых большинство составят татары (с. 33).

Россию как центр притяжения может рассматривать определенное число лиц титульной национальности из стран СНГ. За 1994–1999 гг. нетто-миграция подобных лиц в Россию составила 710 тыс. человек – примерно четверть суммарного притока, из которых 39% составили украинцы и 45% – лица кавказской национальности (в том числе 28% – армяне). Десятую часть составили лица центральноазиатского этноса. В России находится не менее 3 млн. трудовых и коммерческих мигрантов, в том числе около 1 млн. человек живет в РФ более трех лет (с. 33). Суммарный миграционный потенциал стран СНГ автор оценивает в 7–8 млн. человек, включая и этнических русских. Однако к 2050 г. в РФ может оказаться до 10 млн. китайцев, которые в России могут стать вторым по численности народом после русских (с. 34).

Далее автор рассматривает регионы как потенциальные реципиенты миграции. Она отмечает, что, хотя рассчитывать на россиян в качестве источника пополнения убывающего населения РФ уже нельзя, возможности зарубежной миграции в этом отношении также ограничены. В России международных мигрантов привлекает прежде всего качество жизни, а также сама по себе свободная территория. Миграционный потенциал, привлекательность регионов оцениваются с широких позиций, учитывая экономические, социальные и демографические признаки. Главным привлекательным элементом выступает «богатство региона» – так называемый валовой региональный продукт (ВРП) с учетом национальных и региональных паритетов покупательной способности валют (ППС). На основании подобных критериев автор считает возможным выделить десятки регионов, привлекательных для «экономических мигрантов». Подобных регионов тем больше, чем хуже состояние экономики стран или регионов-доноров и чем богаче, продуктивнее регионы-реципиенты. Как отмечает автор, корреляция душевого ВРП с итогами общего миграционного движения низка, даже при исключении из списка регионов республик, принимающих

слишком большие потоки беженцев, которые руководствуются не экономическими, а иными мотивами.

Автор при анализе регионов–реципиентов иммигрантов в процессе анализа возможностей применения различных показателей предлагает в ряде случаев использовать вместо ВРП индекс развития человека (ИРЧ) и его российские аналоги (с. 36). Этот показатель для Московского региона оказался близок к южно- и восточноевропейскому, восточноазиатскому, а в этнических регионах–аутсайдерах – к монгольскому, индийскому, африканскому и центральноамериканскому.

В третьем разделе анализируется западный опыт в проведении иммиграционной политики. По мнению автора, в настоящее время демографическая ситуация в России вызывает потребность в притоке большого количества работников–иммигрантов. Однако в стране нет четкой иммиграционной политики, а проводимую политику Маркарян считает деструктивной и направленной на ограничение притока населения даже в условиях развития репатриации русских из бывших братских союзных республик после распада Советского Союза. Автор считает это проявлением унаследованного от прошлого идеала миграционной «закрытости» страны (с. 43).

Между тем рост численности населения страны за счет иммиграции – обычная практика для ПРС при их низких показателях естественного прироста. В этих странах естественный прирост значительно уступает миграционному, хотя естественный прирост там пока тоже остается положительным. В ЕС общий прирост определяется скорее миграционным, нежели естественным приростом (с. 44). В то же время повсюду в принимающих странах ЕС крупномасштабная иммиграция порождает значительные экономические и социальные проблемы, что вынуждает больше внимания уделять разработке и реализации адекватной иммиграционной политики.

Автор проводит анализ иммиграционной политики ПРС применительно к российским условиям, в том числе «классовой» модели (приведение потребностей в резервной армии труда в соответствие с реальной необходимостью для устранения условий социальных волнений и высокого уровня конфликтности между отечественными и иностранными рабочими). Она приводит аргументы «за» и «против» иммиграции, отмечая наличие не только экономической целесообразности, но и геополитических интересов в выборе и проведении миграционной политики, которую она считает частным проявлением внешней политики.

Миграционная политика ПРС осуществляется как с «парадного» (в результате переговоров и создания коалиций основных действующих сил), так и с «черного» хода (нелегальная миграция как активная стратегия, обеспечивающая гибкость в обеспечении рабочей силой и управлении второстепенными сегментами рынка труда). Автор рассматривает положение и иммиграционную политику в «странах переселенческого капитализма», отмечая выделение категорий «предпочтительных» и «нежелательных» иммигрантов и снятие со временем этнических и расовых ограничений иммиграции.

В большинстве ПРС в настоящее время легальная иммиграция осуществляется по трем основным каналам: воссоединение семей, ввоз рабочей силы (иммиграция при посредничестве работодателя) и прием лиц, ищущих убежища. ПРС Западной Европы, вынужденные принять за 1989–2000 гг. около 5 млн. мигрантов различных категорий, стремятся существенно ограничить приток беженцев, используя такие методы, как сокращение социальных льгот, ограничительное толкование критериев лиц, которых можно считать настоящими беженцами, угроза задержания для контроля над территориальным передвижением иностранцев, в том числе подлежащих депортации.

Стратегическим направлением миграционной политики ПРС Западной Европы является создание менее благоприятных условий для новых лиц, ищущих убежища (с. 63). Автор выделяет страны с либеральной моделью в области иммиграции, с относительно либеральной моделью и с консервативной моделью. В ряде стран существуют специфические категории иммигрантов, получивших право на въезд, пребывание и натурализацию. В частности, в Германии это евреи из стран бывшего СССР; в США – иммигранты согласно программе поддержания этнокультурного разнообразия с использованием «green card»; в Великобритании, Франции и США – «принцип почвы»; в Германии, Израиле, Греции, Венгрии, государствах Балтии – «принцип крови».

Как отмечает автор, напряженность в обществе, которая возникает в результате недовольства присутствием иммигрантов, в значительной степени обусловлена политикой, проводимой страной-реципиентом в отношении интеграции иммигрантов. Так, Германия проводит политику по принципу «приехал–поработал–репатриировался», а дети иммигрантов обучаются в обособленных национальных школах с целью этнического обособления диаспор и общин, а в целом – для скорейшего выезда иммигрантов из страны.

В итоге Германия столкнулась с проблемами недавних иммигрантов. Во Франции ставка делалась на скорейшее стирание граней между иммигрантами и французами.

Хотя для политики ПРС в отношении миграции характерны структурированность и жесткость, фактическая иммиграция значительно превышает ранее установленные лимиты, что в итоге ведет к пребыванию на их территории достаточно многочисленных контингентов нелегалов. Эти нелегалы трудятся преимущественно в неформальном (теневом) секторе экономики. В принципе подобные нелегалы выгодны как для работодателей, которые используют дешевую и в значительной степени бесправную рабочую силу, так и для государства, поскольку позволяют обходиться без расходования средств по линии социального страхования.

В качестве одного из средств борьбы с нелегалами многие страны используют методы законодательных амнистий, при которых для нелегалов устанавливаются сроки, в течение которых можно подать ходатайство о разрешении нахождения в данной стране без получения права законного проживания – от нескольких месяцев до пяти лет. Миграционные амнистии по сугубо практическим соображениям в разные годы использовали США, Австралия, Франция, Греция, Италия. Легализация иностранцев осуществляется по экономическим (для упорядочения условий найма иностранной рабочей силы) и политическим причинам (когда число нелегалов оказывается столь значительным, что решить проблему обычными иммиграционными процедурами оказывается невозможным). Автор в этой связи отмечает важную роль Шенгенского соглашения 1995 г., создавшего новые условия для перемещения людей через границы стран-участниц. ПРС вынуждены согласовывать свою иммиграционную политику с региональной (например, в Канаде) и в то же время заняты поисками новых направлений политики в области иммиграции. На смену программам приема лиц, ищущих убежища, порожденным политикой холодной войны, на сцену выходит политика привлечения лиц, обладающих определенной квалификацией или определенным капиталом. В последние годы борьба с международным терроризмом наложила свой отпечаток на иммиграционную политику.

В четвертом разделе определены задачи, стоящие перед Россией, в области развития миграции. В России государственную политику в области миграции еще только предстоит выработать. В этом отношении Россия отличается от ПРС, где стоит задача лишь

частичного пересмотра и совершенствования подобной политики. В настоящее время нынешняя миграционная политика РФ расходится с глубинными, долгосрочными интересами ее развития и в целом «носит полицейско-ограничительный характер, и эти ее черты все усиливаются» (с. 60). На самом деле она должна быть направлена на поощрение и рациональное регулирование иммиграции. Государство должно выступить с обновленной программой миграционной политики, включая проработанные меры по эффективной интеграции мигрантов (с. 64).

Интенсивное развитие страны невозможно без новожителей, а без последних невозможно улучшение качества жизни. Не понимающие этого политики, считает автор, разжигают настроения против иммиграции, осуществляют дискриминацию иммигрантов и «ведут страну в тупик» (с. 60). «Запутанные бюрократические процедуры, излишне жесткие требования к гражданству, разного рода трудности регистрации по месту жительства, милицейский рэкет и чиновничий произвол вынуждают жителей бывших братских советских республик обращаться к другим странам: Турции, государствам Западной и Восточной Европы. Россия, таким образом, упускает возможности привлечения лучшей для себя рабочей силы, наиболее адаптированной к ее условиям» (с. 60).

В пятом разделе анализируются миграционные процессы в Краснодарском крае. Делается анализ ситуации на рынке труда в краевом центре – Краснодаре. Рассматриваются проблемы молодежной безработицы и неконтролируемая миграция как фактор дестабилизации в крае. Заключительная часть раздела посвящена «мифам и реальностям» о «незаконной» миграции.

Исследование миграционных процессов на территории Краснодарского края автор начинает с анализа ситуации на рынке труда в г. Краснодаре. Формирование предложения рабочей силы в отдельно взятом регионе имеет ряд особенностей, обусловленных демографическими факторами, динамикой воспроизводства населения, межрегиональной миграцией, профессионально-квалификационной структурой рабочей силы, наличием базы для профессиональной подготовки кадров. Официально начало формирования рынка труда в РФ было положено введением в действие Закона «О занятости населения в РСФСР» от 1 июля 1991 г., определившего правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости, гарантировавшего со стороны государства

реализацию конституционных прав граждан РФ на труд и социальную защиту от безработицы.

Безработица затронула также и г. Краснодар, но уровень безработицы на начало 2004 г. составил всего 0,3% численности трудоспособного населения при среднем показателе по Краснодарскому краю 0,7%. В банке городского управления «Краснодарский городской центр занятости населения» насчитывалось 11 тыс. вакансий, однако, в отличие от других регионов и городов России, на краснодарском городском рынке труда нет напряженности (с. 67).

Основными проблемами современного рынка труда Краснодара являются: большая потребность в рабочих кадрах; структурное несоответствие спроса и предложения рабочей силы; задержки в выплате заработной платы; низкий уровень оплаты труда в отдельных отраслях (с. 68). Потребность в кадрах испытывают промышленность, строительство, торговля, общественное питание, наука, культура, здравоохранение. В городе потребность в инженерно-технических работниках и служащих заявлена по 270 специальностям, в рабочих – по 291 специальности; среди неквалифицированных рабочих велика потребность в грузчиках, уборщиках, подсобных рабочих, рабочих сельского хозяйства; среди квалифицированных рабочих – в слесарях по ремонту и обслуживанию различного оборудования, водителях автомобилей различных категорий, трамваев и троллейбусов, газосварщиках, электросварщиках, электрогазосварщиках, малярах, штукатурах-малярах, облицовщиках-плиточниках (с. 70); среди ИТР и служащих – в инженерах, агентах различных сфер деятельности, менеджерах различных отраслей, мастерах различных отраслей, медицинских работниках, милиционерах (с. 71).

В условиях некоторого оживления экономики Краснодара и снижения уровня регистрируемой безработицы на первый план в последние годы вышла проблема качества рабочей силы. В настоящее время наблюдаются нехватка рабочих высших разрядов, старение кадров, снижение общего уровня квалификации, падение престижа рабочих профессий, общий дисбаланс рынка рабочей силы. Безработица в Краснодаре за 2003–2004 гг. выросла на 9,4% (с. 71). Как считает автор, для города Краснодара остается характерной структурная безработица (с. 72).

На рынке труда Краснодара происходит воспроизводство имеющейся диспропорции спроса и предложения, что ведет к непрофильной занятости дипломированных специалистов. В ряде отраслей

происходят сокращение числа высококлассных специалистов, старение персонала, рост текучести молодых кадров, рассматривающих работу как трамплин для дальнейшей трудовой деятельности (с. 78).

Центральной проблемой на рынке труда Краснодара становится качественное несоответствие между структурой вакансий и составом безработных, а трудоустройство ряда социально-демографических групп остается сложной проблемой даже в условиях начавшегося в России экономического роста.

Далее автор рассматривает развитие неконтролируемой миграции в качестве фактора дестабилизации ситуации на территории края. Краснодарский край в силу ряда обстоятельств (благоприятные природно-климатические условия, развитая инфраструктура, приграничное положение) стал одним из центров притяжения мигрантов. В настоящее время в связи с массовым притоком мигрантов из других регионов России и из ближнего зарубежья в крае сложилась напряженная общественно-политическая ситуация, что может привести к обострению межнациональной, социально-экономической и криминогенной обстановки. По мнению автора, наиболее сложная ситуация возникла в связи с пребыванием в крае турок-месхетинцев, курдов и армян. Многие из мигрантов прибывают в Россию нелегально, нарушают законы, порядок занятия трудовой деятельностью, не платят положенные налоги, ведут замкнутый, клановый образ жизни, а их деятельность превращается в фактор, способствующий разжиганию межнациональной розни.

По данным автора, более 40% от общего количества вынужденных переселенцев, зарегистрированных в Краснодарском крае, являются выходцами из Чечни (с. 81). Значительный поток мигрантов на территорию края прибывает из Таджикистана, Узбекистана, Украины. Состав мигрантов очень разный: студенты, ранее учившиеся в вузах Краснодарского края и не прошедшие в свое время регистрацию, прибывшие в гости к родственникам и не зарегистрировавшиеся. Однако чаще всего это гастарбайтеры, прибывшие на заработки из других районов России и из-за рубежа.

Другим фактором, определяющим иммиграцию на Кубань, стало изменение направления вектора миграции: на смену ранее доминировавших на протяжении десятилетий потоков в северные и восточные регионы России пришла возвратная миграция – из регионов севера и востока страны в более благоприятные для жизни районы Краснодарского края.

Отмечается неравномерность в размещении иммигрантов. Основная масса мигрантов тяготеет к районам Черноморского и Азовского побережья, крупным городам и центральным районам края. Здесь сосредоточено более половины (55%) всех иммигрантов. Факторами притяжения являются развитая инфраструктура, наличие крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий с высоким потенциалом занятости. Однако эти районы уже исчерпали свою миграционную емкость, отмечается перегруженность инфраструктуры общего образования, волна учащихся-мигрантов привела к ухудшению образовательной базы. Социальная структура края в целом не рассчитана на такой приток мигрантов и испытывает значительные перегрузки. Приток мигрантов вызывает рост цен на недвижимость, обострение конкуренции на рынке труда, снижение жизненного уровня населения, обострение других социальных проблем, прежде всего в области образования и здравоохранения, криминализацию обстановки в регионах. Положение осложняется тем, что подавляющее большинство мигрантов не может самостоятельно обустроиться в крае и рассчитывает на государственную поддержку. Поскольку Краснодарский край из-за перенаселенности не может считаться перспективным для расселения мигрантов, на южных границах Российской Федерации скопилось значительное число мигрантов, недовольных своим положением и образующих значительный отрицательный потенциал, который может в любой момент стать дестабилизирующим фактором, ведущим к ухудшению социально-экономической и политической ситуации на юге России, в том числе в Краснодарском крае.

Как отмечает автор, местным работодателям выгодно использовать труд нелегальных мигрантов, в том числе в качестве мелких торговцев, челноков, сельскохозяйственных рабочих, ремонтников: их зарплата в два раза ниже, чем у коренных жителей. Фактически их положение мало отличается от рабского, живут они в антисанитарных условиях, получают мизерную зарплату.

В то же время начинает угрожать социальной стабильности образование крупных и сплоченных иммигрантских диаспор. Зачастую основная сфера их деятельности лежит в сфере теневой экономики.

За последнее десятилетие острота проблемы мигрантов стала настолько острой, что, по мнению автора, требует разработки и принятия незамедлительных мер по выправлению ситуации, в том

числе в законодательной и административной сферах, на федеральном и местном уровнях.

В целях улучшения системы регулирования трудовой миграции на региональном уровне было принято постановление о порядке привлечения и использования иностранной рабочей силы в Краснодаре. Согласно этому документу, работодатели могут привлекать иностранных рабочих, а последние работать в регионе только при наличии соответствующего разрешения на использование труда иностранных рабочих и подтверждения на право трудовой деятельности, выдаваемого территориальным органом Министерства по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ в Краснодарском крае. Иностранцы, работающие на территории Краснодарского края без соответствующего подтверждения территориального органа Министерства по делам Федерации, подлежат депортации в страну происхождения за счет средств работодателя (с. 84).

Далее автор в разделе «Мифы и реальность о “незаконной” миграции» подвергает анализу публикуемые в СМИ и озвученные рядом исследователей и политических деятелей данные о численности нелегальных мигрантов в русских субъектах Северного Кавказа, содержащиеся в материалах прессы, выступлениях атаманов казачьих организаций, ученых-демографов. Автор подвергает сомнению заявления о численности нелегальных мигрантов, превышающей, по разным заявлениям, 1 млн. человек (с. 85). В то же время автор отмечает, что между переписями 1989–2002 гг. миграционный прирост населения в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области достиг 1,24 млн. человек. На указанной территории, в которой проживает около 8,5% всего населения РФ, пришлось более 22% миграционного прироста (с. 86). В межпереписной период на указанные территории прибыло соответственно 1,7 млн., 0,86 млн. и 1,18 млн. человек, а в целом 3,74 млн. человек, а убыло в другие районы РФ и за рубеж не менее 2,5 млн. человек, включая ранее (в 1989–2002 гг.) прибывших из других субъектов РФ (с. 86).

Отсутствие научного анализа миграционных процессов в России в целом и в русских регионах Северного Кавказа в частности способствует росту антииммигрантских и антикавказских настроений в указанных субъектах РФ.

При этом, отмечает автор, во всех указанных субъектах в начале 90-х годов прошлого столетия сложилась крайне неблагоприятная демографическая ситуация. Между двумя переписями 1989 и 2002 гг. в этом регионе естественная убыль достигла более 640 тыс. человек,

из которых русские составили абсолютное большинство (почти 100%) (с. 86). В этот же период из русских субъектов РФ на Северном Кавказе выехало в другие регионы РФ и за рубеж примерно 2,5 млн. человек. Суммарные потери составили, таким образом, примерно 3,2 млн. человек, и только приток иммигрантов обеспечивал рост численности населения указанных субъектов в целом.

В то же время миграционный приток населения в русские субъекты Северного Кавказа за период с 1989 по 2002 г. сократился в несколько раз: в Краснодарский край – в 7,9 раза, в Ставропольский край – в 10,9 раза, в Ростовскую область (1995–2002) – в 12,2 раза (с. 87). Поскольку на вторую половину 90-х годов пришелся период ужесточения миграционной политики в указанном регионе, можно предполагать столь же значительное сокращение нерегистрируемой миграции в этот район. Значительный прирост населения за счет иммиграции (74%) пришелся на период 1989–1995 гг., а на последующие годы (до 2002 г.) – только 26%. С 1995 г. миграционный прирост уже не мог компенсировать значительную естественную убыль в Ростовской области, а с конца 90-х годов – в Краснодарском и Ставропольском краях.

Автор выступает против отнесения к числу мигрантов лиц, проживающих в указанном регионе более 8 (а то и 10) лет, выступая против их отнесения к числу мигрантов, а не постоянных жителей. Она, в частности, выступает против утверждений о якобы идущей оккупации земель в данном регионе выходцами – представителями неславянских этносов, о якобы происходящем «почернении» населения Кубани из-за притока армян, турок-месхетинцев, о распространении мусульманства и возникновении мусульманских анклавов. Автор отмечает, что уже возникают опасения о развитии демографической и общественно-политической ситуации по косовскому сценарию. Она отвергает высказывания о некоей запланированной миграционной экспансии со стороны кавказских народов. По ее мнению, в регионе нет реальной угрозы «почернения», «дагестанизации», «чеченизации», «арменизации», «месхетизации» для указанных районов, нет реальной опасности «превращения русского населения здесь в национальное меньшинство на своих исконно русских землях».

Автор приводит в подтверждение этих положений ряд доводов. По ее мнению, высокий уровень естественного прироста населения у кавказских народов и демографическая убыль коренного русского населения не представляют никакой опасности для русского населения в указанных регионах, поскольку удельный вес

русских в общей численности населения в указанных административных единицах остается по-прежнему очень высоким (более 80%). В обозримом будущем не следует ожидать существенно-го сокращения этой доли.

Несмотря на значительные темпы роста численности кавказских народов, их удельный вес в целом и в отдельности будет оставаться незначительным, за исключением Ставропольского края с относительно высоким удельным весом северокавказских народов, к тому же обладающим высоким уровнем естественного прироста.

Наконец, с конца прошлого столетия значительно снизились темпы миграционного притока кавказских народов в рассматриваемые районы – субъекты РФ. Автор отмечает низкий «порог конфликтности» и даже его отсутствие в районах Северного Кавказа. Ни один народ Северного Кавказа не находится сегодня у «порога конфликтности» и в ближайшие десятилетия не будет угрожать благополучию русского населения (с. 91). Все высказывания и публикации о численности мигрантов носят политический, спекулятивный и даже провокационный характер и не отражают реальную картину национального доминирования в указанных регионах.

По мнению автора, краевые и областные власти с молчаливого согласия федеральных властей своей антимигрантской политикой сами способствуют росту численности нелегальных мигрантов, всячески препятствуя возможности получения постоянной или временной регистрации (с. 92). В то же время продолжается запугивание населения неофициальными данными о численности пришло-го населения. Завышенные данные о численности пришло-го населения, считает автор, требуют признать итоги переписи населения 2002 г. в указанных краях и областях недействительными.

На основании проведенного анализа автор выдвигает свои предложения по регулированию миграционных процессов, включая упрощение процедуры регистрации, легализацию трудовой деятельности, проведение гражданской амнистии, формирование системы селективной иммиграции, укрепление геокультурной периферии и т.п.

В.Г. Былов

ПРЯЖНИКОВА О.Н.
ВНУТРИРОССИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ: МИГРАЦИОННАЯ
СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ
(Обзор)

Динамика и масштабы трудовой миграции внутри России отражают как социально-экономическую, так и политическую трансформацию, происходящую в нашей стране в последние десятилетия. Миграционные процессы являются одним из способов адаптации населения к новым для него условиям существования в рыночной экономике и показателем способности граждан активно действовать в условиях конкуренции на рынке труда, ориентируясь на собственные силы и возможности.

Значимость влияния внутренней миграции на формирование российского рынка труда трудно переоценить. Так, в 1994 г., когда наблюдался максимальный за последние годы приток внешних мигрантов (1,15 млн. человек), число внутренних мигрантов было почти вдвое больше и составило 2,1 млн. человек. В последние же годы, когда число переселений – как внутренних, так и внешних – непрерывно снижается, на долю внутренней миграции приходится более 80% всех миграционных перемещений. При этом в период 1989–2000 гг. 55% внутрироссийских миграционных перемещений происходило в пределах одних и тех же субъектов Федерации – областей, краев, республик, а 45% – между ними (3; 12).

На протяжении последних столетий население России двигалось на север и восток. Отток населения шел из Центрально-Черноземного, Волго-Вятского и Уральского регионов, ряда областей Центра и Поволжья. В то же время устойчиво притягивали население Москва и Санкт-Петербург. Стабильный миграционный прирост населения наблюдался на Дальнем Востоке, незначительный отток

в 70–80-е годы в этом регионе был только из Сахалинской области. Ситуация стала меняться во второй половине 80-х годов, когда начался незначительный отток населения с российского Севера. Одновременно прекратился отток из большинства регионов европейской части страны, а привлекательными в миграционном отношении стали центральные и юго-западные регионы страны. Таким образом, матрица внутрироссийской миграции начала меняться.

В последнее десятилетие положительный баланс внутрироссийской миграции наблюдается в Центральном, Приволжском и Южном федеральных округах. При этом приток мигрантов в Центральный округ происходит из всех округов РФ; в Приволжский – из всех, кроме Центрального; а в Южный – из всех, кроме двух вышеназванных. Отрицателен баланс внутрироссийской миграции в Южном, Уральском, Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном округах.

Дальний Восток – зона сплошного миграционного оттока. Выезд идет как в Сибирский и Уральский округа (22% совокупных потерь), так и в округа европейской части, а у ряда регионов Дальнего Востока установились давние высокоинтенсивные миграционные связи с югом России. За период 1991–2000 гг. отток мигрантов из Дальнего Востока составил 669,8 тыс. человек (12). В XX в. <http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/foto/foto03.jpg> после начала индустриализации на Дальнем Востоке проблемы его слабой заселенности и дефицита трудовых ресурсов решались путем реализации стратегии стимуляции миграционных потоков, ориентированных на Восток. Вплоть до 1991 г. темпы роста населения были самыми высокими в России, при этом доля миграции в общем приросте населения Дальнего Востока была ощутимой (около 37% в 1981–1985 гг.). Общеэкономический кризис и распад СССР привели к тому, что экономика Дальнего Востока попала в состояние затяжной депрессии. Значение миграции в формировании населения региона стало отрицательным. В 1991 г. на Дальнем Востоке величина оттока превысила естественный прирост, что впервые привело к уменьшению общей численности населения. Миграционный отток за 1991–2004 гг. составил 70% от общего сокращения числа жителей Дальнего Востока. Ухудшение ситуация в сфере занятости, низкая оплата и неудовлетворительные условия труда, жилищные и другие проблемы явились в условиях экономической нестабильности главными причинами оттока населения из региона. Исчез один из важных стимулов привлечения населения в регион – более высокие, чем в других регионах, доходы.

При общем сокращении объема миграционных потоков на Дальний Восток значительно вырос удельный вес миграционного обмена между территориями региона (за 1986–2004 гг. на 37,9 %). Внутриокружная миграция направлена с севера на юг – в Хабаровский, Приморский края, Еврейскую АО и Амурскую область. Суммарный отток во второй половине 90-х годов в эти регионы с севера был таким же, как в столичный регион (почти 20 тыс. человек). При этом наибольшим центром притяжения мигрантов является Хабаровский край. Так, во второй половине 90-х годов Хабаровский край восполнил почти 30% миграционной убыли Дальневосточного округа. Если с помощью государственной поддержки направление движения населения из северных районов в южные удастся закрепить, то внутрирегиональные миграционные процессы в ближайшее время могут остаться достаточно интенсивными и будут способствовать сохранению местного демографического потенциала. Тем не менее Дальний Восток в миграционном партнерстве с регионами России в перспективе не может рассчитывать на прирост своего населения за счет внутрироссийской миграции, поскольку это практически невозможно, до тех пор пока альтернативные доходы в других регионах остаются более высокими.

Исследования показали, что сокращение населения Дальнего Востока за счет естественной убыли и миграционного оттока примет затяжной характер. После 2010 г. демографическая кривая резко пойдет вниз и к 2025 г. может опуститься до 4,7 млн. человек. Это равно численности населения 1959 г. (4834 тыс. человек). К 2050 г. при неизменности сложившейся демографической ситуации на Дальнем Востоке число жителей может составить всего порядка 4 млн. человек. В условиях сокращения экономически активного населения Дальний Восток все более нуждается в привлечении трудовых ресурсов. Основным поставщиком рабочей силы в последние годы стала трудовая миграция, и прежде всего из Китая (15).

Еще одну зону стабильного оттока населения представляет собой часть регионов Сибири (Красноярский край, Читинская, Иркутская и Томская области, республики Бурятия и Тыва). Регионы севера Сибири имеют отрицательное сальдо миграции населения со всеми округами, за исключением Дальнего Востока. Однако миграционный приток за счет последнего невелик и восполняет менее 10% оттока в другие регионы Сибири и западные федеральные округа. Основные направления оттока – регионы юга Сибири, Центральный, Приволж-

ский и Южный округа. Самая значительная миграционная убыль складывается у сибирского севера с Новосибирской областью. В то же время помимо наиболее привлекательных в миграционном отношении регионов европейской части страны отток идет в Челябинскую, Свердловскую области, Республику Хакасию. Вместе с тем на юге Сибири существует крупный, хотя и локальный, центр миграционного притяжения – Новосибирская область, которая имеет фактически нулевой миграционный баланс с Уральским, Приволжским, Южным и Северо-Западным округами, но притягивает население из всех регионов Сибири и Дальнего Востока. В свою очередь Иркутская область за счет притока населения из регионов, расположенных восточнее, компенсирует до 50% миграционных потерь от убытия собственного населения на запад страны.

Интерес привлекает такое промышленное ядро сибирского региона, как Кузбасс, где коэффициент естественной убыли является самым высоким по Сибирскому федеральному округу (-4) и выше, чем в среднем по России. При этом миграция населения не оказывает заметного влияния на изменение общей численности. Так, в 2005 г. общее сальдо миграции составило 5,8 тыс. человек, т.е. 26% от естественной убыли (в 2004 г. – 17%). Самый высокий миграционный прирост зафиксирован в 2004 и 2005 гг. и составил соответственно 3641 и 5780 человек. Соотношение численности городского и сельского населения Кузбасса колеблется в пределах 75 и 15%. Причем, несмотря на более высокую смертность на селе, численность сельского населения остается практически неизменной, т.е. большая часть естественной убыли пополняется за счет мигрантов. Например: в 2004 г. 41% миграционного прироста приходился на село. В Новосибирской области в 2003 и 2004 гг. половина миграционного прироста зафиксирована также в сельской местности. Это можно объяснить тем, что среди мигрантов, основную долю которых составляют выходцы из стран СНГ, преобладающее большинство составили малообеспеченные люди, которые не в состоянии приобрести жилье в городах, а потому оседают в сельской местности, пополняя число безработных. Этот вывод подтверждают и данные статистики по Новосибирской области, где в 2004 г. при общей убыли населения на 5%, городское сократилось на 4,9%, сельское всего на 0,1% (18).

Начиная с 2000 г. в целом по региону безработица возросла в 2 раза и составила в 2005 г. 2,7% общей численности экономически активного населения. И только в двух крупных городах с населением

более 500 тыс. человек – Кемерово (552,6 тыс.) и Новокузнецке (563,3 тыс.) – ощущается постоянный дефицит трудовых ресурсов. По оценке службы занятости, каждый четвертый претендент на вакансию не отвечает квалификационным требованиям, предъявленным работодателем, а условия работы и оплаты труда не соответствуют запросам безработных – каждая третья вакансия предполагает оплату ниже прожиточного минимума. Таким образом, рынок труда Кузбасса характеризуется территориальным несоответствием спроса и предложения на рабочую силу, а также несбалансированной профессионально-квалификационной структурой на ее спрос и предложение. Проблема отсутствия территориальной сбалансированности рынка труда связана с дополнительными инвестициями – низкий уровень внутренней миграции населения обусловлен прежде всего отсутствием доступного жилья в местах дефицита рабочей силы. Только наличие действительно доступного жилья (вероятнее всего, социального на правах аренды) в местах дефицита рабочей силы может способствовать решению проблемы территориальной сбалансированности рынка труда и повышению уровня внутренней миграции населения как в Кузбассе, так и в других регионах, испытывающих подобные трудности.

Что касается Приволжского округа, то здесь регион, имеющий положительный баланс миграции со всеми другими, – Нижегородская область. Существенные миграционные потери она несет только в обмене со столичным регионом. Однако Нижегородская область не является единственным центром притяжения мигрантов в Приволжском округе, у нее есть ряд крупных конкурентов – Республика Татарстан, Самарская область. Только за счет этих трех регионов Приволжский федеральный округ обеспечивает положительный миграционный баланс во внутрироссийской миграции: их совокупный миграционный прирост за 1996–2000 гг. составил 91,7 тыс. человек (а всего Приволжского округа – 79,5 тыс.).

Приволжский округ расположен на пути устойчивого направленного в Центральный федеральный округ внутрироссийского миграционного потока, в результате чего является принимающей стороной для мигрантов с востока и севера страны и донором по отношению к Центральной России. Эти тенденции усиливаются по мере сокращения миграции из стран СНГ и, как следствие, пополнения рынка труда Центрального региона за счет внутренних мигрантов. До 1995 г. в Приволжском округе миграция полностью компенсировала естественную убыль населения, тогда как в после-

дующий период население округа убывало почти так же быстро, как и по России в целом (-1,8% по округу и -2,5% по России за 1996–2001 гг.). Окружные миграционные тренды по городскому и сельскому населению в общих чертах отражают общероссийские, характеризующиеся поворотом миграционных потоков в сторону села и низким уровнем миграционного прироста в городах. Вместе с тем в последние годы приток в сельскую местность уменьшается, но не из-за усиления привлекательности городов, а за счет сокращения общего миграционного притока в Приволжский округ.

По относительной величине миграционного прироста за счет внешней миграции Приволжский округ уступает Центральному и Южному, а по объемам внутрироссийской миграции – лишь Центральному. Устойчивый отток населения из округа идет в столичный регион, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, в Краснодарский край, Челябинскую область, входящую в Уральский округ. Получает округ население из Европейского Севера, соседних областей Южного, Уральского и Центрального округов. В 1995–1995 гг. в Центральном и Поволжском округах осели равные части мигрантов с востока – по 30,5% совокупных миграционных потерь Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов, тогда как в 1996–2000 гг. на Центр пришлось почти половина этого потока, а доля Приволжского упала до 22% и соответственно возросла транзитная роль региона (4).

Следует отметить, что в Приволжском округе лидерами притяжения мигрантов являются Самарская, Саратовская, Нижегородская области и Республика Татарстан, которые в 1990-х годах приняли 70% миграционного притока в округ. Наибольший приток внешних мигрантов наблюдался в соседствующих с Казахстаном Оренбургской и Саратовской, а также в Ульяновской областях. Приток внутренних мигрантов был больше в Самарской и Нижегородской областях. В Оренбургской миграционный поток начиная с 2002 г. не покрывает естественной убыли населения. Хотя в 2005 г. отмечен некоторый рост положительного сальдо в миграционном обмене со странами СНГ, но в целом по-прежнему межрегиональная миграция стабильно характеризуется оттоком населения из области. По данным Департамента занятости населения Оренбургской области, в 2005 г. требовались сотни водителей, токарей, штукатуров, каменщиков, газорезчиков, трактористов, врачей. Остаются длительное время незаполненными вакансии плотников, слесарей, электромонтеров, монтажников и других рабочих специ-

альностей. Зато наблюдается избыток экономистов, юристов, бухгалтеров. В дальнейшем необходимость в мигрантах будет ощущаться все острее, так как наблюдается оживление и подъем экономики Оренбуржья (2).

Что касается этнического состава приезжающих мигрантов, то основную долю составляют русские, при этом 25% прироста обеспечивается за счет представителей народов, имеющих на территории округа национально-территориальные образования. В миграционном приросте за счет титульных наций округа 69% составляют татары, 12 – башкиры, 9% – чуваша. Доля русских в общем объеме миграционного прироста наиболее высока в Пензенской и Нижегородской (85%), Пермской (78%) областях, а самая низкая в Башкирии, Татарстане и Чувашии. Внутриокружная миграция характеризуется притоком населения в Самарскую, Нижегородскую области и Башкирию. В Нижегородской области, которая является центром Приволжского округа, в 1992–2000 гг. из 143 тыс. миграционного прироста населения 61,5 тыс. пришлось на прирост за счет внутрироссийской миграции (4).

Южный федеральный округ играет уникальную роль в формировании мощных встречных миграционных потоков, привлекая как иностранных, так и внутренних мигрантов и являясь при этом одним из основных регионов оттока мигрантов. По абсолютной величине миграционного прироста населения (за 1989–2002 гг. – 1103 тыс. человек) Южный округ уступал только Центральному (2181 тыс.) и немного превосходил Приволжский (1091,1 тыс. человек). При этом в приросте населения округа велика роль внешней миграции, обеспечивающей до 83% миграционного прироста населения, тогда как внутрироссийская миграция дает лишь 17% прироста.

Южный округ внутренне крайне неоднороден: республики Северного Кавказа, за исключением Адыгеи, потеряли в 90-х годах около 349,4 тыс. человек, а другие регионы округа приобрели 1452,5 тыс. человек. Основная часть выехавших из национальных республик осела в пределах Южного округа. Например, в Ставропольском крае большая часть прироста была обеспечена за счет притока населения из национальных республик округа. В последние годы с окончанием выезда русских подавляющее большинство перемещенных лиц из Чеченской Республики оседало в соседней Ингушетии. С другой стороны, именно вследствие миграции из Чеченской Республики и других регионов вооруженного противостояния Южный округ в 90-е годы терял население в обмене с Приволж-

ским и более чем на 80% – с Центральным округом. В 90-е годы Южный округ отдавал население Центральному и Приволжскому округам, принимая население из всех других частей страны (13).

Регионы, имеющие значительный прирост за счет внутрироссийской миграции, это Краснодарский и Ставропольский края, которые соответственно приняли 78,1 тыс. и 36,8 тыс. внутренних мигрантов в 1996–2000 гг. Очень большое значение для их миграционного баланса имеет миграция в пределах округа: для Ставропольского края она обеспечивает почти весь миграционный прирост, для Краснодарского – почти 40% прироста. В то же время Краснодарский край имеет высокоинтенсивные миграционные связи со многими регионами Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера. Это делает его крупным межрайонным центром миграционного притяжения. Также высокой миграционной привлекательностью выделяются Ростовская и Волгоградская области. Среди республик выделяется Адыгея, которая имеет положительный миграционный баланс почти со всеми территориями округа, а по абсолютным объемам притока – Ингушетия (в первую очередь за счет мигрантов из Чечни). Наиболее высокая убыль характерна для Чеченской Республики, которая только в другие регионы округа отдала около 200 тыс. человек.

В большой степени на миграционную привлекательность Южного федерального округа оказывает влияние географическое положение, а именно то обстоятельство, что он является наиболее близким регионом России для жителей не только Закавказья, но и республик Северного Кавказа, а также наличие на его территории курортных зон – Черноморского побережья Кавказа и района Кавказских Минеральных Вод.

В последние годы в России сформировалось еще несколько крупных центров, активно притягивающих население как из соседних, так и из отдаленных регионов. Повышающаяся позиция Северо-Западного округа в последние годы в значительной степени связана с привлекательностью Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В 1991–1995 гг. Санкт-Петербург испытывал миграционную убыль в обмене населением с другими российскими регионами – 17,7 тыс. Более благоприятные результаты отмечались в Ленинградской области – 28,4 тыс. человек, однако этому она обязана положительному балансу с Санкт-Петербургом. Во второй половине 90-х годов Санкт-Петербург с областью получили за счет внутрироссийской миграции 81,3 тыс. человек, отток населения шел только в основном в Москву и Московскую область и в незначительных размерах – в соседнюю Новгородскую область. При этом

миграция населения в столичный регион была полностью восполнена притоком из других регионов Центрального округа. В отличие от Москвы, в приросте населения северной столицы гораздо большую роль играет миграция из округов азиатской части страны, которая обеспечивает 44% миграционного прироста региона. Большое значение для пополнения населения Петербурга имеет также приток из региона Европейского Севера: Мурманская, Архангельская области, Республика Коми и Ненецкий АО отдают население преимущественно Центру и регионам Северо-Запада. Наиболее мощные миграционные потоки направлены в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, столичный регион, Краснодарский край, Нижегородскую и Белгородскую области (в сумме на эти регионы приходится 40% миграционных потерь) (12).

Практически во всех регионах, кроме Калининградской и Ленинградской областей, в 90-е годы произошло сокращение численности населения, и лидерами здесь являются северные территории – Архангельская, Мурманская области и Республика Коми, где количество жителей за десять лет уменьшилось на 10–20%. Резкие и слабопредсказуемые изменения динамики численности населения во многом были обусловлены бурными миграционными процессами начала 90-х, когда отток из северных регионов достигал 40–50 тыс. человек в год, а приток в Калининградскую и Ленинградскую области – 20–30 тыс. человек. Однако уже к 2000 г. миграционные процессы заметно стабилизировались и приобрели долгосрочную тенденцию.

По прогнозам экспертов Центра стратегических разработок «Северо-Запад», динамика демографических процессов в регионе до 2025 г. будет неутешительной. Через четверть века в Мурманской области по сравнению с 1990 г. останется половина населения. Калининградскую область ждет сокращение численности на 10%. 30%-ная убыль населения будет наблюдаться в Санкт-Петербурге. Если предположить самое невероятное – подъем рождаемости до уровня 1985 г. (15 новорожденных на 1000 населения), то положительное сальдо воспроизводства населения все равно останется далекой и маловероятной перспективой из-за неблагоприятной половозрастной структуры. В 90-е годы родилось очень мало детей, которые через 20 лет войдут в детородный возраст. Молодежи от 15 до 30 лет, у которой возможно появление детей сегодня, также немного (к примеру, в Псковской области всего до 40 тыс. человек).

Таким образом, эксперты Центра стратегических разработок «Северо-Запад», проанализировав демографическую ситуацию в Северо-Западном регионе России, сформулировали три сценария демографического развития региона. По пессимистическому варианту, т.е. если все демографические процессы (миграция, смертность и рождаемость) останутся на уровне 2000 г., через четверть века население округа уменьшится на 26% и составит чуть более 10 млн. человек. По среднему варианту (увеличение рождаемости вдвое, уменьшение смертности при неизменном уровне миграции) численность населения уменьшится на 13% и составит около 13 млн. человек. Лучший вариант прогноза – оптимистический – возможен, если получит развитие так называемая ленинградская агломерация, т.е. суперурбанизированная территория, включающая Санкт-Петербург, Ленинградскую, северные части Новгородской и Псковской областей. В результате бурного экономического развития этой территории из-за пределов округа в нее могут быть привлечены около 2 млн. мигрантов. В этом случае за четверть века численность населения Северо-Запада сохранится на уровне 14 млн. человек. В любом случае, даже при повышении рождаемости и снижении смертности, в ближайшие десятилетия рост и даже стабилизация численности населения на Северо-Западе возможны только за счет миграции (22).

Вместе с тем самым мощным центром притяжения мигрантов является Центральный округ, а именно Москва и Московская область. Миграция – важный фактор социально-экономического развития Москвы. Благодаря притоку иногородней рабочей силы обеспечена устойчивая работа многих секторов экономики города (строительство, транспорт, коммунальное хозяйство, общая экономическая деятельность и др.). За счет миграции поддерживается демографический баланс в городе. Общую тенденцию увеличения населения Москвы за счет мигрантов подтверждают статистические данные: так, в 2005 г. миграционный прирост в столице составил 75,4 тыс. человек, а уехало из столицы порядка 25,8 тыс. Показательно, что среди прибывающих в Москву мигрантов до 75% составляют люди трудоспособного возраста. Ежедневная маятниковая миграция жителей Подмосковья в Москву составляет около 2 млн. человек, из них: 700–750 тыс. человек с трудовыми целями, 600–700 тыс. человек – с культурно-бытовыми целями, 60,0 тыс. человек – с учебными целями.

За 1996–2000 гг. только за счет внутрироссийской миграции столица получила 207,9 тыс. миграционного прироста. В среднем за год это более 40 тыс. человек, что составило 54% прироста всего Центрального федерального округа. Основной миграционный поток в Москву направлен из областей самого Центрального округа (40% миграционного прироста), а также Южного, Приволжского и Северо-Западного округов. На регионы восточной части страны приходится менее четверти миграционного прироста столицы (12).

В свою очередь, Московская область за счет других областей Центрального округа с лихвой восполнила отток населения в Москву. Основными миграционными донорами для Московской области являются соседние Тверская, Владимирская, Рязанская, Тульская и Калужская. Таким образом, Московская область имеет миграционный прирост со всеми регионами страны – за исключением Москвы.

В целом в Центральном округе только один регион, за исключением Москвы с областью, имеет положительный баланс миграции в пределах округа – Белгородская область. Она отдает население только Москве с областью и Санкт-Петербургу, со всеми другими регионами страны имеет положительное сальдо миграции. Положительное сальдо миграции в пределах Центрального округа имеют Липецкая, Орловская, Воронежская, Ярославская области, расположенные на некотором удалении от Москвы. В 1996–2000 гг. отток населения за счет внутрироссийской миграции испытывали Курская, Смоленская, Тульская, Тамбовская, Рязанская области, Республика Мордовия, население которых переезжает главным образом в другие регионы Центра. Интересен пример Смоленской области, которая, с одной стороны, является типичным провинциальным регионом Центральной России, а с другой – граничит со столичным регионом и Белоруссией. Близость Москвы как центра с наиболее развитым рынком труда способствует трудовой миграции из области рабочих и специалистов различного профиля. На Москву и Московскую область приходится до 95% всех выбывших из Смоленской области в другие регионы Центрального округа. Кроме того, Смоленская область представляет интерес для населения Белоруссии в качестве «трамплина» для последующей миграции в Москву (11).

Таким образом, одна из главных внутрироссийских миграционных тенденций последнего десятилетия – смена северного и восточного вектора внутрироссийских перемещений на южный и западный. Последствия оттока населения из северных и восточных районов России многоплановы. С точки зрения демографии налицо

процесс уменьшения численности и постарения населения этих территорий. Особенно ощутимы потери населения в Чукотском АО, Магаданской, Сахалинской областях и Республике Коми.

Вместе с тем особую значимость приобрели перемещения между соседними регионами, так как переезд на большие расстояния стал финансово и организационно более проблематичным, чем это было раньше. Кроме того, получить доступ к информации о регионах-соседях обычно легче, чем о более далеких территориях. Такие регионы, как Московская, Нижегородская области, Татарстан, Хабаровский край, выглядят привлекательными прежде всего для мигрантов из соседних областей. Впрочем, большинство из перечисленных регионов-реципиентов имеют положительное сальдо миграции в обмене с подавляющим количеством российских регионов, а не только с соседями первого порядка. На ярком примере Центрального округа прослеживается центростремительный характер миграционных процессов, характерный для основных центров притяжения мигрантов, существующих во всех регионах России (Санкт-Петербург – в Северо-Западном округе; Нижегородская, Самарская области и Татарстан – в Приволжском; Краснодарский и Ставропольский края – в Южном; Новосибирская область – в Уральском; Хабаровская и Иркутская области – в Дальневосточном округе): Центральный округ притягивает население из всех остальных федеральных округов, в пределах округа население стягивается в столичный регион, а жители Московской области активно переселяются в Москву.

Очевидный рост объемов внутрирегиональной миграции в современной России отражает процесс локализации пространственных перемещений населения и, как следствие, усиление замкнутости региональных рынков труда и сокращение перераспределения населения в регионы, где наблюдается нехватка рабочей силы. Таким образом, понижается роль миграции как инструмента развития национального рынка труда. С другой стороны, мобильность населения является важным фактором устойчивого развития экономики страны, что делает необходимым разработку конструктивной политики управления трудовой миграцией, которая может и должна стать действенным средством решения проблемы дефицита трудовых ресурсов на уровне регионов.

Список литературы

1. Авдеев Е.Н. Эффективность трудовой миграции населения Ставропольского края // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом Кавказском регионе: Тезисы международной научной конференции / Под общ. ред. Зайончковской Ж.А., Белозерова В.С. – М., 2001. – 192 с.
2. Амелин В.В. Толерантность принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам (пример Оренбуржья) // Региональный научный семинар: Восток России на пороге иммиграции (Центр миграционных исследований, Институт Кеннана, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН). – Екатеринбург, 26–28 апреля 2006 г. – Режим доступа: [http:// www.migrocenter.ru](http://www.migrocenter.ru)
3. Артоболевский С.С., Зайончковская Ж.А. Управление миграционными процессами // Миграционная ситуация в регионах России. – М., 2004. – Вып. 1. Приволжский федеральный округ. – 212 с. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
4. Артоболевский С.С., Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Современные миграционные процессы в ПФО // Миграционная ситуация в регионах России. – М., 2004. – Вып. 1. Приволжский федеральный округ. – 212 с. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
5. Аседулова М.У. О деятельности фонда «Новая Евразия» на Дальнем Востоке // Региональный научный семинар: Восток России на пороге иммиграции / (Центр миграционных исследований, Институт Кеннана, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН). – Екатеринбург, 26–28 апреля 2006 г. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
6. Витковская Г.С. Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область // Миграционная ситуация в регионах России. – М., 2004. – Вып. 2. Приволжский федеральный округ. – С. 13–59.
7. Вендина О. Мигранты в Москве: Грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. – М., 2005. – 88 с.
8. Габдрахманова Г.Ф. Влияние миграции на этническую структуру населения Татарстана // Миграционная ситуация в регионах России. – М., 2004. – Вып. 2. Приволжский федеральный округ. – С. 60–79.
9. Зайончковская Ж.А. Миграционная проблема – судьбоносная для России // Relga.Ru.: Научно-культурологический журнал – Ростов-на-Дону, 2006. – 1 сентября. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
10. Карачурина Л.Б. Миграции между регионами-соседями: Специфика, объемы, тенденции // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире / Материалы международной школы-семинара: Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов (3–22 августа 2003, Смоленск). – Смоленск: Универсум, 2003. – С. 81–91.
11. Катровский А.П., Сергутина С.А. Трудовая миграция и социально-экономическое развитие Смоленской области // Тезисы докладов и выступле-

- ний участников конференции «Миграция, социальные и межкультурные аспекты устойчивого развития», Москва, Государственный университет управления, 10–12 марта 2004 г. – Режим доступа: [http:// www.migrocenter.ru](http://www.migrocenter.ru)
12. Мкртчян Н.В. Из России в Россию: Откуда и куда едут внутренние мигранты. – Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru>
13. Мкртчян Н.В. Миграционная ситуация в Южном федеральном округе. – Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru>
14. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М., 2004. – 285 с.
15. Мотрич Е.Л. Миграция как фактор развития Дальнего Востока // Региональный научный семинар: Восток России на пороге иммиграции / (Центр миграционных исследований, Институт Кеннана, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН). – Екатеринбург, 26–28 апреля 2006 г. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
16. Новые формы занятости населения малых российских городов // Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 2. Трудовая миграция в России. – С. 67–78.
17. Ноздрин Н.Н. Влияние развития рынков жилья и труда на миграцию населения в российских регионах различного типа // Тезисы докладов и выступлений участников конференции «Миграция, социальные и межкультурные аспекты устойчивого развития», Москва, Государственный университет управления, 10–12 марта 2004 г. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
18. Пономаренко В.И. Рынок труда и миграция населения в Кузбассе // Региональный научный семинар: Восток России на пороге иммиграции / (Центр миграционных исследований, Институт Кеннана, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН). – Екатеринбург, 26–28 апреля 2006 г. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
19. Рощина Т.Г. Трудовая миграция как альтернативная форма занятости населения малых городов России // Тезисы докладов и выступлений участников конференции «Миграция, социальные и межкультурные аспекты устойчивого развития», Москва, Государственный университет управления, 10–12 марта 2004 г. – Режим доступа: <http:// www.migrocenter.ru>
20. Трудовая миграция как средство выживания семьи в России // Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 2. Трудовая миграция в России. – С. 28–41.
21. Российские «челноки»: Феномен трудовой миграции // Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 2. Трудовая миграция в России. – С. 42–66.
22. Шергина Н. Великое переселение ожидает российский Северо-Запад // Российская газета. – М., 2004. – 8 апреля – Режим доступа: <http://murman.ru>
23. Эшроков В.М., Авдеев Е.Н. Трудовая миграция в Ставропольском крае: Пространственно-временные особенности // Тезисы докладов и выступлений участников конференции «Миграция, социальные и межкультурные аспекты ус-

тойчивого развития», Москва, Государственный университет управления, 10–12 марта 2004 г. – Режим доступа: [http:// www.migrocenter.ru](http://www.migrocenter.ru)

РЯЗАНЦЕВ С.В., ТКАЧЕНКО М.Ф.
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ И РОССИЙСКАЯ
ДИАСПОРА = Labour migration from Russia and Russian dias-
pora / RYAZANTSEV S.V., TKACHENKO M.F.; РАН. Ин-т
социал.-полит. исслед. – М.; Ставрополь, 2006. – 52, 56 с. –
Встреч. паг. Текст парал. рус., англ. Библиогр: с. 50–52, 55–56.

Исследование сотрудников Института социально-политических исследований РАН С.В. Рязанцева и Ставропольского государственного университета М.Ф. Ткаченко, специалистов по миграционным процессам в России и за рубежом, посвящено проблемам трудовой миграции в России и формирования «новой» российской диаспоры за рубежом.

Монография состоит из восьми разделов. Первый посвящен методологии исследования и анализу источников информации; второй – масштабам и структуре трудовой эмиграции из России; третий – характеру российской диаспоры за рубежом; четвертый – трудовой миграции российских женщин; пятый – структуре женской трудовой миграции; шестой – трудовой занятости российских женщин за рубежом; седьмой – потенциалу трудовой миграции российских женщин и восьмой – основным направлениям совершенствования регулирования трудовой эмиграции из России.

Как отмечается в первом разделе, после распада СССР трудовая миграция для России стала масштабным и заметным социально-экономическим явлением. Значительное число жителей Российской Федерации и союзных республик устремились за границу в поисках заработка и улучшения своего экономического положения: по примерным оценкам, за границами страны трудится примерно 1,0–1,5 млн. соотечественников из России.

Авторы используют статистический и социологический методы исследования, опирающиеся на сравнительный анализ дан-

ных российской и зарубежной статистики. По их мнению, метод сравнения данных официальных источников дает достаточно много информации для оценки реальной численности трудовых мигрантов из России за рубежом. По их мнению, Федеральная миграционная служба (ФМС) призвана вести учет трудовых мигрантов, выезжающих за рубеж. В то же время авторы свидетельствуют, что ФМС фиксирует только часть внешней трудовой миграции – охватывает тех людей, которые трудоустроены через фирмы, имеющие лицензии на трудоустройство граждан России за рубежом. В то же время большое количество выходцев из России ищут работу за границей самостоятельно, некоторые выезжают за границу по туристическим визам, по частным приглашениям. Поэтому официальные данные о численности работающих за границей страдают неполнотой: в действительности за границей трудится гораздо больше лиц в сравнении с данными, сообщаемыми в официальных статистических источниках.

Для получения более полной картины о численности российских работников за рубежом авторы использовали данные национальной статистики тех стран, в которых трудоустраиваются эмигранты. Авторы опираются на сведения, собираемые и публикуемые ОЭСР. Эта организация проводит наиболее масштабную статистическую программу по исследованию миграции в целом и по трудовой миграции в частности практически по всем промышленно развитым странам и ряду стран с переходной экономикой на основе их национальной статистики. Авторы отмечают известные недостатки публикуемых сведений о численности выехавших из стран СНГ. В основном используются данные национальных переписей и текущего учета населения. Однако существуют серьезные проблемы с выделением граждан РФ и других стран СНГ из общей совокупности иностранцев в составе граждан, рожденных за рубежом и ныне проживающих на территории третьих стран. Кроме того, некоторые зарубежные страны продолжают публиковать только совокупные данные о численности лиц – уроженцев СССР, не выделяя граждан отдельных республик бывшего СССР, а также (как, например, в Великобритании) публикуя общие сведения о гражданах как союзных республик, так и государств Центральной и Восточной Европы. В ряде источников отсутствуют сведения о продолжительности проживания подобных граждан в отдельных странах.

Данные национальных переписей и текущего учета населения некоторых стран позволяют получить представление не только

об общей численности иностранного населения, рожденного за рубежом, в данной определенной стране, но и о его демографической и социально-экономической структуре, его размещении, о продолжительности проживания. Однако до сих пор сохраняется прежняя методика учета граждан бывшего СССР, в ряде случаев не выделяются национальные группы.

Во втором разделе подробно анализируются масштабы и структура трудовой миграции из России. Как отмечают авторы, в советские годы для развития внешней трудовой миграции существовали существенные ограничения. Инициатором выезда за рубеж, в том числе на заработки, выступал не только работник, но прежде всего государство. Оно само определяло направление и структуру миграции, приоритеты выезда, профессиональный, социальный и демографический состав миграции. Трудовая миграция специалистов выступала в качестве элемента помощи новым независимым развивающимся государствам Азии, Африки и Латинской Америки, особенно тем, кто выражал желание и готовность идти по пути строительства социализма. Поэтому для подобной трудовой миграции был характерен определенный профессиональный состав – инженеры, преподаватели, врачи, геологи, строители, специалисты в области мелиорации, военные специалисты, летчики и т.п. Некоторые из подобных специалистов после распада СССР задержались с возвращением на родину, стали невозвращенцами, продолжая работать в странах, куда были командированы.

Открытие границ страны после распада СССР, изменение выездного и въездного режима, распространение информации о возможностях эмиграции в условиях определенной нестабильности в России, снижения жизненного уровня в ходе реформ, свертывания некоторых отраслей экономики, распространения явной и скрытой безработицы создали фон для развития эмиграции с целью получить финансовые средства существования. Граждане России стали активными участниками международного трудового обмена. Они получили с 90-х годов практически полную свободу выезда за рубеж в поисках работы и лучших условий жизни. Авторы отмечают важную роль принятого в 1993 г. закона «О въезде в РФ и выезде из РФ», который ознаменовал начало подлинно свободного выезда за рубеж. Это привело к значительному возрастанию контингента трудовых мигрантов. На первом этапе это были достаточно востребованные на Западе высококвалифицированные специалисты и ученые, учителя, врачи, инженеры, спортсмены и технический персонал.

Россия вошла в клуб крупнейших экспортеров рабочей силы в зарубежные страны – по оценкам авторов, ежегодно только по контрактам на работу за рубежом стали выезжать 45–50 тыс. человек (с. 7). Основные направления подобной трудовой миграции – европейские страны (Кипр, Великобритания, Германия, Греция, Мальта, Нидерланды). Их особая привлекательность для эмигрантов – сравнительно близкое расположение от России, возможность в упрощенном порядке приобретать недвижимость, вкладывать вывезенный из России капитал. Трудовые мигранты осваивают рынки труда стран Азии и Африки. В то же время для русских эмигрантов в качестве направления миграции остаются менее популярными страны СНГ.

Авторы приводят данные об эмиграции из России в период 1994–2005 гг. При этом остаются несопоставимыми данные о выезде и прибытии мигрантов в отдельные страны, полученные на основании данных национальной статистики. Почти половину всех эмигрантов из России составляют лица со средним специальным образованием, тогда как лица с высшим образованием составляют треть выехавших за рубеж (с. 10). Около половины трудового миграционного потока составили лица с рабочими специальностями, прежде всего связанные с судоходством и рыболовством (они составили половину всех имеющих рабочие специальности). Примерно четверть всех трудоустроенных по контрактам – специалисты в технической области, а также в сфере искусства и культуры. По мнению авторов, шестую часть трудовых мигрантов составили менеджеры, руководящие работники (с. 11).

Особое внимание в работе уделено экономическим и финансовым последствиям выезда за рубеж. Международная трудовая миграция стала для многих жителей российской глубинки реальной возможностью выживания. Развитие выездов за рубеж с целью трудоустройства и получения дополнительных средств выживания стало благодатным полем деятельности для многочисленных фирм-посредников, включая и туристические агентства, и незаконно действующих лиц, зачастую не имеющих лицензию на этот вид деятельности. При этом речь идет не только о недобросовестных лицах в сфере выездного бизнеса, но зачастую о прямом обмане клиентов, в том числе в сфере деятельности по поставке проституток – кадров для оказания интим-услуг. При этом многие граждане, оказавшись за границей при прямом посредничестве коммерческих фирм, сталкиваются с неблагоприятной ситуацией, начиная с момента пересечения границ, а многие получают отказ в предостав-

лении им виз. Поэтому многие оказываются в положении нелегалов, не могут отстоять свои права перед работодателями, зачастую попадают в прямое рабство.

Как отмечают авторы, трудовая миграция из России имеет неоднозначные экономические, социальные, культурные и политические последствия. Главный экономический результат эмиграции – в значительном объеме денежных переводов от мигрантов на родину. Согласно оценкам МВФ, ежегодные поступления от мигрантов на родину в виде денежных переводов от российских гастарбайтеров в 2000 г. достигали 600 млн. долл., а по данным неофициальных источников, достигают ежегодно 3 млрд. долл. (с. 13). Для сравнения, гастарбайтеры вывезли из России за три месяца в 2006 г. 1,3 млрд. долл. В отличие от других стран СНГ эти переводы не играют принципиальной роли для экономики страны. Однако они служат важным подспорьем для семей мигрантов, остающихся в России. Как отмечают авторы, поступление этих денег увеличивает спрос на товары и услуги в стране. Кроме положительного эффекта денежных поступлений важную роль играет приобретение мигрантом ценных профессиональных навыков для возможного их применения в стране и развития народного хозяйства.

В следующем, третьем разделе авторы дают общую характеристику российской диаспоры за рубежом. Отмечается, что в начале 90-х годов за пределами стран СНГ и Балтии проживало примерно 2 млн. русских, в том числе примерно половина – в США, по 300 тыс. – в Израиле и Германии, примерно 150 тыс. – в Латинской Америке, около 100 тыс. – в Канаде. Эта часть диаспоры сформировалась в результате переселения в разные периоды и, по мнению авторов, может быть названа «старой» диаспорой. «Новую» диаспору образуют мигранты, выехавшие за рубеж с момента распада СССР. Характерной чертой этой диаспоры является ее социально-экономическая неоднородность: некоторые живут сравнительно долго в зарубежных странах, получили гражданство, другие оказались менее успешными в части интеграции в новое общество (с. 17).

Особую категорию образуют лица российской диаспоры в странах СНГ и Балтии. После распада СССР в этих странах оказались русские и представители других народов с территории РФ. В странах СНГ и Балтии в составе российской диаспоры в настоящее время находится, по оценкам авторов, примерно 20 млн. человек. Этим людей нельзя, строго говоря, считать мигрантами, хотя они и входят в состав российской диаспоры. Как считают авторы, чис-

ленность среди них трудовых мигрантов невелика, поскольку в этих государствах гораздо ниже, чем в России, уровень заработной платы. Их деятельность в странах Балтии связана с функционированием российских компаний и их представительств, а также с отраслями и предприятиями, для которых в этих странах не готовят специалистов – в сфере топливно-энергетического комплекса, машиностроения, химического производства. Занятость русскоязычных специалистов в этих отраслях на общем фоне незначительна.

Авторы подробно анализируют специфику положения русской эмиграции в отдельных странах – США, Германии, Великобритании, Ирландии, Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании, Нидерландах, Словакии, Греции, Португалии, Испании, Кипре, Турции, Японии, Южной Корее, Гонконге, странах Южной Америки, Африки. Работа за рубежом стала для многих выходцев из провинциальных городов реальным средством обеспечения своих оставшихся на родине родственников.

Четвертый раздел посвящен трудовой миграции российских женщин. Раздел начинается с анализа структуры женской трудовой миграции. Среди трудовых мигрантов, отправившихся на работу из России по трудовым контрактам в период 1994–2004 гг., женщины составляли в отдельные годы от 6 до 17% (с. 38). Авторы приводят возрастной, образовательный состав женщин, участвующих в миграции, рассматривают основные мотивы их выезда за рубеж. При анализе возрастной структуры выясняется, что среди выехавших за границу по контрактам преобладают молодые девушки и женщины в возрасте 18–29 лет. Основной контингент выехавших составляют две возрастные группы: в первую входят очень молодые девушки (до 20 лет), не закончившие или прервавшие свое образование; во вторую – молодые женщины в возрасте до 35 лет. Более старшие по возрасту составляют незначительную часть общего потока.

Далее рассматриваются условия работы россиянок за рубежом. Для анализа были использованы данные социологического опроса трудовых мигрантов в Ставропольском крае. В ходе опроса были выявлены случаи злоупотребления правами россиянок за рубежом (о чем заявили 76% опрошенных), проявившиеся преимущественно в недоплатах, несанкционированном продлении рабочего дня (92% случаев).

Пятый раздел монографии посвящен основным направлениям совершенствования регулирования трудовой миграции из России. Стратегия Российского государства в этой сфере должна включать совершенствование нормативно-законодательной базы и

всей системы защиты интересов трудящихся-мигрантов, заключение межправительственных соглашений со странами иммиграции россиян, привлечение соотечественников на родину с целью более эффективного использования приобретенных за границей навыков и знаний в российской экономике, а также сокращение стремления выехать за рубеж путем более рационального использования полученных знаний, повышение оплаты труда подобных граждан внутри России. Выделяется несколько ключевых направлений по регулированию трудовой миграции: правовое, административное, экономическое и информационное.

Правовое направление является прерогативой государственных органов на национальном и региональном уровнях. Основная цель – создание эффективного правового поля для деятельности различных агентов в сфере трудоустройства мигрантов за рубежом. Для этого авторы считают необходимым ратификацию всех международных соглашений по вопросам трудоустройства за рубежом и обеспечения безопасности работы трудовых мигрантов; создание национальной законодательной базы для обеспечения прав трудовых мигрантов за рубежом и наказания тех, кто нарушает права трудовых мигрантов; заключение двусторонних межправительственных соглашений со странами – потребителями российской рабочей силы за рубежом на основе международной нормативно-правовой базы, конвенций и рекомендаций ООН, МОТ, других органов. РФ уже подписала двусторонние соглашения с рядом стран – членов СНГ, в том числе с Арменией, Беларусью, Молдовой, Украиной, Кыргызстаном, а также со странами «старого» зарубежья – с Германией, Финляндией, Польшей, Швейцарией, Китаем (с. 50–51).

При всей важности подобных соглашений, отмечают авторы, можно также констатировать неизбежное устаревание и неполноту многих из них. Авторы считают необходимым совершенствовать некоторые из заключенных соглашений и увеличить их список с учетом значительного расширения географии выезда россиян за рубеж. Авторы отмечают необходимость совершенствования самого механизма подобных соглашений, развитие обмена информацией об условиях проживания и оплаты труда, возвращения и реадмиссии нелегальных мигрантов, совершенствования информативной базы о вакансиях и условиях, о потенциальных кандидатах для занятия определенных рабочих мест за рубежом, о медицинских требованиях к соискателям работы, об условиях проезда и получения разрешения на работу и т.п.

Важными направлениями работы, считают авторы, являются заключение многосторонних соглашений и региональное взаимодействие.

Административное направление регулирования трудовой миграции связано с совершенствованием организационной и управленческой деятельности федеральных и региональных органов власти. В частности, важным направлением является выработка минимальных стандартов разрабатываемых трудовых контрактов, которые должны быть зарегистрированы в Федеральной миграционной службе до отъезда мигранта за рубежи родины и согласования с потенциальными работодателями. Это призвано способствовать соблюдению их условий в странах иммиграции через национальных представителей.

Одновременно следует усилить контроль за деятельностью частных фирм и создать государственные службы содействия трудоустройству за рубежом в отдельных районах России, выработать стандарты их работы, качества и стоимости услуг, посредством выдачи лицензий контролировать работу частных агентств. Рекрутинговые агентства должны обеспечить финансовую гарантию исполнения обязательств. Должен быть зафиксирован максимальный размер оплаты за услуги рекрутинговых агентств и предусмотрено наказание недобросовестных агентств или поощрение отдельных агентств в виде налоговых льгот за качественное выполнение работы. Должны быть созданы условия по проверке кредитоспособности агентств по занятости и по проверке их трудовых контрактов. Разрешение на выезд дается после соответствующей проверки посольством.

Экономическое направление регулирования трудовой миграции представлено мониторингом социально-экономических условий в России, что должно способствовать сокращению оттока эмигрантов и стимулировать их возвращение на родину. Считаются целесообразными на государственном уровне анализ квот по приему работников различной квалификации, выявление наиболее перспективных направлений выезда гастарбайтеров за рубеж, привлечение мигрантов в производство с формами коллективной занятости, что призвано способствовать сокращению злоупотреблений и нарушений прав трудящихся-мигрантов. Для снижения оттока за рубеж экономически активных работников трудоспособного возраста следует повышать их экономическую активность за счет создания новых рабочих мест. Следует также способствовать привлечению денежных переводов мигрантов для инвестирования в российскую экономику, более активному использованию приобретенных мигрантами за рубежом профессиональной подготовки и полученных навыков.

Информационное направление авторы считают наиболее важным в процессе регулирования международной трудовой миграции, позволяя наиболее эффективно проводить работу по профилактике нелегальной миграции и трафика. Потенциальные мигранты должны получить информацию о требуемых для выезда и трудоустройства документах и разрешениях, о стране, куда направляются мигранты, о законодательной, трудовой и иммиграционной системе, о возможностях получения юридической и медицинской помощи. Как отмечают авторы, после распада СССР сформировалась модель миграционной политики с практически полным отсутствием государственного регулирования трудовой миграции за границу (с. 54). Как считают авторы, РФ нужно разумное участие государства в регулировании внешней миграции.

В.Г. Былов

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ **(Сводный реферат)**

- 1. МЕТЕЛЁВ С.Е. Перспективы социально-экономического развития страны и смена модели ее участия в международных процессах трудовой миграции / Рос. гос. торг.-экон. ун-т, Омск. ин-т (фил.). – Омск, 2006. – 86 с.**
- 2. МЕТЕЛЁВ С.Е. Международная трудовая миграция и регулирование миграционных процессов / Рос. гос. торг.-экон. ун-т, Омск. ин-т (фил.) – Омск, 2005. – 94 с.**

Разрабатываемые в настоящее время мировые демографические прогнозы применительно к Омской области указывают на сокращение и старение населения развитых стран, неизбежный рост потребностей их экономики в иностранной рабочей силе, что вызывает полемику вокруг проблем иммиграции. Традиционно считалось, что она обеспечивает принимающие общества недостающими трудовыми ресурсами и вносит весомый вклад в их экономическое развитие. Однако сейчас отчетливо проступают негативные социально-политические последствия иммиграции, такие как усиление угрозы терроризма, эрозия национальной идентичности, рост межэтнической конфликтности и политического экстремизма. Поэтому все чаще стал подвергаться сомнению ее, казалось бы, бесспорно позитивный хозяйственный эффект. Противники иммиграции связывают с ней увеличение безработицы, падение заработков коренного населения, повышение социальных расходов, замедление экономического роста и т.д.

Радикальное изменение демографической ситуации в России, связанное со сменой типа воспроизводства населения и возникновением

трудодифицитной экономики, усиливает значимость выработки модели миграционной политики, адекватной угрозам и вызовам XXI в.

В советский период экономика СССР развивалась в условиях роста трудовых ресурсов. Рыночные реформы 1990-х годов в России сопровождались глубоким кризисом, одной из составляющих которого было формирование значительного уровня безработицы. В конце XX – начале XXI в. произошло резкое ухудшение демографической ситуации в России, связанное с нарастающей убылью населения из-за отрицательного естественного прироста, что оказало глубокое влияние на социально-экономическое развитие страны. За 1992–2004 гг. естественная убыль населения в России составила 10,4 млн. человек, и эта тенденция сложилась в большинстве субъектов Федерации (1, с. 4).

Автор указывает, что российское население стареет и сокращается, и это будет продолжаться в течение последующих десятилетий. Уровень смертности в России исключительно высок, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Хотя проблемы старения и сокращения населения стоят перед многими европейскими странами, в Российской Федерации они отличаются особой остротой. В соответствии с основными демографическими показателями по всем странам мира World Population Data Sheet (WPDS) Россия находится на предпоследнем месте в мире по коэффициенту естественного прироста населения (-0,6%), уступая последнее место Украине (-0,8%). Согласно прогнозам WPDS, в 2004–2050 гг. темпы сокращения численности населения России составят – 17% (население сократится со 144 млн. до 119 млн. человек), что несколько выше, чем в странах Восточной Европы, у которых тоже ожидается сокращение населения (-19%), но значительно ниже, чем у соседей России в Северной Европе (8%), Западной Азии (60%) и на юге Центральной Азии (89%), где ожидается прирост населения. По оценкам ООН, численность населения России в 2050 г. будет еще ниже и составит 112 млн. человек. В то время как население России постепенно сокращается, начиная с 1992 г. население трудоспособного возраста особенно резко сократится после 2007 г. (прежде всего в центральных регионах страны), отражая долгосрочные последствия ситуации с рождаемостью, которая наблюдалась в 1980-х годах. Для полномасштабной компенсации такого сокращения населения потребуется ежегодный приток около 1 млн. иммигрантов работоспособного возраста, что в три раза больше среднего чистого притока иммигрантов в период между переписями населения 1989 и 2002 гг. (1, с. 20).

Население России сокращается с 1992 г., и, как показывают прогнозы, при сохранении нынешних тенденций это сокращение будет продолжаться. Россия быстро утрачивает свое место в мировой демографической иерархии. Население Российской империи по переписи 1897 г. составляло 129 млн. человек, или примерно 8% мирового населения, а России – 71,1 млн., или 4,4% (1900 г.). В 1950 г. доля России (РСФСР) в мировом населении составляла более 4%, а доля СССР – 7,1% (178,5 млн.). На 1 января 2001 г. – доля постоянного населения России сократилась до 2,4% мирового населения. Эта доля, по всем прогнозам, будет сокращаться и в дальнейшем. «Средний» вариант долгосрочного прогноза ООН определяет, что доля населения России в 2050 г. уменьшится в 2,2 раза, или до 1,1% населения мира (1, с. 20).

Автор указывает, что усиление несоответствия между численностью населения России и размером ее природно-ресурсного потенциала представляет важнейшую стратегическую угрозу. Россия всегда была слабоосвоенной страной с очень низкой плотностью населения. Ситуация ухудшилась после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения. Если России недостаточно ее нынешнего населения, то она тем более будет испытывать трудности при сокращении его численности. Европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России – 27 человек на 1 кв. км, в США – 29), но по сравнению со странами Западной Европы не слишком населено даже ее историческое ядро. Одна пятая населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3% ее территории. Но и здесь плотность населения (свыше 62 человека на 1 кв. км) почти вдвое ниже, чем в Европейском союзе (119 человек на 1 кв. км). Что же касается азиатской части страны, то проблема ее заселения так и не была решена. Азиатская Россия занимает 75% всей территории страны, но в ней проживает всего 22% ее населения при плотности 2,5 человека на 1 кв. км (1, с. 27).

Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и создания развитой системы расселения. Кроме того, население Азиатской России убывает быстрее, чем население всей страны. Вместе с тем демографический потенциал соседних государств явно избыточен, они имеют динамично растущее население, но ограниченные земельные и другие природные ресурсы.

Природные ресурсы составляют основу и определяют будущее развития мировой цивилизации. Благосостояние стран, их экономическая независимость, геополитическая роль в мировом сообществе во многом определяются богатством недр и наличием средств, необходимых для их рационального использования в национальных интересах.

По сравнению с большинством стран мира Россия занимает громадную территорию, на которой сосредоточены значительные и весьма разнообразные природные ресурсы. По объему разведанных запасов минерального сырья Россия занимает ведущее место в мире. Валовая потенциальная ценность разведанных балансовых запасов основных видов полезных ископаемых России в начале третьего тысячелетия оценивалась почти в 30 трлн. долл., а прогнозный потенциал – в 150 трлн. долл. Оценки экспертов Мирового банка несколько отличаются от данных Госкомгеологии. В частности, специалисты МБРР в конце 90-х годов прошлого тысячелетия оценивали запасы полезных ископаемых в России в 10 трлн. долл. Для сравнения аналогичные оценки по Бразилии составляли 3,3 трлн. долл., по Китаю – 662 млрд. долл., по Индии – 452 млрд. долл. Необходимо отметить крупномасштабность и комплексность природно-ресурсного потенциала страны. Природные ресурсы России являются прочным фундаментом для устойчивого развития экономики в режиме расширенного воспроизводства и международного сотрудничества.

Однако нельзя исключать возможность, что в будущем мировое сообщество придет к выводу о необходимости компенсировать России (как и некоторым другим государствам) потери от неосвоенности обширных территорий, являющихся мировым биосферным резервом. Таким образом, Россия имеет огромный экологический потенциал. В частности, только возможность продать часть неиспользованных квот на выброс в атмосферу парниковых газов, что составляет около 250 млн. т в год, в перспективе может принести России, по различным оценкам, от 3 млрд. до 10 млрд. долл. (1, с. 31).

В долгосрочном периоде миграционная ситуация в России будет складываться под воздействием разнообразных сил, вектор которых обусловлен переходом национального хозяйства на траекторию инновационного развития, реализацию ее ключевых преимуществ – научно-технических и природно-территориальных – в условиях существенного сокращения численности ее трудоспособного населения. Трудodefицитный характер развития национального хозяйства становится его фундаментальным параметром и качественно новым явлением для

России. Для выработки стратегии развития национальной экономики, адекватной вызовам XXI в., важным становится критическое переосмысление сложившихся в хозяйственной жизни и теории подходов, в которых не учитывается должным образом сложное влияние качественных и количественных переменных человеческих ресурсов на изменение динамических и структурных параметров российской экономики.

Поддержание устойчивого и динамичного роста российской экономики и укрепление ее конкурентных позиций в мире требуют в перспективе повышения качества человеческого капитала, социально-экономической и территориальной мобильности. Вместе с тем в предстоящем периоде существенное влияние на динамические и структурные параметры будут оказывать изменения объема привлекаемых трудовых ресурсов.

Важнейшей отличительной особенностью развития российской экономики в долгосрочном плане является высокая зависимость возможностей получения научно-технической и природно-территориальной ренты в условиях сокращения численности трудоспособного населения от привлечения в страну дополнительных людских ресурсов. Повышение производительности национальной экономики и душевого ВВП будет во многом определяться улучшением производственно-хозяйственной структуры занятых. Технологическая многоукладность российской экономики и огромное разнообразие ее ресурсно-территориального потенциала приводят к формированию сложной взаимосвязи между качеством человеческих ресурсов и производительностью национального труда, поскольку последняя в значительной степени зависит от территориального распределения трудовых ресурсов и их численности, что, в свою очередь, во многом определяет возможности использования научно-производственного и природно-территориального потенциала страны.

Природно-территориальные и технологические различия условий хозяйствования в России приводят к тому, что сокращение дефицита трудовых ресурсов на основе привлечения иностранной рабочей силы в пределах иммиграционной емкости способно стать важным фактором повышения производительности экономики и увеличения выпуска ВВП на одного занятого. Рост производительности совокупного труда может достигаться при этом за счет того, что увеличение численности работающих даже при вовлечении работников с невысокой квалификацией способно привести в российских условиях к благоприятным изменениям в структуре занято-

сти. Можно выделить следующие долговременные причины, которые приводят к росту ВВП на одного работающего при вовлечении в российскую экономику трудящихся-иммигрантов.

1. Привлечение на работу квалифицированных и прежде всего высококвалифицированных специалистов позволит экономить на затратах на их обучение и получать эффект за счет улучшения качественной структуры занятых. Так, в США более 40% работающих докторов наук в области инженерных и компьютерных дисциплин и 25% преподавателей университетов являются выходцами из других стран. По оценкам, чистый выигрыш от привлечения в страну «среднего» ученого в области естественных наук составлял в 1990-е годы более полумиллиона долларов. В связи этим возникает огромная суммарная экономия принимающих стран в сфере образования и научной подготовки кадров в результате использования «интеллектуальных мигрантов» (1, с. 33).

Для России данный источник является ограниченным из-за ее значительного отставания от развитых стран по уровню жизни населения, однако и он может иметь существенное значение.

2. Даже привлечение низкоквалифицированной иностранной рабочей силы может позволить улучшить структуру занятости. Трудовые мигранты, становящиеся на нижнюю ступеньку лестницы занятости, могут способствовать повышению занятости на верхних ступеньках этой лестницы. При этом для местных жителей возникает возможность вернуться на рынок квалифицированной рабочей силы и занять рабочее место в соответствии со своим образованием.

Обычно большая доля трудовых мигрантов являются работниками с низким уровнем профессиональной подготовки и квалификации, но существенная часть внешних мигрантов занимают те рабочие места, которые являются непривлекательными для местных жителей. Последние, даже оказавшись безработными, будут предпочитать не выполнять подобные виды работы и жить, используя гарантии системы социального обеспечения. В связи с этим трудовые мигранты не вступают в конкуренцию за часть рабочих мест, которые связаны с выполнением непрестижной, низкооплачиваемой работы (работа на производстве и в строительстве, уборка помещений и улиц, вывоз мусора и т.д.).

3. Привлечение трудовых мигрантов, способствующее устранению дефицита рабочей силы, позволяет более успешно осваивать новые территории и их природные ресурсы, осуществлять прогрессивные структурные изменения в экономике. Весьма показателен

пример стран Персидского залива, где приток нефтедолларов в 1970-е годы при ограниченной численности местного населения оказался бы бесполезным для развития национальной экономики, если бы не было возможности привлечь рабочую силу из других стран. Иностранцы рабочие в Германии являлись наряду с германскими гражданами творцами немецкого экономического чуда. По подсчетам немецких экономистов, вклад иностранных трудящихся в рост ВВП Германии в начале 1970-х годов составлял более 40%.

4. Дефицит трудовых ресурсов в современной России является важным фактором, блокирующим формирование конкурентоспособных территориально-производственных структур инновационного типа. Приток рабочей силы в страну может позволить повысить уровень концентрации трудовых ресурсов и получать дополнительный эффект от кластеризации экономики и развития территориально-производственных комплексов, а также избежать попадания в демографо-территориальные ловушки, возникающие при оттоке населения из неблагоприятных регионов.

5. Рост занятых иммигрантов стимулирует увеличение числа квалифицированных рабочих мест, поскольку трудовые мигранты одновременно выступают и как потребители. Им потребуются дома и квартиры для проживания – значит понадобится дополнительное строительство. Они будут питаться – значит возникнут дополнительные рабочие места в сфере производства и распределения продуктов питания. Они будут добираться до мест работы на общественном транспорте – потребуются дополнительные автобусы, водители и т.д. Если число мигрантов значительно, эти рабочие места могут быть многочисленны, хотя их появление не столь очевидно, как работа, выполняемая самими мигрантами. Таким образом, в ходе своего пребывания в стране, где они работают, трудовые мигранты тратят часть заработанных денег на производимые там товары и услуги, что способствуют созданию рабочих мест для других. Еще одним примером того, как приезд мигрантов может способствовать возникновению рабочих мест для местных жителей, может служить создание банковской инфраструктуры в районах концентрации мигрантов. Необходимость открытия банковских филиалов диктуется потребностью мигрантов переводить часть заработанных денег на родину. Естественно, служащими банка выступают местные профессионалы. Аналогично потребность мигрантов в юридических услугах может стать причиной появления

новых юридических контор, в которых лицензии могут получить только местные юристы.

6. В условиях трудодефицитной экономики иммиграция способствует росту предложения рабочей силы и конкуренции на рынках труда, повышению уровня требований к работнику и подстегивает рост образовательной и профессиональной подготовки, снижению уровня издержек производства продукции и повышению конкурентоспособности национальной экономики в связи с привлечением более дешевой рабочей силы, повышением конкуренции на рынке труда и социально-экономической мобильности населения.

7. Низкая территориальная мобильность населения становится важнейшим фактором, значительно ограничивающим осуществление эффективных территориально-отраслевых изменений в российской экономике. Привлечение трудовых мигрантов, обладающих высокой подвижностью, непосредственно способствует повышению территориальной мобильности. Кроме того, иностранные рабочие способны создавать конкуренцию местным жителям на рынках труда, так как они соглашались работать за меньшую плату и менее притязательны. В связи с этим местные жители бывают вынуждены перемещаться в другие районы страны. Международная трудовая миграция приводит к появлению косвенных стимулов внутренних миграционных передвижений и в связи с тем, что способствует повышению миграционной привлекательности территорий, создавая дополнительные ресурсы для их социально-экономического развития.

8. Активизация страны на мировом рынке рабочей силы стимулирует осуществление структурных изменений в экономике, обусловленных развитием внешнеэкономических связей, торговли, привлечением иностранного капитала, эффективных технологий, методов производства и использования зарубежного опыта.

9. С расширением объемов производства и внутреннего рынка увеличиваются возможности получения ренты от положительного эффекта масштаба экономии, обусловленной ростом масштабов производства и реализации продукции и услуг.

Таким образом, в стратегической перспективе динамика производительности экономики будет в значительной степени зависеть не только от улучшения качества используемых человеческих ресурсов, но и от их количества. Устранение дефицита рабочей силы за счет привлечения иммигрантов будет являться важным фактором повышения производительности. Для реализации сравнительных преимуществ российской экономики важно радикально изменить

отношение к иммиграционному ресурсу как малоценному и мало-значимому, осуществлять динамические и структурные изменения национального хозяйства в контексте иммиграционного вызова и возрастания роли иммиграционного ресурса в его развитии. В связи с этим в целях формирования результативного механизма социально-экономической адаптации иммигрантов требуется предусмотреть необходимые изменения в формировании социальной инфраструктуры, системы общего и профессионального образования и т.д.

Нынешний глубокий демографический кризис следует рассматривать шире, чем просто процесс депопуляции населения, переживаемый практически всеми развитыми странами мира. Он связан с ухудшением всех демографических показателей: быстрое снижение рождаемости, сокращение брачности и рост разводимости, снижение средней продолжительности жизни, резкий рост смертности, в первую очередь среди мужчин трудоспособного возраста, сохранение высокой младенческой смертности, высокие показатели эмиграции, приводящей, в частности, к «утечке умов», и как результат – устойчивая абсолютная убыль населения, ухудшение качественных его характеристик, кризис семьи и нарастающее старение населения.

Сложность демографической ситуации уже в ближайшем будущем может стать главным препятствием, затрудняющим социально-экономическое развитие страны из-за резкого возрастания социальных расходов в связи со старением населения и обезлюдения отдельных территорий. В данных условиях иммиграцию иностранных граждан иногда предлагается рассматривать как ключевой фактор, который способен радикально изменить к лучшему демографическую ситуацию и обеспечить рост населения страны. Конечно, миграционный прирост за 1992–2002 гг. примерно наполовину компенсировал естественную убыль населения. Однако сомнительно, что только международная миграция способна благополучно разрешить проблемы демографического кризиса. По прогнозам ООН, численность населения планеты возрастет с 6,1 млрд. человек в 2001 г. до 9,3 млрд. к 2050 г. Для России соответствующие показатели естественной динамики населения равны 144 млн. и 114 млн. человек. Эксперты указывают на то, что только для того, чтобы вновь достичь режима простого воспроизводства, в России ежегодное сальдо миграции должно быть устойчиво положительным и составлять от 700 тыс. до 1,7 млн. человек; реального сокращения трудовых ресурсов в России можно ожидать только после 2010 г. При сохранении нынешних тенденций для воспол-

нения трудовых ресурсов понадобится трудовая иммиграция на уровне 500 тыс. человек ежегодно (1, с. 38).

Иммиграция может сгладить в определенной мере существующий демографический кризис, что, конечно, важно – смягчить отрицательные демографические последствия, в определенной мере решить отдельные региональные демографические проблемы, но не более. Пример развитых стран убедительно показывает, что миграция может быть относительно эффективным средством лишь в условиях депопуляции.

Выход из демографического кризиса в России и ее дальнейшее поступательное развитие возможны только при комплексном подходе, а именно: при стимулировании роста рождаемости или по крайней мере ее стабилизации; уменьшении смертности; привлечении мигрантов; формировании отношения к человеческой жизни как самой главной ценности государства. В соответствии с этим и следует разрабатывать меры демографической политики в целом и миграционной политики в частности. В то же время на определенных отрезках времени в решении конкретных задач международная миграция может сыграть положительную роль. Так, уже через семь-восемь лет Россия столкнется с абсолютным сокращением численности рабочей силы, поскольку в трудоспособный возраст вступят немногочисленные родившиеся в кризисные годы распада СССР, а выходить из трудоспособного возраста будут многочисленные когорты послевоенного поколения. И это будет не просто проявлением очередной демографической волны: впоследствии число вступающих в трудоспособный возраст будет устойчиво меньше, чем число выходящих из него. По крайней мере отчасти, это сокращение численности национальной рабочей силы может быть компенсировано за счет привлечения иностранных работников. Эти и другие вопросы и должны найти отражение в миграционной политике, концепция которой, несмотря на почти пятилетние дискуссии по ней, так и не принята до сих пор, нет и стратегического государственного мышления в этой области.

Попытки улучшения демографической ситуации в стране на основе радикальной либерализации миграционного режима и массового привлечения иностранных граждан для пополнения национального рынка трудовых ресурсов весьма опасны. Об этом свидетельствует не только отечественная практика периода рыночных реформ, но и опыт западных стран – основных реципиентов мировых миграционных ресурсов. Так, страны Западной Европы, проводившие ли-

беральную иммиграционную политику, из-за резкого обострения социально-экономических и межэтнических проблем вынуждены были отказаться от нее. В связи с этим они ужесточили условия получения иностранными гражданами прав на жительство, временную и постоянную работу, предоставления гражданства.

Перспективы роста российской экономики тесно связаны с теми структурно-экономическими изменениями, которые будут происходить в Сибири и в пространственном развитии страны в целом в прогнозируемом периоде.

В современных условиях все более настоятельной становится проблема выбора эффективной стратегии пространственного развития, исходя из того, что важным является не только использование факторов динамизации темпов роста экономики, но и существенная трансформация ее структуры, обеспечивающая развитие конкурентных преимуществ и производительности предприятий. Как свидетельствует мировой опыт, решающее значение для изменения сложившейся ситуации к лучшему имеют не столько сами по себе количественные показатели экономического роста, сколько его качественные параметры. Необходим поворот в сторону решения стратегических задач повышения производительности экономики на основе формирования инновационной модели ее развития, активного использования природно-ресурсного потенциала и полномасштабного освоения высоких технологий.

Переход российской экономики на инновационный путь развития потребует наращивания инвестиций в человеческий капитал, повышения его качества и изменения профессионально-квалификационной структуры, что может сократить долю работников с низкой квалификацией. Однако данный процесс не следует абсолютизировать, так как по-прежнему будет сохраняться в значительных размерах спрос на работников с невысокой квалификацией. Так, согласно прогнозу, к 2025 г. доля работников умственного труда в общем контингенте занятых увеличится с 41 до 50%, доля квалифицированных рабочих индустриальных отраслей экономики – с 36 до 43% (исключая работников сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и родственных видов деятельности). В условиях сокращения трудоспособного населения, которое будет составлять 8–10% в каждом пятилетии после 2010 г., важное значение будет иметь привлечение иностранной рабочей силы даже с невысокой квалификацией. Возрастающую угрозу экономическому росту будет способствовать как недостаточное использование труда международных мигрантов, ко-

торое возникает при проведении рестриктивно-ограничительной политики, так и избыточное их вовлечение, которое превышает иммиграционную емкость страны и может сложиться при реализации радикально-либеральной миграционной политики (1, с. 48).

Противоречивость последствий международной миграции указывает на то, что она может способствовать как социально-экономическому развитию страны, так и ее деградации, как стимулировать реформы, так и затруднять их ход. Соблюдение требований геополитической, социальной и экономической безопасности предполагает переход к управлению миграционными потоками с учетом институционально-технологических особенностей пространственного развития страны. При этом потоки международных мигрантов должны направляться на те территории, на которых они, во-первых, критически не меняют социокультурное пространство принимающего сообщества; влияние чужих культур на основе диалога наций должно быть в целом положительным и не наносить ущерб национальным ценностям; во-вторых, где спрос на рабочую силу превышает ее предложение и имеются вакансии рабочих мест; в-третьих, миграционный приток должен способствовать росту производительности экономики регионов в результате повышения качества человеческого капитала, улучшения его структуры и активизации инновационных процессов.

В современных условиях, как свидетельствует мировая практика, высокие темпы экономического роста в странах достигаются на основе реализации пространственно-поляризованной модели, а не в результате политики поддержания равномерного развития территорий. Инновационная волна при этом во многом формируется в отдельных «опорных регионах» за счет высокой концентрации научно-технических, финансовых административно-управленческих, социокультурных и других ресурсов и в дальнейшем распространяется на другие регионы страны.

С точки зрения потребности привлечения миграционных потоков в нашей стране имеются различные типы территорий – территория города-мегаполиса, территория инновационного развития и технологического трансферта, староиндустриальная территория, территория незавершенной индустриализации, сырьевая территория, приграничная территория и т.д. В связи с этим следует осуществлять селективную миграционную политику с учетом геополитических, культурно-исторических, природно-географических, производственно-технологических и других особенностей регионов. Важным фактором

социально-экономической дифференциации пространства современной России и ее ускоренного развития может стать реализация Федерального закона от 22 июля 2005 г. «Об особых экономических зонах».

Для выработки адекватной российским реалиям и вызовам XXI в. стратегии развития национальной экономики и иммиграционной политики следует пересмотреть утвердившиеся подходы, в которых недооценивается значимость человеческого капитала и дефицита человеческих ресурсов как факторов экономического роста и изменения его качества.

Важно учитывать, что связь между производительностью и качеством человеческих ресурсов в российской экономике в стратегической перспективе не будет являться жесткой. Производительность труда в существенной степени будет зависеть и от численности трудовых ресурсов, привлекаемых для производства природно-территориальной и научно-технической ренты, а при их значительном дефиците могут возникнуть дополнительные трудности, ограничивающие рост производительности труда. Поэтому, например, привлечение иностранной рабочей силы даже невысокой квалификации в границах иммиграционной емкости страны создает дополнительные источники не только для увеличения масштабов национальной экономики, но и активизации инновационных процессов и повышения ВВП на одного занятого при улучшении территориально-отраслевой структуры занятых и увеличения на данной основе производства научно-технической и природно-территориальной ренты.

В связи с этим необходимо отказываться от ошибочных подходов, которые возникают на основе представлений о наличии жесткой связи между производительностью национального труда и качеством человеческого капитала и абсолютизируют положение о том, что увеличение объема рабочей силы невысокого качества, например, за счет привлечения иммигрантов, всегда негативно сказывается на росте производительности труда совокупного человеческого капитала.

Сложившийся в стране миграционный обмен между регионами, обусловленный их миграционной привлекательностью, способствует возрастанию неравномерного распределения населения по огромной территории России, что усиливает диспропорции в размещении человеческого и природно-ресурсного потенциалов. Такая направленность потоков населения создает значительные социально-экономические и геополитические угрозы.

Хотя при этом и смягчаются негативные демографические изменения в регионах центральной части страны, однако одновре-

менно все более ухудшается демографическая ситуация в восточных и северных регионах, связанная с естественной убылью населения. И те и другие регионы в долгосрочной перспективе будут нуждаться в притоке рабочей силы, источником которой могут быть только страны ближнего и дальнего зарубежья.

В соответствии со средним вариантом прогноза Росстата предполагается общее сальдо внешней миграции за 2005–2025 гг. в размере 6,1 млн. человек, или 305 тыс. человек в год. За данный период сальдо миграции населения в трудоспособном возрасте составит около 60% от общего сальдо внешних мигрантов. Неравномерность сокращения трудовых ресурсов из-за естественной убыли населения в прогнозируемом периоде (наибольшее их сокращение ожидается в 2011–2015 гг.) требует регулирования потоков внешней миграции таким образом, чтобы они позволяли сглаживать провалы убыли населения в рабочих возрастах.

Согласно прогнозу Росстата, в период до 2025 г. будет сохраняться тенденция сосредоточения населения в Центральном и Южном федеральных округах, их доля в населении страны увеличится за 2002–2026 гг. соответственно с 26,3 до 27,3% и с 15,8 до 16,9%. Продолжится сокращение численности населения в Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, их удельный вес в численности населения страны снизится соответственно за 2002–2026 гг. с 9,6 до 9,0%, с 13,8 до 13,1% и с 4,6 до 4,4%. Сальдо миграции кардинально не изменит тенденции нарастания диспропорций в размещении населения по регионам страны. В Центральном федеральном округе положительное сальдо за 2005–2025 гг. увеличится в 2,4 раза и в 2025 г. на него будет приходиться около 80% общего сальдо страны (подавляющая часть притока придется на Москву и Московскую область). При этом в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах будет по-прежнему происходить отток населения, хотя в Сибирском округе за 2005–2025 гг. он сократится на треть, а в Дальневосточном он должен почти прекратиться. Таким образом, заложенный в прогнозе Росстата сценарий развития миграционных процессов предполагает сохранение сложившихся негативных тенденций в размещении населения и трудовых ресурсов по территории страны.

Регионы к востоку от Урала – Сибирь и Дальний Восток – являются стратегическим резервом выживаемости России и развития сравнительных преимуществ ее экономики. Вместе с тем включение России в мировые хозяйственные связи при неспособ-

ности эффективно управлять этим резервом в период экономического спада в 1990-х годах стимулировало укрепление за рубежом позиций сторонников концепции рассмотрения ресурсов Сибири и Дальнего Востока как достояние не только России, но и всего мирового сообщества. Зарубежные страны как на Западе, так и на Востоке заинтересованы в совместном освоении этих ресурсов, при этом они не исключают возможностей воспользоваться в своих интересах в случае усиления дезинтегрированных процессов в России появления сценария ее нового «полураспада».

В стратегической перспективе освоение ресурсов Сибири и Дальнего Востока – это новый потенциал, новая точка развития всего мира. По своему значению оно превосходит освоение запада США, освоение Канады и Австралии. Как свидетельствует практика, стратегия экономического развития на базе абстрактного либерально-экономического подхода пригодна для территориально компактных стран, для страны же с громадной территорией, с точечно-развитой переходной экономикой она разрушительна, дезинтеграционна. Она вызвала цивилизационно-этническое сжатие (депопуляция и отток населения) и является не признаком смерти восточных регионов, а признаком бифуркации, в которой этнос адаптируется к новой ситуации, а при правильной политике его ожидает период расцвета.

Реализуемая в настоящее время стратегия развития Сибири и Дальнего Востока не позволяет преодолеть негативные тенденции, которые вызовут социально-экономические процессы-следствия: 1) пассивный протест населения в форме усиления миграции из Сибири; активный протест в форме голодовок, забастовок и усиления сепаратистских настроений; 2) окончательную примитивизацию сибирской экономики и ее полную зависимость от конъюнктуры на мировых рынках сырья и полуфабрикатов; 3) уход сибирских участников внешней торговли в «тень» и усиление в этой связи криминализации данной сферы; 4) низкие темпы развития экономики Сибири, низкую инвестиционную активность, прогрессирующую деструкцию сферы жизнеобеспечения.

Россия, как и другие пережившие второй демографический переход развитые страны, тоже нуждается в привлечении мигрантов, испытывая мощный демографический напор перенаселенных соседних стран. При этом важно реально оценивать объективные границы миграционной емкости страны. Они связаны не только с меняющейся ситуацией на рынке труда в результате структурных

преобразований экономики, но и адаптационной способностью механизмов социально-экономической и культурной интеграции иммигрантов в принимающее общество. Миграционная емкость России, как и любой другой страны, эластична, она может быть увеличена путем осуществления адекватных реалиям мер. Но меры эти способны лишь в той или иной степени изменить границы миграционной емкости, но не могут их устранить.

В стратегической перспективе складывается качественно новый формат для социально-экономического развития России. Реализация ключевых сравнительных преимуществ национальной экономики – топливно-энергетического, научно-технического, сельскохозяйственного и транзитного – во многом будет зависеть от того, как будут использоваться преимущества, определяемые ее иммиграционной привлекательностью. Выработка адекватного стратегического ответа России на вызовы XXI в. должна обеспечивать укрепление ее позиций в мировой экономике на основе формирования научно-технической, природной и транзитной ренты. Существенный вклад в получение данной ренты способен внести иммиграционный ресурс. Для России ситуация во многом осложняется тем, что многие ее потенциальные конкурентные преимущества не могут быть реализованы при дефиците человеческих ресурсов. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые природными ресурсами, в том числе такими важными для XXI в., как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в трудовых ресурсах, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенных стран ближнего и дальнего зарубежья. Выработка адекватного ответа на иммиграционный вызов XXI в. в ближайшие десятилетия может стать одной из главнейших задач для российского общества.

Низкая интенсивность внутрироссийской миграции, составляющая лишь 1,4% численности населения, ограничивает осуществление позитивных изменений в численности и структуре трудовых ресурсов территорий, сдерживая рост производительности. Это способствует формированию застойной безработицы особенно в депрессивных регионах, ведет к повышению социальной напряженности. Рост миграционной подвижности будет позитивно влиять не только на использование человеческого капитала нации, но и на формирование внешних потоков мигрантов, качественного и количественного их состава в связи с ростом конкурентоспособности на-

емных работников. Согласно инновационно-активному варианту прогноза Минэкономразвития России, в 2011–2015 гг. темпы роста ВВП повысятся до 7,0–7,4%. Структурные сдвиги в экономике будут происходить на основе приоритетного развития машиностроения и пищевой промышленности (рост в 1,9 и 2,3 раза). Увеличению миграционной мобильности будут способствовать повышение темпов экономического роста и формирование поляризованной его модели, что приведет к изменению миграционной привлекательности регионов, ускорению структурных сдвигов на территории страны, динамизации процессов перераспределения трудовых ресурсов между отраслями и регионами, повышению уровня доходов населения и снижению уровня безработицы. Важное значение при этом будет иметь результативность осуществления мер, которые призваны ослабить влияние на миграцию негативно действующих факторов, связанных с неразвитостью рынка жилья, отсутствием достоверной информации об условиях жизни и труда в регионе, высоким уровнем транспортных расходов при переезде в другую местность, сложной криминогенной обстановкой в стране и значительными угрозами терроризма, особенно в крупных городах.

Сценарий развития событий, который исходит из усиления сложившихся тенденций, связанных с существенным сокращением численности населения страны и углублением территориальных диспропорций в распределении трудового потенциала, остается возможным и весьма опасным. Вместе с тем имеют реальные и значительно более предпочтительные возможности изменения демографической и социально-экономической ситуации в будущем за счет проведения более активной миграционной и инновационно-экономической политики. В связи с этим в качестве минимально приемлемого выступает сценарий, который обеспечивает к 2025 г. сохранение доли федеральных округов в общей численности населения страны. Это предполагает рост численности населения Сибирского, Дальневосточного и Северо-Западного округов на 2,1 млн. человек по сравнению с прогнозом Росстата. Более предпочтительным является сценарий, позволяющий получить достаточный прирост численности населения в данных округах при повышении их удельного веса в общей численности населения страны. Для этого демографические ресурсы Сибирского, Дальневосточного и Северо-Западного округов должны увеличиться примерно на 5 млн. человек. Реализация данного сценария предусматривает существенное улучшение социально-экономической

ситуации в данных регионах и повышение их миграционной привлекательности, с тем чтобы значительно уменьшить отток населения из восточных и северных территорий с одновременным наращиванием его притока, что требует изменения отношения к ним Центра и мобилизации значительных финансовых ресурсов за счет повышения доли природно-территориальной ренты, оставляемой на развитие регионов. В рамках данного сценария потребуются также реализация дифференцированного подхода к освоению территорий и развитию территориально-институциональных структур. В южной части Сибири и Дальнего Востока, где имеются условия, благоприятные для постоянного проживания людей, потребуются направление ресурсов на модернизацию всего комплекса объектов производственного и социального назначения.

С.Е. Метелёв обращает внимание на то, что в 1990-е годы миграционные процессы в нашей стране формировались под влиянием, с одной стороны, глубокого экономического кризиса, распада СССР, прозрачности границ, взрыва национализма, межнациональных и этнополитических конфликтов, с другой стороны, демократизации общественно-политической жизни, реализации конституционного принципа свободы передвижений, становления рыночных отношений и приближения к мировому рынку труда. Современная миграционная ситуация является следствием сложной социально-экономической и общественно-политической обстановки в стране и за рубежом. Иммиграция из различных стран мира, прежде всего с нестабильной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, приобрела масштабный характер и многие иммигранты не могут получить законный статус для пребывания на территории России. Возникла тенденция превышения числа въехавших в Россию иностранных граждан над числом выехавших, в приграничных районах формируются иностранные общины, сокращается миграционный приток и миграционный прирост постоянного населения России; массовый приток вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, достигший пика в первой половине 90-х годов, постепенно снижается. В результате изменения по сравнению с предыдущими десятилетиями направлений внутренней миграции уменьшается население в северных и восточных регионах страны, наиболее богатых сырьевыми ресурсами, а также население приграничных территорий.

Рассматривая миграционную ситуацию, складывающуюся в Омской области, С.Е. Метелёв отмечает, что она представляет собой сложное социально-экономическое явление и отражает особенности

современного этапа социально-политического и экономического развития региона и России в целом.

В Омской области до середины 90-х годов наблюдался миграционный прирост за счет положительного сальдо внешней и внутренней миграции, однако в дальнейшем ситуация стала ухудшаться и с 1999 г. начинает складываться отток населения за счет внешней и внутренней миграции, при этом геополитическое положение Омской области, которая с юга граничит с Казахстаном, определяет во многом содержание миграционных потоков и делает ее активным участником международных миграционных процессов.

Анализ структуры миграционных потоков (межрегиональных и международных) в Омской области за 1997–2000 гг. свидетельствует о том, что за рассматриваемый период имело место существенное сокращение объема миграции. С 1997 по 2000 г. валовая миграция в области сократилась с 19 935 человек до 5425 человек, т.е. примерно в три с половиной раза. Основную роль в миграционном движении играют мигранты из стран СНГ и Балтии. Имел место набиравший темпы отток в другие регионы России: миграционный обмен в рамках Российской Федерации в 1997 г. составил 156 человек, в 2000 г. – (-3384) человека. Сальдо миграции с другими зарубежными странами было отрицательным за весь рассматриваемый период: в 1997 г. оно составило (-421), в то время как в 2000 г. – (-7995) человек (2, с. 34).

Структура мигрантов по национальному признаку отличается следующими характеристиками. Наибольшую часть мигрантов в Омской области составили русские и другие представители народностей, проживающих в Российской Федерации. За период 1997–2000 гг. их доля возросла с 67,3 до 83,1% (прибывшие) и остается довольно высокой среди выбывших – 80,2%. Удельный вес прибывших представителей стран СНГ и Балтии, который в середине 1990-х годов составлял почти треть, сократился к 2001 г. почти в 2 раза – до 16,4%. Незначительный процент (0,5%) составили прибывшие мигранты из других зарубежных стран. В том, что касается выбывших из Омской области, то в наибольшей степени среди них возросла доля казахов, украинцев, киргизов (2, с. 36).

Эти факты подтверждают общую для государств СНГ и регионов России тенденцию начала и середины 90-х годов этнической направленности миграционных процессов, когда представители титульных национальностей стремились в регионы своего традиционного проживания. Отчетливо эта тенденция проявилась, на-

пример, в Закавказье, где грузины со всего региона съезжались в Грузию, армяне – в Армению и т.д. В наибольшей степени этот процесс коснулся этнических русских, устремившихся в Российскую Федерацию из тех республик бывшего СССР, ставших самостоятельными государствами, где они рисковали остаться в роли этнического меньшинства, что при жесткой национальной политике новых властей грозило притеснениями, лишениями, потерей прежнего жизненного статуса, увольнениями и т.д.

Более половины мигрантов меняют место жительства по личным, семейным обстоятельствам. Если в 1997 г. по этим причинам иммигрировало в область 50,6% от общего числа прибывших, то в 2000 г. доля иммигрантов составила 62,4%. Аналогические показатели и в структуре эмигрантов: соответственно 52,2 и 62,4%. На втором месте по важности причин стоит возврат к прежнему месту жительства. Практически каждый шестой мигрирует по этой причине (15,6%). Обстоятельства, связанные с учебой и работой, занимают третье-четвертое места. Количество иммигрантов по этим причинам в 2000 г. сократилось почти в 2 раза по сравнению с 1997 г. Причина миграции из-за обострения межнациональных отношений незначительна. В 2000 г. удельный вес иммигрантов составил 1,2%, эмигрантов – 0,2%.

В динамике миграции за анализируемый период наметилась отрицательная тенденция: приток населения сменился оттоком. Если в 1997 г. миграционный прирост имел положительный показатель – 9230 человек, то в 2000 г. сальдо миграции имеет отрицательное значение – 4142. Число прибывших в область сократилось в 2000 г. по сравнению в 1997 г. в 1,4 раза, а выбывших – в 1,1 раза.

В структуре причин, вызвавших необходимость смены места жительства, главными остаются личные, семейные причины, затем идут факторы, связанные с работой. Так, среди прибывших мигрантов в возрасте 16 лет и старше в 1997 г. на первом месте стояла постоянная миграция, связанная с трудоустройством (14,1%), в то время как в 2000 г. на ее долю приходилось 9,9%, в 2004 г. – 8,8%. По личным, семейным причинам за этот период миграция выросла с 50,6 до 71,8%. Существенное место среди причин миграции занимают вопросы, связанные с учебой: в 1997г. – 12,2%, в 2000 г. – 10, в 2004 г. – 3,3%. Несколько выросла миграция в связи с возвратом к прежнему месту жительства: в 2004 г. – 15,4% при 13,2% в 1997 г. (2, с. 38).

Это происходит на фоне устойчивого снижения естественно-го прироста населения. Приведенный динамический ряд естест-

венного прироста населения Омской области в разрезе основных национальностей свидетельствует о неоднозначных процессах, характеризующих социально-экономическое развитие.

Так, в 1989 г. самые высокие показатели естественного прироста были характерны для русских (10 172 человека), немцев (1797 человек), казахов (1502 человека). Начиная с 1993 г. естественный прирост русского населения сокращается – в 1993 г. на 2246 человек, а в 1999 г. – на 9345 человек. Соответствующие показатели для украинцев – 975 человек и 1609 человек. В условиях демографического кризиса наблюдается общее сокращение величины естественного прироста населения области. Эта негативная тенденция продолжала углубляться в 1990-е годы. Если в 1989 г. только две национальности (евреи и латыши) из 11 наиболее представленных имели отрицательный естественный прирост (-116 и -21 человек соответственно), то в 1999 г. уже семь (русские, украинцы, евреи, латыши, татары, белорусы, эстонцы). В течение анализируемого периода сохранился положительный естественный прирост у казахов, немцев, азербайджанцев. Впрочем, абсолютное значение этого показателя снижается и по указанным национальностям. Так, естественный прирост немцев сократился за 11 лет в 19,1 раза, казахов – в 3,2 раза. Это связано во многом с миграционным оттоком представителей указанных национальностей за пределы Омской области и соответственно – абсолютным сокращением их численности (2, с. 39).

Общая численность населения сократилась на 2640 человек, только для русских и украинцев убыль составила 15 396 человек и лишь четыре национальности – немцы, казахи, армяне, азербайджанцы – обеспечили естественный прирост в размере 19 406 человек. Таким образом, демографическая ситуация в Омской области является достаточно типичной для многих регионов России, ее отличают следующие черты: естественный прирост населения характеризуется отрицательной тенденцией; из всех национальностей, населяющих область, наиболее отрицательные тенденции характерны для славянских народов – русских, украинцев, белорусов. В современных условиях складывается качественно новая демографическая ситуация, которая с неизбежностью приведет к изменениям в социальной сфере, трудовых отношениях и может повлиять на изменение в траектории развития экономики Омской области и в ее международных экономических связях. По мнению автора, многое будет зависеть от того, как будут вести себя тюркоязычные мигранты: ассимилироваться в русскоязы-

зычной среде (как это имело место до 1990 г.) или развивать автономные диаспоры с ориентацией на сохранение национальной культуры в рамках исламского мировоззрения.

По данным Всероссийской переписи населения за 1989–2002 гг., численность населения области сократилась на 63 тыс. человек, или на 2,9%, при этом в его национальной структуре удельный вес русского населения увеличился с 80,3 до 83,5%, казахов – с 3,5 до 3,9, армян – с 0,1 до 0,3, азербайджанцев – с 0,1 до 0,2%, но уменьшился удельный вес украинцев с 4,9 до 3,7, немцев – с 6,3 до 3,7, белорусов – с 0,5 до 0,4, а татар – остался на уровне 2,3%. За последние годы естественная убыль населения начала сокращаться. Так, в 2000 г. она составляла 10 350 человек, в 2001 г. – 10 304 человека, в 2002 г. – 9995 человек, в 2003 г. – 8433 человека, в 2004 г. – около 8 тыс. человек. При этом наметилась тенденция к уменьшению миграционной убыли населения, в 2001 г. она равнялась 10,2 тыс. человек, в 2002 г. – 7,8 тыс. человек, в 2003 г. – 9,6 тыс. человек, в 2004 г. – примерно 6 тыс. человек (2, с. 42).

В последние годы поток международных эмигрантов из Омской области оставался на достаточно высоком уровне – 9–11 тыс. человек. Основная их часть (более 80%) направлялась в страны дальнего зарубежья, а также в Казахстан (более 16%) (2, с. 43). Эмиграция на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья носит экономический характер и сопровождается оттоком из России квалифицированных кадров, что ведет к ослаблению научного, творческого и экономического потенциала страны. Поток прибывающих в Омскую область оставался меньше выбывающих, что обуславливало формирование миграционной убыли. Численность вынужденных переселенцев, основная часть которых формировалась за счет ранее постоянно проживающих в Казахстане, за 2000–2004 гг. сократилась с 22,2 тыс. человек до 3,5 тыс. человек, или в 6,3 раза (2, с. 43).

В Омской области, как и в России в целом, развиваются процессы внешней (межгосударственной) трудовой миграции в виде привлечения и использования труда иностранных граждан и лиц без гражданства и выезда российских граждан за границу с целью работы по найму (2, с. 43). Эти процессы сопровождаются нелегальным трудоустройством иностранцев, нарушением их трудовых и социальных прав.

Численность привлекаемых иностранных рабочих в Омской области за 2001–2004 гг. увеличилась с 835 до 1600 человек, или

почти в 2 раза. При этом доля удовлетворенных заявок на предоставление квоты на привлечение иностранной рабочей силы на территории области составила в 2004 г. 45%. Распределение легально привлекаемых иностранных работников в 2003 г. по отраслям экономики области складывалось следующим образом: в сельском хозяйстве было занято 39% данных работников, в торговле – 30, в строительстве – 21, в общественном питании – 6, в промышленности – 1, в других отраслях – 3%. Среди иностранных работников, получивших разрешение на трудовую деятельность на территории области, прибывшие из Китая составляли 65%, Кореи – 19, Вьетнама – 10, стран ближнего зарубежья – 6% (2, с. 45).

Омская область наряду с Красноярским и Ставропольским краями и другими регионами является субъектом РФ, в котором достаточно остро стоят проблемы нелегальной миграции. Ситуация во многом осложняется тем, что Омская область граничит с Казахстаном, с территории которого проникает в Россию, по имеющимся оценкам, до 90% нелегальных мигрантов, при этом на территории Омской области, по экспертным оценкам, находится 5–10 тыс. нелегалов и их число продолжает увеличиваться. Сложилась проблема легализации и социально-экономической адаптации иммигрантов, в том числе не имеющих статуса вынужденного переселенца или беженца.

В Омской области суммарный коэффициент рождаемости за 1990–2000 гг. снизился с 2,02 до 1,12, а в 2001 г. он составил 1,11. В последние годы наблюдается его некоторое повышение, в 2003 г. он достиг 1,34. В связи с этим коэффициент рождаемости на 1000 человек за 1990–2000 гг. уменьшился с 14,9 до 8,5 человека, а к 2003 г. он увеличился до 10,8 человека, в 2004 г. он составил 10,7 человека (2, с. 53).

Дополняя тенденцию снижения рождаемости с 1993 г., в области начала повышаться смертность населения. За 1990–2000 гг. общий коэффициент смертности возрос с 9,3 до 13,3 человека на 1000 человек населения, в 2003–2004 гг. он составлял 14,9 человека (2, с. 54). Снижение рождаемости и повышение смертности привели к тому, что естественный прирост, составивший в 1990 г. 5,6 человека в расчете на 1000 человек населения, сменился его убылью – 4,8 человека в 2004 г. Под влиянием процессов естественного и миграционного движения населения его численность за 1990–2000 гг. сократилась с 2158 тыс. человек до 2156 тыс. человек, а в 2004 г. она составила 2053 тыс. человек.

Сформировавшиеся тенденции в области естественного и миграционного движения населения определяют дальнейшее сокращение его численности. Согласно прогнозу, население Омской области к 2016 г. сократится по сравнению с началом 2005 г. на 150 тыс. человек, или на 7%, и составит 1,9 млн. человек.

Кроме того, сокращение численности населения будет сопровождаться активным его старением и более быстрым сокращением численности трудоспособного населения. Из-за процесса старения населения ухудшается его возрастная структура. К 2016 г. численность молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, будет почти в два раза меньше численности населения, выходящей за пределы трудоспособного возраста. За 2003–2015 гг. численность молодежи в возрасте 17–19 лет уменьшится со 120 тыс. человек до 54 тыс. человек, или в 2,2 раза. В связи со старением населения увеличится демографическая нагрузка на трудоспособное население, уменьшится объем подготовки квалифицированных кадров в специализированных образовательных учреждениях.

По прогнозам Росстата, Омская область к 2025 г. окажется в группе 14 субъектов РФ восточных и северных регионов с максимальным сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, которые являются территориями с устойчивым и значительным по масштабам оттоком населения. За 2005–2025 гг. население в трудоспособном возрасте может сократиться с 1300 тыс. человек до 950 тыс. человек, т.е. на 350 тыс. человек, или на 27%, миграция населения приведет к его убыли на 131,3 тыс. человек, в том числе трудоспособного – на 58,5 тыс. человек. Такое развитие событий из-за значительного сокращения трудового потенциала способно основательно усложнить трудности экономического развития и обострить социальные проблемы. В свою очередь это может породить новую волну миграционного оттока прежде всего молодежи, наиболее трудоспособных и квалифицированных кадров.

Для преодоления опасных тенденций в Омской области необходимо реализовать меры как демографической политики, направленные на снижение смертности и повышение рождаемости, так и иммиграционной политики, направленные на повышение иммиграционной привлекательности региона.

Для активизации хозяйственной деятельности в регионе необходимо осуществление мер с учетом влияния особенностей культурных и политико-правовых факторов. В связи с этим важна дебюрократизация и демократизация хозяйственной жизни при укреплении

легальной системы защиты прав собственности и интересов всех субъектов экономики. Кроме того, требуется развивать те формы предпринимательства, которые одобряются традиционной хозяйственной культурой, и пропагандировать те ценности, которые стимулируют предпринимательство. Вместе с тем имеющаяся законодательная основа регулирования миграционных отношений не в полной мере отвечает назревшим потребностям практики: она отстает от имеющегося опыта зарубежных стран, не в полной мере соответствует международным стандартам; сохраняет фрагментарный характер в регулировании отдельных направлений и видов миграции. Требуется: переработка законов в области миграционных отношений с целью создания более действенных механизмов регулирования и контроля над иммиграционными процессами, прежде всего – пресечения незаконной иммиграции и незаконного вывоза российских граждан за пределы территории государства; интеграция мигрантов в социальные и экономические условия жизни страны, оптимизация миграционных потоков. Необходимы меры экономического и организационного характера: полная демаркация государственных границ, поддержание и оборудование границ, развитие системы кадровой подготовки специалистов миграционных служб и др. Для успешного решения насущных задач трансформации региональной экономики и формирования механизмов ее устойчивого и динамичного роста в современных условиях особое значение приобретает разработка с учетом международного опыта и российских реалий системы мер борьбы с нелегальной миграцией.

Учитывая многообразие видов миграции, их неоднозначность для реализации целей и задач социально-экономического развития, необходимо проводить политику, базирующуюся одновременно на нескольких принципах миграционного регулирования, важнейшими из которых являются:

ограничительный – для сдерживания потоков вынужденной внутренней и внешней миграции с учетом реальных (на данный момент весьма ограниченных) ресурсных возможностей региона;

избирательный – для принимаемых (регистрируемых) мигрантов, учитывая их профессиональные и иные возможности для адаптации к условиям крупнейшего мегаполиса, а также другие основания их пребывания (проживания) в регионе (наличие прямых родственников, приобретенная недвижимость и др.);

либеральный – для привлечения иностранной рабочей силы в трудонедостаточные отрасли города (строительство, транспорт,

коммунальное хозяйство, промышленность и др.), куда коренные жители идут неохотно, а также для маятниковой миграции, что обеспечивает развитие экономики города;

замещающий – для замещения иностранной рабочей силы (где это экономически и технологически возможно) временной рабочей силой из регионов;

стимулирующий – для привлечения иностранной рабочей силы, связанной с созданием дополнительных рабочих мест для жителей города;

сдерживающий – для предотвращения масштабного оттока высококвалифицированных кадров для работы за рубежом («утечки умов»); для сокращения фиктивной (например, брачной) миграции и др.;

запретительный – для противодействия нарушению мигрантами регистрационного режима пребывания в регионе; противоправного привлечения и использования иностранной рабочей силы, незаконного экспорта рабочей силы за рубеж;

возмездительный – для свободной (не вынужденной) миграции, связанной с приобретением жилья только по коммерческим (рыночным) ценам, учитывающим земельную ренту и полное возмещение расходов города на развитие социальной и инженерной инфраструктуры.

В настоящее время важное значение имеет эффективность контроля за миграцией населения, активное противодействие негативным тенденциям в развитии миграционной обстановки в интересах законных мигрантов и постоянного населения. Для создания благоприятных условий социально-экономического развития в области трудовой миграции должны быть решены следующие ключевые вопросы: четкое распределение и долгосрочное закрепление функций государственных органов, в компетенцию которых входят вопросы, касающиеся регулирования внешней трудовой миграции и усиления координации и взаимодействия между ними; проведение политики, ориентированной на привлечение иностранной рабочей силы, прежде всего из стран СНГ, наиболее адаптированной к жизни в России, и сохранение высококвалифицированных специалистов, дифференцированной интеграции в международный рынок труда не в ущерб собственным экономическим и военно-политическим интересам; создание системы информирования населения по вопросам внешней трудовой миграции. Формирование в общественном сознании россиян понимания важности и роли ле-

гальной внешней трудовой миграции в деле скорейшей адаптации трудового и интеллектуального потенциалов России к требованиям международного рынка труда, способствующих увеличению класса предпринимателей в регионах, притока инвестиций, привлечения и использования ноу-хау, поступления валютных переводов семьям трудящихся-мигрантов и т.д.; усиление ответственности за соблюдение установленного порядка использования иностранной рабочей силы с введением дифференцированных уровней штрафных санкций: от предупредительного до запретительного; разработка перспективных методов экономического и административного регулирования процессов привлечения иностранной рабочей силы; четкая регламентация деятельности посреднических организаций и тесное сотрудничество государственных органов с теми из них, которые положительно зарекомендовали себя; координация действий министерств труда и образования в организации системы подготовки и переподготовки различных категорий специалистов, в том числе сферы внешней занятости, работающих в коммерческих, общественных и государственных структурах, во избежание подготовки ненужных специалистов одним министерством и оплаты пособий по безработице другим министерством; совершенствование системы лицензирования. Проведение страхования ответственности российских юридических лиц, имеющих лицензии на право осуществления деятельности, связанной с трудоустройством граждан Российской Федерации за границей; максимальное содействие молодежи в оформлении (наравне с гражданами других стран) права участвовать на общих основаниях в международных молодежных программах «Работа, стажировка» (в качестве школы рыночной экономики и подготовки кадров на международном уровне), оказание помощи в упрощении процедуры оформления документов, в снижении их стоимости.

В настоящее время возникла настоятельная потребность повышения эффективности управления миграционными процессами и сокращения числа нелегальных иммигрантов, существенного повышения уровня конституционно-правовых гарантий прав соотечественников и других категорий иностранцев, желающих трудиться и жить в России; устранение излишних административных барьеров для тех специалистов, в притоке которых наиболее остро нуждается наша страна; что касается криминальных элементов, то на пути их въезда в Россию необходимо поставить надежные препятствия. Для нормализации миграционных процессов важное зна-

чение имеет принятие Закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», внесение изменений в некоторые положения действующего Закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ», а также поправки, в соответствии с которыми должны быть признаны утратившими силу отдельные положения Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ». При этом целесообразным является установление уведомительного характера миграционного учета. Разрешительный порядок регистрации по официальному месту жительства и учет по месту пребывания возможны только в закрытых административно-территориальных образованиях, в зонах экологического бедствия и в ряде иных случаев, предусмотренных федеральным законодательством.

Для различных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства важно использовать гибкие модели миграционного учета, в частности их регистрацию по официальному месту жительства или учет по месту пребывания. Требуется прекратить практику ежегодной перерегистрации иностранных граждан, в максимальной степени упростить для них административные процедуры постановки на учет по месту пребывания и снятия с учета вплоть до использования в этих целях почтового уведомления. Необходимо также создать правовые преференции гражданам государств – участников СНГ. Так, миграционная карта должна предоставлять право гражданам СНГ не только на пребывание, но и на работу в России тем, кто приехал из страны, с которой у России заключено соглашение о безвизовом режиме. Кроме того, следует отменить ежегодные квоты на временное проживание в стране иностранных граждан и лиц без гражданства.

Миграционная политика должна стать более результативной на основе обеспечения рационального сочетания административно-правовых, финансово-экономических и социально-психологических методов воздействия. К числу важнейших направлений формирования новой модели миграционной политики, отвечающей потребностям перехода к постиндустриальной экономике и адекватной угрозам и вызовам XXI в., необходимо отнести следующие. Во-первых, изменение законодательства в области трудовой миграции российских граждан за рубеж и иностранных граждан в нашу страну на основе принятия миграционного кодекса РФ, совершенствования национальной правовой базы, введения визового режима со странами СНГ и заключения двусторонних межправительственных соглашений для обеспечения социальных прав граждан, работающих

в двух странах, и подготовке условий для присоединения России к международным правовым актам о защите прав мигрантов; облегчение процедур получения гражданства для некоторых категорий граждан. Во-вторых, формирование эффективных механизмов защиты российского рынка труда и приоритетного права граждан страны на занятие рабочих мест на основе создания министерства по миграционным процессам, повышения эффективности взаимодействия федеральных и региональных органов власти, усиления миграционного контроля на границах государства и всей территории страны, применение жестких санкций к транспортным организациям, которые ввезли нелегальных мигрантов, повышение ответственности предпринимателей за использование нелегальной рабочей силы и иностранных граждан за незаконное пребывание в стране, формирование действенного контроля за использованием работодателями иностранной рабочей силы и соблюдение ими установленных законодательством условий данного использования. Отсутствие должной правовой защиты мигрантов, социальных гарантий, медицинского обслуживания и профессиональной учебы толкает их в криминальную среду, под патронаж этнических диаспор. В-третьих, формирование единого информационного пространства, позволяющего эффективно взаимодействовать различным федеральным, региональным и местным органам власти, осуществляя своевременный обмен информацией. В-четвертых, создание стимулов возврата на родину мигрантов, ранее выехавших за рубеж, прежде всего высококвалифицированных мигрантов. В-пятых, развитие международного сотрудничества в целях улучшения регулирования процесса привлечения и использования иностранной рабочей силы, так как проблемы противодействия нелегальной миграции имеют значительные региональные особенности.

Принимая во внимание резкое повышение значимости миграционных процессов как стратегических источников экономического роста и условий успешного решения геополитических проблем, важно кардинально изменить весь комплекс механизмов пространственного осуществления данных процессов и активизации регулирующего влияния государства на движение миграционных потоков, формирование их динамических и структурных параметров. В связи с этим целесообразна реализация следующих мер.

Во-первых, активно применять индикативное планирование для формирования направления миграционных потоков и закрепления населения в экономически и геополитически важных для страны

регионах, исходя из ожидаемых институционально-технологических преобразований, используя для этого опыт и подходы, которые были выработаны при разработке схем развития и размещения производительных сил и системы расселения населения с учетом особенностей предстоящего периода развития экономики.

Во-вторых, выработать адекватный российским реалиям территориально-дифференцированный подход, обеспечивающий эффективное воздействие социально-экономических инструментов на межрегиональное перемещение внутренних и внешних мигрантов за счет полного учета в заработной плате расходов на воспроизводство рабочей силы, улучшения механизмов районного регулирования оплаты труда, социальных гарантий и компенсаций; перехода от использования районных коэффициентов к заработной плате, к введению минимального размера заработной платы и тарифной ставки первого разряда, исходя из территориального прожиточного минимума трудоспособного населения.

В-третьих, применять гибкие методы государственной поддержки инвестирования финансовых средств на развитие территорий, в том числе за счет пересмотра уровня структуры распределения рентных доходов между Центром и регионами, предоставление налоговых льгот инвесторам, направляющим инвестиции на развитие северных и восточных регионов.

В-четвертых, задействовать огромные неиспользуемые в интересах регионов и страны ресурсы теневой экономики на основе реализации комплекса социально-экономических и правоприменительных мер, направленных на сокращение нелегальных форм предпринимательской деятельности и занятости с учетом территориальных особенностей их функционирования; привести в соответствие с угрозами и вызовами XXI в. механизм осуществления социального партнерства, обеспечивая адекватное отражение в отраслевых, региональных и коллективных соглашениях социальных гарантий и компенсаций работникам.

В-пятых, модернизировать систему образования и профессиональной подготовки кадров с учетом ожидаемых территориально-отраслевых сдвигов в странах, а также количественных и качественных изменений во внутренней и внешней миграции населения, сформировать цивилизованный рынок жилья и его институциональных посредников для повышения мобильности перемещений внутренних и внешних мигрантов.

В-шестых, разработать дееспособную систему мониторинга спроса и предложения рабочей силы, формирования трудового потенциала субъектов РФ, использования местной и иностранной рабочей силы, незанятого населения и вакансий рабочих мест; совершенствовать систему учета миграции населения путем улучшения координации деятельности миграционных служб, служб МВД, органов по труду, статистике и других структур стран СНГ.

В-седьмых, изменить стратегию регулирования потоков международных мигрантов исходя из возрастающей их роли для развития российской экономики в условиях естественной убыли трудоспособного населения и использовать соответствующие методы, ориентированные на привлечение потоков внешних мигрантов, отвечающих миграционной емкости страны и потребностям осуществления территориально-отраслевых сдвигов.

В заключение С.Е. Метелёв обращает внимание на то, что человеческие ресурсы, качественные и количественные параметры в современных условиях становятся решающим фактором, определяющим успехи конкурентной борьбы национальных хозяйств и изменений их конкурентных позиций. В свою очередь, в связи с этим особую значимость приобретает конкуренция стран на мировых рынках труда. Вместе с тем в стратегической перспективе возникают угрозы появления второй волны иммиграции из России из-за существенного ее отставания от ведущих стран мира и слабости ее позиций на мировых рынках труда, ограниченных возможностей осуществления положительных изменений в естественном воспроизводстве населения, депопуляции и старении для укрепления позиций страны в конкурентной борьбе, для снижения уровня геостратегических и социально-экономических угроз и формирование благоприятных динамических и структурных параметров развития национального хозяйства важным является повышение эффективности участия страны в процессах международной трудовой миграции на основе максимального использования возникающих при этом возможностей.

В долгосрочном периоде Россия будет нуждаться в человеческих ресурсах даже при достаточно эффективном использовании достижений научно-технического и социального прогресса. Поэтому одновременно с институционально-технологическим необходим и демографический ответ, позволяющий замедлить сокращение населения России, а в дальнейшем – стабилизировать его численность. Данный ответ должен включать в себя эффективные меры

по повышению рождаемости и снижению смертности, но возможности здесь остаются ограниченными. В связи с этим особую значимость приобретает другой реальный ресурс – иммиграция.

При разработке стратегии экономического развития страны важно учитывать возникающие в современных условиях демографические угрозы и вызовы. В долгосрочном периоде миграционная ситуация в России будет складываться под воздействием разнообразных факторов, вектор действия которых будет обусловлен переходом национального хозяйства на траекторию инновационного развития, реализацию ее ключевых преимуществ – научно-технических и природно-территориальных – в условиях существенного сокращения численности ее трудоспособного населения. Трудоемкий характер развития национального хозяйства становится его фундаментальным параметром и качественно новым явлением для России. Для выработки стратегии развития национальной экономики, адекватной вызовам XXI в., важно отказаться от сложившихся в хозяйственной жизни и теории подходов, в которых не учитывается сложное влияние качественных и количественных переменных человеческих ресурсов на изменение динамических и структурных параметров российской экономики. Поддержание устойчивого и динамического роста российской экономики и укрепление ее конкурентных позиций в мире потребует в перспективе резкого повышения качества человеческого капитала, социально-экономической и территориальной мобильности. Вместе с тем в предстоящем периоде существенное и все возрастающее влияние на динамические и структурные параметры будут оказывать изменения объема привлекаемых трудовых ресурсов.

Природно-территориальные и технологические различия условий хозяйствования в России приводят к тому, что сокращение дефицита трудовых ресурсов на основе привлечения иностранной рабочей силы в пределах иммиграционной емкости способно стать важным фактором повышения производительности экономики и выпуска ВВП на одного занятого. Рост производительности совокупного труда может достигаться при этом за счет того, что увеличение численности работающих даже при вовлечении работников с невысокой квалификацией способно привести в российских условиях к благоприятным изменениям в структуре занятости. В работе обосновывается положение о том, что для российской экономики устранение дефицита рабочей силы за счет привлечения иммигрантов будет являться важным фактором повышения произ-

водительности. Для реализации сравнительных преимуществ российской экономики важно радикально изменить отношение к иммиграционному ресурсу как малоценному и малозначимому, осуществлять динамические и структурные изменения национального хозяйства перед лицом иммиграционного вызова и возрастания роли иммиграционного ресурса в его развитии.

Существующая структура и качественный состав миграционных потоков пока еще не отвечают насущным стратегическим государственным потребностям. Сохраняющаяся спонтанная, во многом неуправляемая миграция оказывает негативное влияние на экономические, социальные, демографические, этнокультурные и другие процессы как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных ее регионах. Весьма важным представляется пересмотр сложившихся подходов к решению накопившихся проблем, основанных на ограниченных представлениях и недооценивающих всю многоплановость и противоречивость процессов формирования динамических и структурных параметров международной миграции, их сложную связь с социально-экономическим устройством общества. Масштабные процессы миграции требуют выработки эффективного государственного регулирования миграционных процессов.

С.Н. Куликова

**ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СНГ: СОЦИАЛЬНЫЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ / Ин-т народнохоз. прогно-
зирования РАН; Отв. ред. Зайончковская Ж.А. – М., 2003. – 285 с.**

Сборник посвящен проблемам миграции рабочей силы в странах – членах СНГ. Он составлен на основе докладов, представленных на VI сессию Совета по миграции, проведенной в Ялте 26–27 мая 2002 г. В представленных материалах даны теоретический анализ функциональной роли дополнительной трудовой занятости, оценка масштабов трудовой миграции, рассматриваются направления миграционных потоков, состав, мотивация и характер деятельности трудовых мигрантов, влияние трудовой миграции на благосостояние семей; риски, связанные с трудовой миграцией. Указанный анализ дополняется обширной информацией о положении иностранной рабочей силы на рынках труда промышленно развитых стран (ПРС) Западной Европы. Анализируются также методы управления трудовой миграцией в ПРС Западной Европы. Сборник включает предисловие и 15 тематических статей, посвященных проблемам трудовой миграции в отдельных странах СНГ.

В предисловии, написанном ответственным редактором сборника Ж.А. Зайончковской, указывается, что в нем нашли отражение результаты исследований по проекту «Свободная трудовая миграция как фактор социальной безопасности и стабильности в СНГ», который реализуется Центром изучения проблем вынужденной миграции в СНГ при поддержке Фонда Форда и Фонда Макартуров (США). Указанный проект был ориентирован на всесторонний анализ трудовой миграции (ТМ) – наиболее значительного элемента массового перемещения людей в рамках СНГ. Перед исследователями стояла задача определения масштабов ТМ, выявление состава мигрантов, характера и мотивации выезда из отдельных республик и регионов бывшего

СССР, сценария поведения, влияния ТМ на благосостояние семей, формирование национальных общин в отдельных частях бывшего Союза. В числе задач исследований также стояло выявление социальных последствий ТМ для общества в целом и для отдельной личности, анализ положения мигрантов на рынках рабочей силы принимающих стран, прежде всего России.

В материалах сборника нашли отражение состояние и перспективы ТМ в отдельных странах – членах СНГ. Особенно углубленные исследования, в том числе и социологические, как явствует из материалов сборника, были проведены в пяти странах Содружества – Армении, Казахстане, Молдове, России и Украине. Эти исследования были осуществлены по всему спектру отмеченной проблематики.

В теоретической статье Р.В. Рывкиной рассматриваются проблемы дополнительной занятости (ДЗ) в постсоветской России. Автор характеризует ее роль в экономике, образе жизни и в обществе в целом. ДЗ, по мнению автора, оказывает на российское общество двоякое действие: наряду с позитивным сказывается также и негативное воздействие, а потому автор рассматривает не только функции ДЗ, но также и ее дисфункцию. Автор отмечает актуальность проблематики ДЗ для современной России из-за ее массовости и ее роли в качестве фактора простого выживания населения. По оценкам автора, на рубеже столетия ДЗ имело около 2/3 экономически активного населения России, не считая занятости в домашнем и личном подсобном хозяйстве. В условиях ухудшения положения людей ДЗ оказалась едва ли не главным фактором адаптации людей к рыночным условиям. ДЗ из-за ее огромных масштабов стала одной из особенностей перехода от советского социализма к постсоветскому капитализму (с. 7).

ДЗ автор рассматривает как фактор интенсификации социально-экономических процессов, а также как важнейший элемент, оказывающий влияние на образ жизни населения, как фактор его физического выживания, как фактор формирования и развития российского рынка рабочей силы. Особого внимания, по мнению автора, заслуживает рассмотрение основной дисфункции ДЗ – ее влияние на распространение теневой экономики. Как отмечает автор, ДЗ на 75–80% является неформальной занятостью, которая по своей природе является теневой: люди работают на «непостоянной основе», без какой-либо легализации (в форме договора, контракта), а на основе личной договоренности (с. 19). ДЗ является своеобраз-

разным механизмом, порождающим неформальную занятость и прочие негативные, теневые процессы.

Автор вводит феномен трудовой миграции в более общий социальный контекст ДЗ. ДЗ является, по определению автора, фактором дезорганизации обстановки на промышленных предприятиях. В этой связи автор рассматривает отношение работников к их ДЗ. Причиной занятости в ДЗ, по данным исследования, является стремление больше заработать (у 93% респондентов) и у 33% опрошенных – стремление добиться более стабильного экономического положения (с. 22). Как выяснилось в ходе опроса населения относительно отношения к ДЗ, 68% опрошенных готовы отказаться от всех дополнительных работ, если бы получали достаточную зарплату на своей основной работе (с. 23). Среди доминирующих причин подобного отношения – большие физические перегрузки, деквалификация высококвалифицированных работников, факт более низкой оплаты ДЗ в сравнении с основной. Однако поскольку на подработке затрачивается времени примерно в 4 раза меньше, чем на основной работе, ее эффективность для работников (оплата за единицу времени) в 2 раза выше (с. 23). Это и делает ДЗ привлекательной.

Как отмечает автор, большинство экспертов считают невозможным регулировать ДЗ. Государство, считают они, может на современном этапе выполнять только запретительную функцию. А запрещать ДЗ нельзя – это в условиях современности единственный способ выживания. Последствием отказа от регулирования ДЗ может стать только дальнейший рост теневого сектора в экономике и преступности.

Анализ трудовой занятости в Армении дается в статье Л.А. Арутюняна. Автор рассматривает трудовую миграцию населения Армении как средство, предотвращающее бедность. Им предложена типология семей по степени вовлеченности в миграцию. Как показало исследование, в каждой третьей семье Армении имеется лицо, причастное к трудовой миграции в течение последних четырех лет (с. 95). Автором выделены четыре основных типа семей: а) семьи, не имеющие трудовых мигрантов (70,1%); б) семьи мигрантов, занимающихся кратковременной торговой миграцией (длительность поездок не более месяца), или «челноков» (7,2%); в) семьи мигрантов, имеющих работу на долговременной основе (не менее года), относимые автором к числу «постоянных» мигрантов (8,1%); г) семьи мигрантов, занимающихся среднесрочной тру-

довой миграцией (длительность поездок от месяца до года), относимые им к числу «сезонных» мигрантов (14,6%) (с.95).

Автор далее анализирует мотивацию ТМ, относя ее к числу средств борьбы с бедностью, и рассматривает имущественное положение семей и состояние бедности. Рассматривая наряду с объективными показателями уровня жизни семей также и субъективные оценки, автор отмечает несовпадение притязаний и реальность, дает оценку эффективности миграционной деятельности. По его оценкам, наиболее эффективна деятельность «сезонников», на втором месте стоят «постоянные мигранты», однако наиболее стабильная ситуация отмечается у «челноков» (с.105).

Рассматривая состав мигрантов, автор отмечает преобладание мужчин (около 78% всех мигрантов), хотя среди «челноков» примерно равное соотношение мужчин и женщин. 64,4% всех мигрантов составляют лица возрастной группы от 35 до 44 лет. Наименее образованны «сезонники». «Челноки» относят себя к мелким бизнесменам, причем треть из них относят себя к безработным, а остальные причисляют себя к служащим. Касаясь географического направления трудовой миграции, автор отмечает, что 56,4% всех мигрантов направляются в Россию (в том числе 73,3% «сезонников») и в страны СНГ, кроме России, – 4,2%; 5,9% выезжают в Турцию (или почти четверть всех челноков) (с. 111). Даются отличительные черты различных категорий трудовых мигрантов и приводятся их миграционные планы (только восьмая часть мигрантов собиралась прекратить миграционную деятельность или уже ее прекратила).

Состояние трудовой занятости и трудовой миграции на Украине рассматриваются в статьях И.М. Прибытковой, Е.А. Малиновской и А.У. Хомры. Авторы провели обширный и фундаментальный анализ по внешним ТМ населения этой республики.

Ведущий научный сотрудник Института социологии АН Украины И.М. Прибыткова рассматривает ТМ населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений. Автор делает исторический экскурс в советское прошлое, рассматривая феномен полной занятости. Население республики имеет стойкую тенденцию к формированию очень негативного отношения к экономической ситуации на Украине и к качеству собственной жизни (с. 26). Автор отмечает миграционные установки жителей Украины и рассматривает методы их реализации. С 1993 г. на рынке труда Украины исчезло несколько миллионов работников (с. 27). Автор рассматривает положение трудовых мигрантов на рынке труда и дает

оценку возможностей трудоустройства и оплаты труда, роль работы и образования в системе ценностей трудовых мигрантов, вопросы выбора стратегии выживания и трудовую этику.

Особое внимание уделяется социальной стратификации по уровню и качеству жизни в оценках трудовых мигрантов. Трудовые мигранты и прочее население имеют, отмечает автор, примерно равные жилищные условия. Однако трудовые мигранты заметно чаще являются владельцами недвижимости. Заслуживает внимания, по мнению автора, самооценка трудовыми мигрантами своего места в социальной иерархии, существования социального неравенства и в связи с этим – социальное самочувствие мигрантов, их самооценка уровня участия в принятии решений и их протестный потенциал.

Перед трудовыми мигрантами стоит проблема системного выбора – либо светлое капиталистическое будущее или выстраданное социалистическое прошлое. Трудовые мигранты, по мнению автора, – люди преимущественно прозападной ориентации и уже включенные в предпринимательскую практику, а потому в 2,2 раза чаще поддерживают политические силы, строящие фундамент капиталистического общества (с. 53). К развитию предпринимательства жители Украины относятся скорее одобрительно, хотя многие и безразлично. Неприятие предпринимательства временами оказывается настолько сильным, что жители Украины категорически не считают возможным работать по найму в частном секторе (с. 57).

Отдельно анализирует автор временную трудовую миграцию киевлян за пределы Украины. Он рассматривает вовлеченность киевлян в трудовую миграцию за пределы Украины. Опыт работы за рубежом имела, по данным социологических опросов, уже шестая часть опрошенных киевлян (с. 61). Рассматриваются география временной трудовой миграции киевлян и ее легитимность, даются социально-демографические характеристики трудовых мигрантов.

Как отмечает в заключение автор, временная трудовая занятость за рубежами Украины дает ее жителям возможность найти новые источники доходов и выжить в условиях системного экономического кризиса и безработицы. Это является задачей первостепенной важности для страны, равно как и преодоление безработицы. Большинство поддерживает тезис о необходимости социальной поддержки населения со стороны государства. Бедность и вынужденная незанятость остаются общенациональными проблемами Украины. Поэтому, считает автор, необходима тщательная разработка принципов регулирования занятости.

Эксперт Национального института проблем международной безопасности при Совете национальной безопасности и обороны Украины Е.А. Малиновская рассматривает на примере Украины роль и значение поездок за границу в качестве стратегии выживания в условиях переходного периода. Как отмечает автор, интенсивность, направленность, характер внешней миграции населения Украины в начале 90-х годов существенно изменились по сравнению с предшествующим периодом. Экономический кризис и падение уровня жизни усилили мотивацию к экономической миграции за рубеж. Автор рассматривает распространенность, географию и мотивацию поездок, роль «челночных» торговых поездок, долгосрочных и краткосрочных поездок, отличительные черты мигрантских семей и социально-экономическую эффективность поездок. За счет заработков за рубежом в Киеве куплена четверть бытовой техники, 2/3 квартир, свыше трети всех автомобилей, а в Черновцах – почти все купленное жилье и каждый пятый дачный участок, 2/3 всех вновь купленных автомашин (с. 79). В то же время желание выехать на постоянное место жительства за границу выразили только 10% обследованных семей в Черновцах и 6% – в Киеве, что значительно меньше, чем среди населения Украины в целом (по данным опросов 1993–1995 гг. – 13–15%). Даже краткосрочные поездки ведут к заметному ухудшению здоровья мигрантов, что отмечено у восьмой части опрошенных в Черновцах и у 4% – в Киеве (с. 81). У «челноков», находящихся еще в расцвете лет, отмечает автор, эти проблемы неизбежно возникнут позднее (с. 82).

Сотрудник того же украинского института А.У. Хомра рассматривает миграционные установки украинских составляющих еврорегионов «Буг» и «Карпаты». Одним из центральных направлений включения Украины в ЕС выступает приграничное сотрудничество в рамках еврорегионов. Их главной задачей является создание «прозрачных» границ для свободного движения населения, товаров, услуг и капитала. Реальная и потенциальная миграция в украинских еврорегионах является на ближайшую перспективу, по мнению автора, прообразом миграции населения Украины в целом (с. 83). Автор приводит оценки отношения населения западного приграничья Украины к интеграции Украины в Европу, в том числе в ЕС. Далее он дает оценку степени распространенности в стране установок на переселение за рубеж на постоянное место жительства (по данным обследования, выехать на ПМЖ выразили 14,9% опрошенных и еще 20,4% пока не определились с планами выезда) (с. 85).

В этой связи автор провел анализ установок населения на труд за рубежом. Желание работать за границей в приграничных регионах выразили 67,1% опрошенных и только 11,8% опрошенных со своими трудовыми намерениями не определились (с. 88). Прослеживается четкая зависимость между изменениями уровня благосостояния и миграционными трудовыми намерениями населения. Автор считает, что Украине в ближайшем будущем не удастся стать кандидатом для вступления в ЕС (с. 94), а это может вызывать определенное беспокойство населения, проживающего в западном приграничье. Выход автор видит в разработке новых парадигм интеграции, их прикладном апробировании, в разработке научно обоснованной миграционной политики.

Две статьи сборника (авторы Л.В. Тихонова и Л.П. Шахотько) посвящены трудовой миграции в Беларуси. Доцент Белорусского государственного университета Л.В. Тихонова анализирует различные виды ТМ в Беларуси, их масштабы, направления и пути регулирования. ТМ является, по ее мнению, отражением социально-экономических процессов, происходящих в обществе. В Беларуси ТМ получила импульс к развитию с крушением социализма в предшествующее десятилетие и постепенно увеличивала свой потенциал. Автор в первую очередь анализирует ТМ на основе официальных договоров, затем состав, ориентацию и мотивацию потенциальных трудовых мигрантов, особенности и состав молодежной и интеллектуальной трудовой миграции, вопросы регулирования трудовой миграции.

Сотрудник Института статистики и анализа при министерстве статистики Республики Беларусь Л.П. Шахотько рассматривает незарегистрированную трудовую миграцию из Республики Беларусь, в том числе состав и деятельность мигрантов. Граждане, ищущие возможность реализации своих трудовых интересов и улучшения материального положения семьи, были вынуждены эмигрировать или выехать на работу на заработки. Их численность колеблется от 0,6 млн. до 1,5 млн. человек (с. 188).

Отмечается высокая ориентация населения, особенно молодежи, на работу за рубежами республики, хотя далеко не все потенциальные мигранты оказываются в состоянии реализовать свои планы. Трудовые мигранты, считает автор, являются активной, высокообразованной, наиболее предприимчивой и мобильной частью населения Беларуси. Их большинство в основном удовлетворено работой за пределами республики, хотя и не считают ее основным

источником дохода для своих семей. Однако подобная занятость позволяет им достойно жить в нынешнее сложное время (с. 195).

Риски трудовой миграции из Азербайджана рассматривает А.С. Юнусов. Основной контингент нелегальных мигрантов – люди наиболее активных, трудоспособных возрастов, главным образом семейные. Их образовательный уровень не слишком высок – в основном они имеют среднее, общее и специальное образование. Автор прослеживает основные этапы трудовой миграции населения Азербайджана в 80–90-е годы. Отдельно рассматривается положение азербайджанских трудовых мигрантов в России, в мусульманских странах Востока, в западных странах. Автор анализирует реакцию азербайджанского общества и правительства на трудовую миграцию. Внимание к проблеме трудовой миграции правительственные органы стали проявлять с конца 90-х годов, были образованы специальные органы типа Комиссии по разработке Единой руководящей программы Азербайджана по миграции, а в 1999 г. совместно с МОТ разработана структура специальной организации – Министерства миграции (с. 145).

Проблемам регулирования трудовой миграции посвящены статьи молдавского автора В.Г. Мошняги и исследовательницы из Узбекистана Л.П. Максаковой. Последняя анализирует проблемы экспорта рабочей силы из Узбекистана, страны с быстро растущим населением. Хотя в последние годы демографический рост замедлился, трудовые ресурсы продолжают увеличиваться высокими темпами как следствие демографической ситуации прошлых лет. Дается исторический аспект проблемы и организационно-правовая основа трудовой миграции, ее современное состояние. Автор комментирует результаты обследования внешней трудовой миграции, сдерживающие факторы трудовой миграции.

По мнению автора, трудовая миграция населения Узбекистана экономически выгодна и стране, и самим участникам. С ее помощью обеспечивается приток в страну свободно конвертируемой валюты, в определенной мере уменьшается напряженность на рынке труда, особенно в густонаселенных районах. Укрепляется предпринимательский потенциал страны, растет численность мобильных, предприимчивых людей, имеющих практический опыт выхода на международные рынки рабочей силы (с. 155).

Зарубежные трудовые миграции, легальные и нелегальные, экономически выгодны и самим мигрантам, и семьям, поскольку мигранты зарабатывают значительно больше, чем у себя на родине. Наиболее успешным удастся не только поддерживать свои семьи,

но и заложить основы будущего благосостояния, учредить собственный бизнес. Автор предлагает ряд мер по расширению возможностей внешней занятости.

Региональные аспекты трудовой миграции рассматриваются в статье Ш.С. Мудуева на примере Дагестана. Автор обращает внимание на важные последствия миграции русского населения в этой многонациональной республике и на развитие процесса вынужденной миграции. Интенсификация экономики, заключает автор, ставит сложные задачи по обеспечению занятости трудовых ресурсов, в том числе по управлению миграционными процессами (с. 226).

Проблемы трудовой миграции как средства адаптации вынужденных переселенцев из стран СНГ в России рассматриваются в статье сотрудницы Института народнохозяйственного прогнозирования Е.К. Кирилловой. По ее мнению, трудовая миграция стала своего рода «спасательным кругом» для вынужденных переселенцев.

Автор анализирует степень участия переселенцев в трудовой миграции, влияние миграции на благосостояние семей. Выездные заработки могут быть очень важным средством повышения благосостояния вынужденных переселенцев при условии, если их поселения расположены удобно относительно мест, где они могут устроиться на работу или заниматься коммерцией. Это особенно важно в условиях социально-экономического кризиса.

В сборнике особое внимание обращено на взаимосвязь трудовой миграции и процесса формирования национальных диаспор. Эта проблема рассматривается в статье В.И. Дятлова.

Заключительная часть сборника представлена статьями, посвященными трудовой миграции в промышленно развитых странах. В частности, в статье Н.А. Щербаковой раскрываются тенденции в области найма иностранной рабочей силы. Методам управления процессом подобного найма посвящена статья И.Н. Молодиковой, где этот анализ дается в отношении ПРС Западной Европы.

В.Г.Былов

ШАБАЕВА В.И.
МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
МЕЖДУ РЕГИОНАМИ И ВНУТРИ РЕГИОНОВ
(Обзор)

Во второй половине 1980-х – начале 2000-х годов в результате возрастающего дисбаланса демографического развития и мирового рынка труда, увеличения разрыва в темпах развития между отдельными странами и регионами, а также быстрых перемен в глобальных политических и экономических системах произошла резкая интенсификация мировых интеграционных потоков.

Определяющей миграцией все больше становится экономическая миграция, охватывающая разные ее формы, различные категории мигрантов. При этом главной причиной перемещения являются экономические мотивы. Основной частью экономической миграции является трудовая миграция, под которой понимается временная миграция с целью продажи мигрантами своего труда и получения зарплаты в стране въезда. Трудовая миграция по существу определяет глобализацию современного мирового рынка труда и мирового хозяйства в целом.

Одной из основных причин международной миграции рабочей силы является неравномерность мирового экономического развития, неравенство доходов и возможностей в разных странах, в частности, между более и менее развитыми странами. Другим важным фактором является дисбаланс населения – избыток рабочей силы в развивающихся странах (РС) и ее недостаток в более развитых. И третьим, возможно, самым важным фактором, объясняющим привлечение иностранных рабочих, является дешевизна этих рабочих рук, что позволяет извлекать максимальные прибыли от их использования. И самыми дешевыми оказываются нелегальные

иммигранты, которых, по оценкам экспертов ООН, не меньше, чем легальных трудовых мигрантов.

Особенностью России является то, что она активно вовлекается в мировой рынок труда, не имея при этом целенаправленной государственной миграционной политики. Россия одновременно выступает и как импортер иностранной рабочей силы, и как экспортер национальной рабочей силы за рубеж. Особенности процессов трудовой миграции в современной России определяет появление так называемого «ближнего зарубежья», со всеми странами которого (кроме Беларуси) она все эти годы имеет положительное сальдо миграции, и в результате стала второй страной мира (после США) по привлечению мигрантов, численность которых, по данным ООН, за последние десять лет превысила 13 млн. человек (1, с. 12). Характерно, что легальная трудовая миграция в Россию недостаточно развита, при этом сокращение притока легальных мигрантов сопровождается ростом числа нелегальных. Главной причиной этого является то, что нелегальные мигранты для российских предпринимателей – исключительно дешевая и бесправная рабочая сила. Это стимулирует найм таких рабочих, хотя российское законодательство увеличивает наказание работодателей, практикующих привлечение нелегалов. В то же время нелегальные иммигранты выгодны не только для предпринимателей, но и для государства в целом, поскольку в большинстве случаев они выплачивают различные налоги (в основном косвенные), но редко получают социальные пособия и льготы.

Перспективы трудовой миграции в Северо-Западном федеральном округе РФ (СЗФО) оценивает в своей статье д.э.н. М.А. Клупт, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. Регион расположен на обширной и неоднородной в климатическом и экономическом отношении территории, простирающейся от берегов Балтики до Баренцева моря. Особое внимание уделяется современной миграционной ситуации и перспективам миграционных процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Особая значимость и динамичное развитие этого региона в последние годы обусловлены, среди прочего, и тем, что по этой территории проходят транспортные коридоры, связывающие Россию с ЕС.

Климатическая и экономическая неоднородность региона определяет и неоднородность происходящих здесь миграционных процессов. В первые годы нового века официальная статистика зарегистрировала незначительное положительное сальдо миграции

в 0,1% (3,1 прибывших и 3,0% убывших на 1000 жителей). Большинство экспертов считают, однако, что истинные масштабы миграции в 5–10 раз превышают официальные данные. В 2003 г. доля иммигрантов из-за рубежа составила в общей численности прибывших 5,6%, а в общей численности убывших – 4,7%. В первом квартале 2004 г. общая численность прибывших в регион снизилась по сравнению с соответствующим периодом 2003 г. на 4,9%, а убывших – на 2,7% (2, с. 58).

В пределах СЗФО можно выделить четыре группы территорий, различающихся по характеру миграционных процессов.

1. Санкт-Петербург и Ленинградская область, жители которых составляет в общей сложности 45,4% населения СЗФО (2, с. 59). В 2002 г. миграционное сальдо Ленинградской области со всеми субъектами Федерации, входящими в СЗФО, было положительным. Миграционное сальдо Санкт-Петербурга с другими субъектами Федерации, входящими в СЗФО, за исключением Ленинградской области и Республики Карелия, также было положительным. Таким образом, Санкт-Петербург и Ленинградская область образуют региональный центр притяжения мигрантов из СЗФО.

2. Территории, лежащие на Крайнем Севере, и примыкающие к ним районы – Архангельская и Мурманская области и Республика Коми, значительная часть которых лежит за полярным кругом или примыкает к нему. На протяжении всего периода реформ из этого региона происходил отток населения, особенно интенсивным он был из Мурманской области в Санкт-Петербург.

3. Регионы, занимающие промежуточное положение по характеру миграционных процессов, – Вологодская, Новгородская и Псковская области, Республика Карелия. Здесь отмечается незначительное по величине положительное сальдо миграции.

4. Калининградская область – российский анклав на побережье Балтийского моря. Для него характерно более выраженное положительное сальдо миграции, поскольку область в силу ее анклавного положения играет особую роль в территориальной структуре РФ.

При оценке перспектив дальнейшего развития миграционных процессов на Северо-Западе России должны учитываться факторы, способствующие и ограничивающие трудовую миграцию. В Санкт-Петербурге в ближайшие годы ожидается сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Согласно прогнозным оценкам, компенсировать в 2003–2010 гг. естественную убыль населе-

ния трудоспособного возраста, не снижая уровень занятости, можно лишь при ежегодной положительной трудовой миграции в размере 115–150 тыс. человек; в противном случае возможен дисбаланс рынка труда.

Один из самых низких уровней безработицы в Санкт-Петербурге – 3,6% экономически активного населения, отмеченный в мае 2003 – феврале 2004 г., по определению МОТ, тоже является одним из важнейших факторов, обуславливающих миграционный приток населения в Санкт-Петербург. Его влияние будет, вероятно, достаточно устойчивым (2, с. 60). В числе других факторов, способствующих притоку рабочей силы в Санкт-Петербург, следует отметить различие в зарплате и уровне жизни (средняя зарплата в 2003 г. была здесь на 25 % выше, чем в целом по стране); дефицит квалифицированных рабочих в результате оттока их в 90-х годах в сферу малого бизнеса, торговлю и неформальный сектор экономики, что усугублялось демографическим спадом; спрос на малоквалифицированную рабочую силу в случае продолжения экономического подъема; благоприятные возможности для профессиональной карьеры в высокооплачиваемых областях деятельности. Являясь крупнейшим университетским центром (вторым после Москвы), город и впредь будет привлекать нацеленных на профессиональную карьеру выпускников, прибывающих сюда из других регионов России и стран СНГ.

Перспективы развития Ленинградской области определяются тем, что наряду с относительно развитыми районами, прилегающими к Санкт-Петербургу, она имеет также малонаселенные депрессивные территории. В период реформ уровень безработицы в области был выше, чем в городе: в мае 2003 – феврале 2004 г. он составлял 8,7% от численности экономически активного населения (в С.-П. – 3,6%) (2, с. 61). Несмотря на это, в последние годы область стала региональным центром притяжения мигрантов по ряду причин: во-первых, по меньшей мере 10% населения области проживают в пригородной зоне Петербурга и работают в городе, пользуясь более дешевым загородным жильем; во-вторых, в области интенсивно развиваются отрасли промышленности, ориентированные на потребительский рынок Санкт-Петербурга; в-третьих, развивается логистическая инфраструктура, обслуживающая внешнюю торговлю. При условии продолжения экономического подъема все это будет способствовать сохранению положительного миграционного баланса Ленинградской области.

В то же время существуют определенные ограничения и риски, связанные с миграцией. Для Санкт-Петербурга они сходны с рисками, характерными для многих развитых регионов мира. Например, настороженное отношение жителей города к мигрантам: в 2004 г. 25,6% опрошенных заявили об отрицательном отношении к трудоустройству мигрантов; 21,3 – готовы отнестись к трудовой миграции положительно при условии трудоустройства мигрантов на «плохие» рабочие места; «безусловно положительно» оценили трудовую миграцию 25,5% респондентов (2, с. 62). Эти данные схожи с результатами опросов, проведенных в США. Понятно, что такое отношение к мигрантам в сочетании с деятельностью экстремистских группировок представляет собой взрывоопасную смесь. К тому же, поскольку значительная часть мигрантов работает нелегально, они и их работодатели не платят налогов и взносов на поддержку социальной сферы. Помимо этого, миграционные потоки ограничиваются высокими ценами на жилье, из-за чего мигранты часто живут в трущобах. Существуют, наконец, и системные риски, связанные с миграцией: во-первых, работодатели, нанимающие нелегальных мигрантов, получают неоправданные конкурентные преимущества, что препятствует выведению экономической деятельности из «тени»; во-вторых, это чревато проникновением нелегальных отношений в здоровый сектор экономики; в-третьих, дешевая, покорная и часто неквалифицированная рабочая сила из числа трудовых мигрантов позволяет работодателям решать проблемы экстенсивным путем без вложений в человеческий капитал и технологические инновации.

Для совершенствования региональной миграционной политики в регионе наиболее важными представляются следующие направления: улучшение информационного обеспечения, развитие стратегического планирования; развитие социального партнерства; развитие системы профессионального образования; совершенствование миграционного и правового законодательства и практики. Особенно важны стратегическое планирование и развитие необходимых институтов на региональном уровне. Необходим количественный анализ, учитывающий специфику каждого региона. Нужно также сформировать прочную институциональную основу для общественного обсуждения и решения проблем, связанных с трудовой миграцией.

Положение мигрантов на сибирском рынке труда рассматривает д.э.н. С.И. Соболева, профессор Института экономики Сибирского отделения РАН. Она отмечает что распад СССР, трансформа-

ция страны с плановой экономикой в страну с рыночной экономикой, демографические перемены в России, произошедшие в последнее десятилетие, превратили Россию из закрытой страны с низким уровнем миграционных потоков в активного участника международного миграционного обмена. Итогом этого в России, в том числе и в Сибири, появились новые доминанты в формировании населения, к которым относятся беженцы, вынужденные мигранты, миграционная иностранная рабочая сила, в том числе титульное население из бывших республик СССР в Центральной Азии и стран ЮВА (Китай, Вьетнам, Корея), требующие новых подходов в создании законодательной базы и институциональных ограничений.

Сформировавшаяся к настоящему времени определенная практика проникновения и расселения иммигрантов и практика экономической интеграции субъектов различных видов миграции приводит, с одной стороны, к формированию элементов этнокультурной структуры, созданию определенных ниш занятости на российском рынке труда, а с другой – стала причиной совершенно новых для Сибири и России в целом проблем, в том числе проблем этнокультурной безопасности.

Среди всех иностранных мигрантов преобладают мигранты из Китая. С 90-х годов их численность на территории России увеличилась почти в 20 раз (5, с. 67): этот рост гораздо выше, чем в любой другой стране мира. И впредь этот поток вряд ли сократится, поскольку многие факторы способствуют выталкиванию населения из Китая. Следовательно, китайское миграционное давление будет со временем возрастать. Китайская миграция состоит в основном из частных предпринимателей, действующих самостоятельно на свой страх и риск. Основная часть их занята коммерческой деятельностью и торговлей, около 30% – в строительстве и 5–10% – в сельском хозяйстве (5, с. 68). Некоторые достигли значительных успехов, но далеко не все намерены остаться надолго или навсегда из-за не подходящих для них природно-климатических условий. Предпочтительным для них регионом долговременного поселения является Дальний Восток.

Проведенное отделом социальных проблем Института экономики и организации труда СО РАН изучение проблем адаптации мигрантов в Сибирском федеральном округе позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Потоки иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья различаются по своим качественным характеристикам и по способам адаптации на российском рынке труда. Преобладающим видом ми-

грации для населения стран ближнего зарубежья является трудовая сезонная миграция, а для дальнего зарубежья – трудовая миграция на продолжительный срок. Динамика миграции в последние годы идет по нарастающей. Все приезжающие стремятся остаться навсегда, особенно китайцы и вьетнамцы. Но из-за сложной процедуры оформления гражданства эмиграция превращается во временные формы проживания в Сибири и является средством адаптации к новым условиям жизни.

Каналами закрепления иммигрантов на территории Сибири являются фиктивные браки с россиянами: существуют даже ставки на такие услуги со стороны россиян. Другим каналом является обучение иностранных студентов в сибирских вузах. Часто после окончания учебы молодые люди остаются в Сибири. Еще одним каналом являются землячества – в разных городах создаются землячества среди разных этнических групп. Вокруг землячеств формируются национальные диаспоры, помогающие землякам в обустройстве и поиске работы на новом месте.

Нелегальная миграция, по оценкам экспертов, на порядок выше зарегистрированной. Таким способом появляется нелегальная занятость. Виноваты в этом работодатели, не оформляющие своих работников по правилам российского законодательства. Досадно, что в категорию нелегальных мигрантов попадают иностранные мигранты из стран ближнего зарубежья, приезжающие с намерением честно заработать на жизнь себе и своим семьям, но выгоды от их труда получают предприниматели и представители контролирующих органов. В конечном счете, деньги идут в карманы взяточников, а не государству.

Меняется структура работодателей. Если в середине 1990-х годов ими были главным образом граждане России, то в настоящее время им на смену приходят иностранцы, которые, скопив первоначальный капитал на челночных поездках, переходят к семейному бизнесу, а затем расширяют его за счет знакомых и членов диаспоры. Иногда они нанимают российских граждан, как правило, работников высокой квалификации (юристы, экономисты, бухгалтеры) или неквалифицированного труда (официанты, подсобные рабочие), создавая таким образом рабочие места и для россиян.

Иностранные мигранты из стран Средней Азии занимают определенные, не востребованные россиянами ниши на рынке труда и не составляют им конкуренции. Они выполняют тяжелую физическую, в основном сезонную, работу (сельскохозяйственные работ-

ники), ремонтные работы (строители). Привлечение их на существующей правовой основе эксперты считают положительным явлением в плане передачи опыта, пополнения бюджета.

В отличие от мигрантов из ближнего зарубежья, китайские мигранты часто имеют более высокие профессиональные характеристики и в будущем могут составить серьезную конкуренцию отечественной рабочей силе. Поэтому адаптация мигрантов из стран ЮВА стоит с особой остротой, и формирование квот на их въезд требует особых разработок. Для упорядочения миграционных потоков иностранной рабочей силы в последние годы МИД РФ ведет большую работу по заключению двусторонних соглашений о миграции с соседними для России странами, которые должны снизить материальные и моральные издержки мигрантов, а также дать возможность территориям подготовиться к приему мигрантов определенного демографического и профессионального профиля.

Трудности, связанные с оформлением виз и разрешений на въезд иностранных рабочих, объясняются тем, что в настоящее время иммиграция находится в юрисдикции правительства России, а региональные структуры не наделены таким правом. Передача им решений по проблеме иммиграции позволила бы сделать трудовую миграцию более мобильной и с большей пользой использовать ее для решения экономических задач территорий. При этом политика использования и адаптации мигрантов на российском рынке труда должна четко различаться в зависимости от вида миграции: вынужденной миграции, миграции рабочей силы из ближнего и дальнего зарубежья. Вынужденная миграция русскоязычного населения из бывших союзных республик СССР должна рассматриваться как важная стратегическая задача по заселению и освоению территорий Сибири, обеспечивающая формирование постоянного населения и сохранение геополитических интересов России. Для граждан бывшего СССР, решивших переселиться в Сибирь, нужно создавать все условия. Миграция титульного населения из ближнего зарубежья носит в основном сезонный характер, не оказывая существенного влияния на изменение демографического потенциала. Что касается миграции из дальнего зарубежья, в частности китайской, здесь ограничителями должны стать не административные меры, а регулируемые масштабы спроса на рабочую силу как инструмента развития региона.

Важное место должна занять разработка прогнозов миграционных потоков, в том числе выявление регионов, предпочтительных для проживания мигрантов; согласование квот по приему ми-

грантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов; прогнозирование наиболее вероятных направлений миграции иностранной рабочей силы в регионах России.

Международную трудовую миграцию на Дальнем Востоке России рассматривает к.э.н. Л.А. Понкратова, заведующая кафедрой мировой экономики Амурского государственного университета. Автор отмечает, что Дальний Восток (ДВ) России является территорией наиболее позднего хозяйственного освоения и заселения, на протяжении почти всего XX в. здесь наблюдались более высокие темпы прироста населения, чем в среднем по России. Несмотря на это, он остается регионом с дефицитом трудового населения. До экономических преобразований миграционный прирост определялся политикой государства. В 1991 г. произошла перестройка демографических процессов, миграционный отток впервые превысил естественный прирост населения, а с 1993 г. миграционная убыль наряду с естественной определяет дальнейшее сокращение населения на ДВ. В период 1989–2002 гг. оно сократилось на 15,9 % (3, с. 75). В перспективе тоже не приходится рассчитывать на прирост населения за счет других регионов страны, поскольку, во-первых, в России увеличивается количество регионов, имеющих миграционную убыль; во-вторых, регион продолжает отставать от Центрального федерального округа по среднедушевым месячным доходам; в-третьих, издержки, связанные с переездом, для мигрантов слишком высоки. Опыт стран Европы показывает, что одним из путей выхода из такой ситуации может быть привлечение иностранной рабочей силы в соответствии с национальными приоритетами.

Следует отметить, что для ДВ, как и для России в целом, характерна тенденция роста использования иностранной рабочей силы, причем темпы прироста здесь значительно выше, чем в России. По данным Госкомстата РФ, в 2002 г. на ДВ работали 44,3 тыс. иностранных работников, или 12,3% от всей официально привлекаемой в России иностранной рабочей силы, тогда как доля региона в численности населения страны – всего 4,6%. Удельный вес иностранных граждан в общей численности занятого населения по Дальневосточному федеральному округу в 2,6 раза выше, чем в России (3, с. 76).

Анализ привлечения иностранной рабочей силы с начала либерализации внешнеэкономической деятельности показал, что на первом этапе самое большое количество мигрантов привлекалось в

Амурскую область и Приморский край. По мере усиления регулирующей роли государства число их начало сокращаться, однако наличие соглашения о безвизовом туризме с Китаем с достаточными сроками пребывания позволило работодателям нелегально использовать китайских граждан на разных работах. Кроме Китая основным донором иностранной рабочей силы в регион стали такие страны дальнего зарубежья, как КНДР. На долю этих двух стран в 2002 г. приходилось 81,3% легально работающих иностранных граждан в Приморском крае, 65,4 – в Хабаровском крае и 90,8% – в Амурской области (3, с. 78). Доля стран ближнего зарубежья в последние годы здесь постоянно снижается.

В целом численность официально привлекаемых на работу в приграничные районы ДВ иностранных граждан пока невелика и не оказывает существенного влияния на рынок труда. Вместе с тем исследования показали, что в последние четыре года во всех субъектах ДВ уровень безработицы снижается на фоне увеличения использования иностранной рабочей силы.

В ближайшем будущем международные трудовые миграции в регионе будут определять следующие тенденции:

- устойчивый рост международной трудовой миграции, особенно импорта рабочей силы, прежде всего из КНР;
- структурные сдвиги в отраслевой структуре занятости иностранных граждан, прежде всего сокращение числа занятых в сфере материального производства и увеличение – в торговле и коммерческой деятельности по обеспечению рынка;
- преобладание во всех видах миграций экономических мотивов, которые будут определяющими и в перспективе;
- в связи с сокращением численности трудоспособного населения после 2006 г. возникнет проблема трудоустройства роста экономики региона, однако постарение населения в России в целом, низкая привлекательность ДВ и значительные издержки, превышающие миграционные ожидания, не позволят в ближайшем будущем использовать внутренний миграционный ресурс;
- поступательное развитие региона при явной сырьевой специализации невозможно без дополнительного привлечения трудовых ресурсов; донорами будут выступать КНР и КНДР, имеющие избыток трудовых ресурсов;
- усиление демографического и трудового дисбаланса по обе стороны российско-китайской границы (сокращение населения на

ДВ и рост – в Китае) будет способствовать миграционному притоку из Китая;

– проведение внешнеэкономической политики Китая, направленной на поощрение экспорта рабочей силы, что проявилось в требованиях к России во время переговоров о вступлении ее в ВТО.

Совершенно очевидно, что китайская иммиграция, в том числе трудовая, будет определяющей, и вряд ли ей найдется альтернатива в будущем.

Миграционная ситуация на Северном Кавказе (СК) рассматривается в статье к.ф.-м.н. Д.М. Эдиева, декана факультета заочной формы обучения Карачаево-Черкесской государственной академии. Автор пишет, что северокавказский регион представляет собой уникальный объект для исследования миграционных процессов. Среди других регионов России СК выделяет ряд особенностей: географические – он значительно изолирован с Юга, Востока и Запада, поэтому имеет благоприятный климат; экономические – экономическая отсталость в целом при наличии крупных центров экономического развития; этнические – традиционная полиэтничность и поликонфессиональность, с одной стороны, и доминирование одной или нескольких национальностей в большинстве субъектов региона – с другой; демографические – высокая рождаемость в сельских районах, населенных народами Кавказа, и низкая – в городах и районах, населенных русскими; политическая – наличие межнациональных конфликтов. Эти особенности оказывают непосредственное воздействие на миграцию на Кавказе и его миграционные связи с другими регионами. Миграционная картина региона достаточно богата. В целом регион является источником трудовых мигрантов для центральных регионов России и одновременно принимает большие потоки мигрантов из восточного региона России и ближнего зарубежья.

Миграционные потоки внутри субъектов федерации, расположенных в регионе, определяются процессом урбанизации. В поисках работы и лучших условий жизни население мигрирует из сел в города, в республиканские краевые и областные центры, где сосредоточены промышленность и бюджетные финансовые потоки.

Ярким показателем, отражающим социально-экономическое положение региона, является миграция русского населения. Отток русских из-за высокого демографического давления и конкуренции на рынке занятости с местным населением был тем большим, чем меньше доля русских, и следовал в направлении регионов с относительно лучшими экономическими условиями и невысоким демо-

графическим давлением (Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, Республика Адыгея) миграционных потоков.

С развалом СССР направления миграции не только не изменились, но и значительно усилились. Экономическая деградация особенно сильно ударила по региону, а в пределах региона больше всего пострадали национальные республики. В результате в последнее время они интенсивно теряли население за счет миграционных потоков. Исключением является Ингушетия, принимавшая огромные потоки вынужденных мигрантов из Чечни и Северной Осетии.

Сезонные миграции, играющие важную роль в регионе, также традиционно проходили в направлении из национальных республик в края и за пределы региона (для работы в овцеводстве, для продажи сельскохозяйственной продукции и т.п.). В отраслях сельского хозяйства, требующих больших временных затрат труда (возделывание и уборка сахарной свеклы, картофеля и овощей), даже регионы с избыточной рабочей силой привлекали сезонных работников с Украины и других мест бывшего СССР. Но в связи с экономическим спадом потоки трудовых мигрантов в регион практически сошли на нет, как и некоторые виды традиционной сезонной трудовой миграции в связи с резким спадом в отдельных отраслях экономики. Тем не менее сезонная миграция все еще играет важную роль в экономике региона и важна как объект всестороннего анализа, поскольку именно сезонные мигранты обычно сталкиваются с дискриминацией по национальному признаку и ущемлением их прав. Изучение сезонных миграций особенно важно в плане соблюдения прав мигрантов, поскольку сезонные мигранты оказываются наименее защищенными от произвола властей и криминальных структур и от проявления национальной нетерпимости.

Поскольку экономические причины, лежащие в основе северокавказских миграций, все еще сохраняются, можно ожидать, что и в будущем миграции в районе будут продолжаться, следуя тем же закономерностям.

Из-за экономической отсталости и высокого демографического давления происходит отток населения из национальных республик и северокавказского региона в целом в края и области вне региона. Повсеместный рост национальной нетерпимости тоже играет определенную роль, приводя к притоку представителей кавказских народов в свои автономии и оттоку русских из национальных республик. Формирование и укрепление добрососедских взаимоотношений между всеми народами России является важным условием

нормализации миграционных процессов, защиты прав мигрантов и формирования единого толерантного российского общества.

Единственным путем предотвращения массового оттока населения и этнической гомогенизации на Кавказе является развитие отстающих в экономическом отношении республик. Без этого экономические диспропорции в регионе будут усугубляться, поскольку прежде всего депрессивные регионы покидает наиболее мобильная, молодая и квалифицированная часть населения.

Регулирование иммиграции на федеральном и региональном уровнях анализирует д.э.н. С.В. Рязанцев, заведующий кафедрой мировой экономики Ставропольского государственного университета. Он выделяет разновидности иммигрантов с точки зрения практики нормативно-законодательного регулирования и доступа к российскому рынку труда.

1. Иностранцы, постоянно проживающие на территории РФ, которым не требуется разрешение на трудоустройство. Имеются в виду иностранцы, получившие вид на жительство. Срок его действия ограничен пятью годами, но он может выдаваться многократно. Эта категория не нуждается в получении права на труд и принимается на работу в том же порядке, что и граждане России.

2. Иностранцы, временно проживающие в России, которым не требуется специальное разрешение на работу. В этом случае мигрант получает разрешение на временное проживание сроком до трех лет до получения вида на жительство. Имеется в виду ограниченная группа мигрантов, приехавших на основе квоты правительства РФ, или люди, заключившие браки с гражданами России, переехавшие к родственникам, родившиеся в России. Работодатель принимает этих мигрантов на работу на условиях, предусмотренных для граждан России, но с условием работать только в пределах субъекта, на территории которого он проживает.

3. Граждане Беларуси пользуются равными правами с гражданами России в вопросах пребывания и трудоустройства. При трудоустройстве требуется только трудовой договор (контракт). Поэтому, например, в Ставропольском регионе получило широкое распространение привлечение белорусов на сезонные работы в сельском хозяйстве.

4. Иностранцам, временно проживающим в России, срок их пребывания определяется визой или равен 90 суткам с возможностью продления. Для приема их на работу работодатель должен получить специальное разрешение на привлечение иностранных работников.

5. Отдельной группой являются иммигранты, обладающие особым статусом (лица, обратившиеся с ходатайством о признании их беженцами, лица, получившие временное убежище). При найме на работу они предъявляют свидетельство, подтверждающее их статус. Работодатель должен получить соответствующее разрешение для приема их на работу.

6. В стране и регионе также присутствуют нелегальные трудовые мигранты, их, по оценке, около 300 тыс. человек. Нелегальная миграция возможна при отсутствии жесткого контроля всей границы, главным образом в горной местности.

Нелегальная иностранная рабочая сила пополняется также различными формами временной миграции, связанными с туризмом, учебой, поездками к родственникам, которые в конечном итоге выводят мигрантов на рынок труда. Сюда же относятся студенты и аспиранты из РС, оставшиеся в России после завершения обучения. Практически все они заняты торгово-посреднической деятельностью.

Использование иностранной рабочей силы на региональных рынках труда автор рассматривает на примере Северного Кавказа (СК) – небольшого (2% от территории РФ), но плотно населенного региона (12% населения страны). Иностранная рабочая сила используется здесь менее активно, чем в целом по России, к тому же отмечаются существенные диспропорции в ее привлечении между регионами СК.

В первую группу входят Краснодарский, Ставропольский края и Ростовская область, которые активно используют иностранную рабочую силу и при этом имеют пониженный уровень безработицы. Гастарбайтеры привлекаются в строительство, сельское хозяйство и промышленность, они выполняют работы, которые не хотят выполнять местные жители, или привлекаются на сезонные работы.

Регионы имеют свою нормативно-правовую базу для регулирования трудовой миграции, принят целый пакет документов, детализирующий работу по привлечению иностранной рабочей силы.

Другая группа охватывает регионы, использующие иностранную рабочую силу, но при этом имеющие средний или высокий уровень безработицы (Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ингушетия). Свободных ниш на этих региональных рынках труда для гастарбайтеров нет, в основном они привлекаются здесь в сферу общей коммерческой деятельности по обеспечению рынка. Этим территориям определяются минимальные квоты на привлечение

иностранных работников, поскольку они создают конкуренцию для местного населения.

Еще одна группа, в которую входят Адыгея, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чеченская Республика, тоже привлекает минимальное количество иностранной рабочей силы, поскольку имеет повышенные показатели безработицы. Региональное законодательство здесь практически не затрагивает вопросы регулирования внешней трудовой миграции.

Список литературы

1. Ионцев В. Настоящее и будущее международной трудовой миграции в России // Международная миграция населения // Россия и современный мир / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – Вып. 14: Трудовая миграция. Вопросы управления и защиты прав трудящихся-мигрантов в России. – С. 9–20.
2. Клупт М. Перспективы трудовой миграции в Северо-Западном регионе: Проблемы импорта и экспорта трудовых ресурсов // Там же. – С. 58–66.
3. Понкратова Л. Международная трудовая миграция на Дальнем Востоке России: Современные реалии и перспективы // Там же. – С. 75–87.
4. Рязанцев С. Иммигранты на российском рынке труда: Подходы и практики регулирования на федеральном и региональном уровнях // Там же. – С. 96–104.
5. Соболева С. Положение мигрантов на сибирском рынке труда: Оценка экспертов // Там же. – С. 67–74.
6. Эдиев Д. Миграционная ситуация и миграционные настроения в регионах Северного Кавказа // Там же. – С. 88–95.

ФЕМИНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

**La migration internationale se feminise // Problemes econ. – P.,
2006. – N 2910. – P. 30–41.**

В докладе о мировом населении в 2006 г., подготовленном в рамках ООН, указывается, что в настоящее время женщины составляют половину от 94,5 млн. мигрантов в мире. Причинами миграции женщин традиционно являются замужество и воссоединение семей. Однако в последние десятилетия увеличилось число женщин, эмигрирующих в одиночку или в компании с другими женщинами. В принимающих странах женщинам, как правило, предлагается более низкая заработная плата, чем мужчинам, и область применения их труда ограничивается сферой услуг, хотя в странах Северной Америки и Европы женщины довольно значительно представлены в категории квалифицированных работников.

Проблемы международной миграции вообще и женщин в частности лишь с недавних пор включены в научные исследования экономистов. Это значительный пробел не только для эмигрирующих женщин, но и для семей и сообществ, которые они покинули. Денежные переводы женщин-эмигранток вносят существенный вклад в снижение бедности и развитие своих родных стран. Несмотря на то что женщины подвергаются дискриминации как в своих, так и в принимающих странах, миграция в целом оказывает положительное воздействие на миллионы женщин и их семьи. Оказавшись в новой стране, женщины воспринимают новые идеи и социальные нормы, которые позволяют получить им новые права и полноценно участвовать в жизни общества. В любом случае представители властей должны обратить внимание на то, каким образом дискриминация влияет на международную миграцию на индивидуальном, семейном, общественном и национальном уровнях.

Миграция женщин возросла во всех частях мира, движимая новыми возможностями и требованиями глобализации. При наличии спроса на мигрантов обоих полов мужчины имеют лучшие шансы занять более квалифицированную и более оплачиваемую работу. Женщины часто ограничены традиционно женской занятостью в качестве домашней прислуги, в сфере обслуживания и секс-индустрии, где занятость часто нестабильна и характеризуется низкой заработной платой, отсутствием социального обеспечения и плохими условиями работы. Тем не менее так как женщины традиционно являются ухаживающим и медицинским персоналом, занимают места сиделок и младшего медицинского персонала, то некоторые профессии открыты для приема на работу женщин-мигранток, что подкрепляется официальными механизмами удовлетворения спроса на женский персонал.

С 2000 г. четверть женщин-мигрантов, живущих в Финляндии, Великобритании и Швеции, были заняты в сфере образования и здравоохранения. Громадный международный спрос на медсестер побуждает все большее количество женщин к эмиграции. Но в то время как богатые страны предпринимают усилия по удовлетворению своих потребностей в младшем медицинском персонале, в других странах наблюдается беспокоящий дефицит таких медицинских работников. Более четверти медсестер и их помощниц, работающих в основных городах США, родом из других стран. В Новой Зеландии, по данным 2002 г., 23%, а в Сингапуре в 2003 г. 30% медсестер были иностранками (с. 36). В Великобритании практически все медсестры, получившие образование за границей, приехали из Африки, Азии и стран Карибского бассейна.

В Великобритании также возросла численность женщин-мигранток, работающих в сфере информатики, коммуникаций, финансов и на предприятиях. В Австралии женщины-иммигранты работают в сфере управления и других высокопрофессиональных отраслях. Усилилась миграция образованных женщин в пределах Африки и Латинской Америки. Так, актрисы и научные работники родом из Аргентины, Чили и Уругвая часто устраиваются на работу в Бразилию.

Независимая занятость позволяет женщинам выполнять одновременно свои профессиональные и семейные обязанности и решить вопрос дискриминации или эксплуатации на рабочем месте. Это особенно видно на примере стран Центральной и Западной Африки, где женщины часто занимаются приграничной торговлей. Точно так же женщины-мигрантки, приехавшие в Великобританию

из Южной Азии, Китая и Турции, часто выбирают для себя независимую занятость в торговле.

В последнее десятилетие открытие текстильных фабрик в Азии способствовало увеличению возможностей занятости для женщин. На этих предприятиях получает работу большое число работниц, для многих эта занятость является трамплином для получения работы в других странах.

Указывается, что денежные переводы, посылаемые женщинами-эмигрантками на родину, могут избавить от нищеты семьи и даже целые сообщества. В 1999 г. в Шри-Ланку было отправлено более 1 млрд. долл., причем 62% этой суммы было отправлено женщинами (с. 38). В конце 90-х годов сумма переводов на Филиппины составляла ежегодно около 6 млрд. долл., причем треть за счет женщин. По имеющимся данным, женщины отправляют более значительную часть своего заработка, чем мужчины, причем регулярно и постоянно.

Как правило, денежные переводы женщин используются для покрытия ежедневных расходов, на медицинское обслуживание и образование, что показывает приоритеты женщин в области расходов и свидетельствует, что они в большей степени, чем мужчины, склонны инвестировать в детей. В традиционных обществах женщины не имеют никакого контроля над принятием финансовых решений, управлением сбережениями и собственностью. Мужчины предпочитают расходовать денежные переводы на приобретение потребительских товаров, таких как автомобили, телевизоры, или инвестировать в недвижимость или скот.

Помимо денежных переводов женщины-мигрантки могут также стимулировать социально-экономическое развитие в своих странах и способствовать установлению большего равенства прав мужчин и женщин. По мере того как все большее количество женщин эмигрирует, они создают все большее количество своих собственных организаций мигрантов, которые передают накопленные компетенции и ресурсы и способствуют изменению традиционных понятий о роли женщин в обществе. Так, с 1993 г. африканцы, живущие во Франции, сформировали сеть ассоциаций мигрантов, имеющих целью облегчение интеграции во французское общество и улучшение качества жизни в своих родных странах.

Указывается, что миграция может изменить традиционные роли женщин и мужчин в частной и общественной жизни. Однако связь между миграцией и равенством полов довольно сложная. Как

показывает практика, женщины, эмигрирующие в одиночку, а не как члены семьи, приезжающие в новую страну легально и работающие вне дома, часто имеют положительный опыт, особенно в случае окончательной миграции.

В случае эмиграции женщин как члена семьи их положение может быть очень трудным, так как их жизнь в новой стране ограничена традиционными рамками, принятыми в их родных странах, но они лишены поддержки своих родственников и друзей, оставшихся на родине. Эта культурная изоляция является уделом иммигрантских семей и сообществ, чувствующих себя маргиналами и видящих в стране пребывания угрозы для их культурной идентификации.

Однако для многих женщин-мигранток опыт миграции является таким положительным, что они могут колебаться относительно своего возвращения на родину из боязни потерять свою недавно полученную автономию. Мужчины-мигранты, наоборот, чаще выражают желание вернуться на родину. Констатируется, что женщины-мигрантки быстрее интегрируются в общество страны пребывания, так как больше контактируют с местными организациями типа школ и социальных служб.

С.Н. Куликова